

МОДА НА ВОЛШЕБСТВО

Страсть
к вещам
небезопасна

ФРАНЦИСКА ВУДВОРТ

Annotation

Костры, на которых жгли ведьм, остались в далеком прошлом. Но загадочный Орден по-прежнему борется со скверной даже в современной Москве, и в мире действительно существуют волшебные вещи, наделяющие свою владелицу необычными свойствами. А если одна из них случайно попала к тебе – жди не только кошмарных снов. И за тобой, Кристина, обычной студенткой лингвистического института, будет идти по пятам Палач Ордена, случайный поклонник окажется настоящим инквизитором, а лучшая подруга – наследницей страшных тайн. На фоне трагических событий вспыхнет любовь – нежданная и настоящая. Но чтобы спасти любимого, придется пойти на многое. Какое же счастье, что волшебство может быть не только злым!

- [Франциска Вудворт](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)

- [Эпилог](#)

Франциска Вудворт
Страсть к вещам небезопасна

Пролог

– Ваша светлость, почта из Франции! – Слуга прошел в кабинет. – Только что доставили.

Хозяин кабинета, статный пожилой мужчина, оторвал взгляд от бумаг, которые внимательно изучал еще мгновение назад, и в нетерпении протянул руку.

Вскрыв одно из двух писем, погрузился в чтение, а потом в раздражении отбросил листки, устремил задумчивый взгляд в окно. На улице моросил мелкий дождь. Кап-кап-кап...

Дробь капель по стеклу совпала с дробью крепких узловатых пальцев по сукну столешницы. Новости были неутешительные. Слишком поздно они обнаружили заразу, и в который раз на плечи Ордена легла непосильная ноша по ее истреблению и защите обывателей.

Оставалось лишь сожалеть, что костры инквизиции остались в далеком прошлом. В те времена Орден как никогда был близок к победе, но женщины... эти хитрые порождения Сатаны сумели затаиться, и братьям не удалось полностью уничтожить скверну. Женщины вновь туманят головы сильной половине человечества, мечтая через мужчин управлять миром.

Рассадник заразы проявился во Франции. С большим трудом ищейкам удалось отследить местоположение, но они опоздали, и теперь придется пожинать последствия. Мадам Дамаль, в девичестве Буфоме, закрыла свое ателье около шести лет назад и бесследно исчезла. Ее теперь не найти.

Только взгляд посвященного человека видел истину. «Буфоме» – искаженное *Varhomet*. Одно из имен Сатаны. Женщины, как и их прародительница Ева, которая искусила Адама и явилась причиной изгнания из Рая, продолжают сеять семена хаоса. Они извращают замысел Божий!

Если прочесть слово *Varhomet* в зеркальном отражении, оно превращается в *Temohrab* – нотарикон, акроним, образованный первыми буквами латинской фразы «*Templi omnium hominum pacis abbas*». В переводе – «Настоятель Храма мира всех людей». Только мужчинам дано править миром! Женщины же, как и их прародительница, ни перед чем не останавливаются в коварном желании изменить порядок вещей и подчинить мужчин. Смеют заявлять о своих правах! Куда катится мир?!

Тяжелым грузом лежала на плечах ответственность за дело, которому

он посвятил жизнь, как и все его предки. Радовало, что Орден смог сохранить свое существование в тайне, в то же время с каждым веком лишь расширяясь и обрастая братьями, верными их миссии на этой земле.

Отгнав усталость, хозяин кабинета вернулся к делам. Следовало направить как можно больше ищеек во Францию. Женщины беспечны и часто сами выдают себя. Пусть обыватели слепы, но, к счастью, есть люди, которые знают, что искать и на что обращать внимание.

Оставалось еще одно письмо. Уже без всякого нетерпения он вскрыл его, примерно представляя, о чем пойдет речь. На лице появилась скупая удовлетворенная улыбка. Новости радовали. Хотел бы он видеть лицо заключенной Маргареты Гертруды Зелле, в обществе больше известной под псевдонимом Мата Хари, когда ей доставят вещи перед казнью. Не зря адвокат гадины стал их человек! Сумел завоевать доверие, всего лишь виртуозно разыграв восхищение и влюбленность. На суде даже на колени встал, прося для нее снисхождения!

Птичка и не подозревала, что на этот раз она не охотник, а добыча. Именно адвокат, играя на непомерно раздутом самомнении, тонко подвел танцовщицу экзотических танцев к мысли, что ей под силу очаровать расстрельную команду, и тогда солдаты встанут на ее защиту и выведут из тюрьмы. Сам адвокат обещал организовать дальнейший побег и покинуть страну вместе с Маргарет.

Она ухватилась за шанс на спасение, уже представляя шумиху в газетах о том, как у мужчин не поднялась рука исполнить несправедливый приговор. Привыкшая к силе своего очарования, куртизанка не увидела подвоха. И сообщила место тайника, где хранила лиф и перчатки. Адвокат должен был передать ей эти вещи вместе с костюмом, который шили специально для казни. Вот только Мату Хари ожидают НОВЫЕ перчатки и блузка вместо лифа, так как ее вещи уже на пути в Орден, где будут уничтожены.

Глупая женщина! Вкусив власть и силу своего очарования, совсем потеряла голову и решила попробовать себя на поприще шпионажа, чувствуя полную безнаказанность. Как же она ошибалась! В этом мире издревле существуют силы, следящие за порядком и карающие таких, как она.

Глава 1

Я открыла глаза и жадно втянула в себя воздух. Аппетитный ванильный запах блинчиков, коварно пробравшийся в комнату, был способен поднять и мертвого, а не только меня, размечтавшуюся отоспаться в свой законный выходной. Мама готовит вкусненькое, и ради такого стоит вылезти из теплой постели.

Блинчики родительницы – это нечто! Тонкие, кружевные и буквально тающие во рту. Непостижимым образом отключающие мозг, заставляя забывать о калориях и диете. Давно нас так не баловали. Мамуля с весны сажала семью на здоровое питание, стремясь привести себя в форму к лету. Она худеет, а нам с отцом страдай! В этом году данный порыв затянулся и на весь летний период, и приходилось подкармливаться в других местах. После всего полезного дома безумно хотелось наесться чего-то не менее вредного. Мы с папой чувствовали себя чуть ли не преступниками, заезжая в «Макдоналдс» и поглощая на пару картошку фри с гамбургерами.

Сейчас же запах блинчиков стал вестником того, что время ограничений закончено и нас начнут баловать запеканками, пирожками и прочими калорийными вкусностями. Да здравствует осень! Наконец-то мама решила расслабиться и о здоровом питании не будет вспоминать до весны. Такая перспектива радовала, и я бодрой походкой потрусила умываться.

– Утро доброе! – Свежая, как майская роза, я появилась на кухне.

– Доброе! – блаженно жмурясь, поддержал отец, не сводя влюбленного взгляда с жены, которая переворачивала очередной блин на сковородке.

И зачем она себя диетами мучает? Подумаешь, скинула лишние пять кило. Зато папочка счастливыми глазами ее пожирает именно сейчас, когда она готовит. Что-то у него последнее время глазки так не блестели, я сейчас себя просто лишней почувствовала на родной кухне. Все понимаю, но взглядом маму в данный момент просто облизывали. Ох, в который раз убеждаюсь, что любят мужчины, когда их вкусно кормят!

– Проснулась? – с улыбкой обернулась ко мне родительница, при этом ловко переворачивая сковороду и добавляя блин к стопке на тарелке.

– С такими запахами разве поспишь? – усмехнулась я, плюхаясь на стул.

– Решила вас порадовать. Давно что-то не готовила вкусного.

– Давно... – Горестный вздох вырвался сам собой. – Я тебя тоже

порадовать решила. Вот.

Я положила перед мамой билеты в Театр оперетты.

Знаю, что она обожает мюзиклы. Каюсь, это был подкуп, но он не понадобился. Обычно после походов в театр мама в приподнятом настроении, ее так и тянет приготовить вкусненькое. А тут так совпало, мои ученики вернулись после лета к урокам английского, и накопало денег с занятий, да еще на глаза попалась афиша.

Хорошо, что отец сегодня в эйфории от поселившихся на кухне аппетитных запахов и простил мне этот шаг. Просто он как раз мюзиклы терпеть не может, но стоически сопровождает жену на все представления.

– Что это? – Отставив сковороду, мама взяла билеты. – Кристина?! – радостно и в то же время с упреком, что я потратила свои деньги, спросила она.

– Мамуль, ты мне блинчики дай, и я тебе каждую неделю билеты покупать буду!

Это я, конечно, погорячилась, так как отец предостерегающе крикнул, а мама бросила на него насмешливый взгляд. Папина нелюбовь к искусству была предметом подшучивания в нашей семье. Особенно часто вспоминалось, как он однажды заснул во время спектакля и на крики со сцены: «Он мертв! Убили!» – ответил спросонья: «Чего орешь? Везите в морг!»

Зал рухнул от смеха. Что поделаться, хирург Станислав Серебрянский не выспался после дежурства.

– Спасибо! – Мама быстро поцеловала меня, приобняв, и вернулась к плите. – Сейчас, тут на парочку еще теста осталось.

Я взяла чашку и налила себе свежесваренный чай из черной смородины, меда и мяты. Обожаю его!

– Какие планы на сегодня? – спросил отец.

– Отсыпаться. Нам там задали кое-что, схожу к Саше, я обещала ей помочь, а вечером ученик.

– Тебя отвезти? – дежурно уточнил он. Конечно, это раньше был законный повод улизнуть из дома и захватить со мной в «Макдоналдс», а теперь, когда у мамы проснулся кулинарный энтузиазм, папу никакими коврижками с места не сдвинешь.

– Здесь рядом. Не надо.

Тут перед нами поставили тарелку блинов, и разговор увял сам собой – слюнки потекли.

Чувствуя себя объевшимся удавом, уползла в свою комнату досыпать, оставив родителей на кухне. Мама как раз залезла в Интернет посмотреть

информацию насчет мюзикла и что-то там щебетала отцу, который умудрялся делать заинтересованное лицо. При этом я готова была поспорить, что в данный момент все слова проходили мимо его сознания, так как папа еще ел, смакуя каждый блин.

«Как же хорошо!» – подумала, вытянувшись на кровати. Время еще было, и я в самом благостном настроении задремала.

Проснулась только к полудню. Сквозь сон слышала, как родители собирались в гипермаркет за продуктами, и не удивилась, что в квартире никого нет.

«Не спишь?» – набрала сообщение подруге, зная, что та тоже любит поваляться в выходные.

«Встала уже. Приходи. Раньше начнем – раньше закончим. С нами в клуб не надумала?»

«Нет. Сегодня без меня».

Билеты в театр вылились в копеечку, и не хотелось оставаться совсем на нуле. Отец мог бы подкинуть, но мне не так сильно горело куда-то идти. К тому же после занятий с Михаилом, который отказывался усваивать грамматику уже второй год, я чувствовала себя выжатым лимоном.

«Хрюшка».

«Хрю-хрю! У меня ученик, сама знаешь».

«Слабая отговорка».

Я хмыкнула, прочитав сообщение, и тут же пришло еще одно: «Ладно, давай ко мне».

«Может, ты ко мне? Мои уехали».

«Нет. Бабуля сегодня что-то ворчит. Приходи, она тебя любит».

Я усмехнулась. Бабушка у нее действительно была строгая и держала Сашку в ежовых рукавицах, не приветствуя подруг. Мы же дружили с детства, и я чуть ли не единственная, кто вхож к ним в дом. Аделаида Стефановна выдающаяся женщина. Француженка, вдова русского дипломата. Аристократические манеры и внешний вид разбивали привычный образ наших бабушек. Когда приходишь к ним в гости, создается впечатление, что попадаешь на прием к королеве.

Странно, но я ее не боялась. Мои собственные бабушка и дедушка по папиной линии уже давно на небесах, а по маминой живут на Алтае. Видимся мы нечасто, и я привязалась к Аделаиде Стефановне, восхищаясь ею. За внешней строгостью и неприступностью видела доброе сердце. Если нам с Сашей и попадало, то за дело, а благодаря ее воспитанию мы чувствовали себя комфортно в любом обществе. С ней мы посещали выставки и музеи, могли поддержать разговор о живописи и искусстве. Не

тушевались в ресторанах, гадая, какой вилкой есть, – в доме Аделаиды Стефановны на каждый праздник стол сервируется так, как не в каждом ресторане.

Не скажу, что наши семьи дружат, скорее стали знакомы благодаря нам. Семья Лебедевых переехала сюда, когда мне было шесть. После смерти мужа Аделаида Стефановна не захотела жить в старой квартире, и ей приглянулся наш спокойный район в Кузьминках. Ее единственный сын пошел по стопам отца и вместе с супругой пропадает за границей в дипмиссиях. Еще со школы бабушка воспитывает внучку сама.

Мы живем в одном дворе, ходили в одну школу и даже поступили в один институт иностранных языков. Просто благодаря Сашиной бабушке я с детства влюбилась во французский и выучила его, хотя в школе был английский. Когда появилась возможность выбирать, взяла еще и испанский, а вот Саша ограничилась двумя языками. Лично мне нравится учеба и выбранная специальность, чего не скажешь о подруге. Та спит и видит, когда сможет получить корочки и уехать к родителям. Те, кстати, хотели послать ее на учебу за границу, но вмешалась Аделаида Стефановна, и внучка осталась дома. Авторитет матери у сына непререкаем.

Мне кажется, Сашин отец именно поэтому так редко приезжает. Я однажды случайно слышала, как его жена распекает, упрекая в том, что взрослый и успешный мужчина не может слова против матери сказать, соглашаясь с ней во всем. А может, дело в том, что невестку Аделаида Стефановна терпеть не может, и та платит взаимностью.

Собираясь в гости, потратила немного больше времени, чем обычно, уделив внимание прическе и одежде. К подруге не придешь абы в чем. Дело в том, что, увидев всегда строго одетую Аделаиду Стефановну, с прической волосок к волоску, поневоле хочется соответствовать.

Собрав в сумку все необходимое, закрыла квартиру и вышла. На выходе из лифта меня поприветствовали:

– Тяв!

– Привет, Лорд!

Тойтерьер меня благожелательно обнюхал. Эта собака была уникалом – знала всех жильцов и никогда на них не бросалась, но стоило появиться чужаку, как визгливый лай был слышен до площадки девятого этажа.

– Привет, Дим! Гуляли? – спросила я у подростка, держащего поводок. Мы жили на одном этаже.

– Да, погода хорошая, – смутился парень, сжимая в руках небольшой

резиновый мяч. На вид лет тринадцать-четырнадцать, и в последнее время при встречах он на меня стал странно реагировать.

Улыбнувшись соседу, я посторонилась, пропуская их в лифт.

А на улице действительно было хорошо. Солнце ласково грело, а в глазах рябило от яркой осенней листвы. Люблю это время года. Даже пожалела, что идти недалеко – живем мы в одном дворе. Я бы с удовольствием прогулялась по свежему воздуху. Обидно в такую погоду корпеть над графиками и диаграммами.

На мой звонок дверь открыла домработница.

Прежде чем идти к Сашке, я прошла в гостиную поздороваться с хозяйкой дома.

– Как дела, Кристиночка? – благосклонно спросила она, отложив книгу. Аделаида Стефановна, как всегда, выглядела безупречно. Седые волосы убраны в элегантную прическу, легкий макияж, в ушах сережки с жемчугом. Домашний наряд составляли темно-синяя блузка с воротником стоечкой и бежевая юбка, в которых можно было хоть сейчас отправиться на прогулку. Из образа немного выбивался крупный браслет из эбенового дерева на руке. Я сразу поняла, что у нее был приступ астмы. Обычно Аделаида Стефановна надевает браслет и поглаживает. Говорит, что это успокаивает. Теперь понятно, почему Сашка жалуется. Ее бабушка не любит чувствовать себя слабой и после приступа находится в немного ворчливом настроении.

– Спасибо, все хорошо. Мы позанимаемся с Алекс?

– Рада, что ты пришла. Александре давно пора заняться делом. Пообедаешь с нами?

– С удовольствием, – согласилась я, прикинув, что засядем надолго. О самочувствии спрашивать не стала, она этого не любила.

Отдав дань вежливости, улизнула к подруге. Стоило зайти, как стало ясно, почему Сашка меня не встречает: в ушах наушники, а сама развалилась на диване, уткнувшись в глянцевый журнал.

– Хватит ерундой страдать!

Сняла с подруги наушники. Ее длинные каштановые волосы рассыпались, доставая до пола, и я была осторожна, чтобы не наступить.

– Смотри, Серебрянская, какие ботильоны! – Она мечтательно ткнула пальчиком в фото, любовно погладила.

В этом вся Алекс. Ее слабостью была обувь, и понравившейся моделью она могла любоваться бесконечно, забывая обо всем.

– Хватит медитировать! У нас заданий выше крыши.

– Умеешь ты все удовольствие испортить.

– Саш, завтра же сама будешь ныть, что ничего не готово и что тебе, бедной, делать.

Подруга еле заметно поморщилась, так как теперь предпочитала, чтобы ее называли Алекс, но я ничего не могла с собой поделать. Привыкла с детства, и иногда вырывалось.

– Если сегодня хорошо зажжете, то завтра тебе точно не до этого будет, – привела я еще один аргумент.

– Крис, идем с нами! – тут же ухватила Сашка за мои слова. – С нами еще Бекасова хочет. Ты же знаешь, что, если ее не возьмешь, обиды будет надолго. Она же Юльку с Ольгой запилит потом, а Адам сказал, что по VIP-карте с собой можно провести не больше одного-двух человек, если без него.

– Уверена? Может, он просто не хочет, чтобы ты там без него в большой компании тусила?

– Не знаю, но проверять как-то не хочется. Я же повешусь, если придется Адаму звонить.

– Почему? Уж он-то будет счастлив.

На это она лишь фыркнула, закрывая журнал и вставая. Наш однокурсник уже давно запал на Александру, но та лишь крутила носом, ехидно смеясь, что она не Ева. Кстати, это его отец недавно открыл новый клуб, и именно благодаря Адаму мы с Сашкой стали обладательницами заветного пропуска.

– Ехидна! Как человека прошу, пойдём.

– Не в этот раз, – покачала я головой. Мы еще немного попрепирались, но я была непреклонна, и все же занялись делами. Задали действительно много, не стоило попусту тратить время.

* * *

Влад Савицкий чувствовал, как струйка холодного пота медленно ползла по позвоночнику. Под взглядом собеседника хотелось провалиться сквозь землю.

– Итак, вы хотите сказать, что поспешили, пригласив меня? – произнес Богдан Ковальский.

Необычайно светло-серые глаза, холодно смотрящие на него, вкупе с тихим голосом навевали такой ужас, что у Влада подрагивали колени. Пусть по лицу ничего не мог прочесть, но кожей чувствовал, что гость им недоволен.

– Простите, ваш кофе. – В кабинет заглянула секретарша с подносом. Никогда еще Влад так не радовался ее появлению. Короткая юбка демонстрировала стройные ноги, и взгляд Ковальского пропутешествовал до виднеющегося кружева чулок, а потом поднялся выше и нырнул в ложбинку между пышных грудей, которую открывал нескромный вырез белой блузки.

Видит бог, Савицкий впервые благословил небеса, что взял на работу эту красивую куклу, основными достоинствами которой были яркая внешность и талант к оральному сексу. Пусть во взгляде собеседника и не возникло охотничьего азарта, но ленивый мужской интерес присутствовал. Секретарша на некоторое время отвлекла внимание Ковальского, и Влад смог перевести дух. А когда она покинула кабинет, собрался и решительно произнес:

– Я бы сказал, что вмешалось само провидение! Дом сгорел, а труп опознан. Расследование показало несчастный случай. Вот заключение. – Он достал из папки бланк и положил на стол. – Сожалеем, что вызвали вас напрасно.

– Я не доверяю официальным властям. Пусть поработают наши люди.

Гость не удостоил документ даже взглядом и скрестил пальцы. На руке блеснуло кольцо. Савицкий сглотнул, отвел глаза и поспешно кивнул:

– Конечно. Уже работают.

– Жду результатов, и предоставьте все материалы по наблюдению за объектом.

* * *

Струи воды смывали усталость.

Перелет измотал. Встреча с Савицким не добавила настроения. По всему выходило, что Богдан зря прилетел и небеса сделали работу за него. Не нравились ему такие «подарки». Лучше самому во всем разобраться. Заодно заглянул в местный филиал благотворительного фонда, наделав переполох неожиданным визитом. На первый взгляд дела там шли хорошо, и Богдан еще не решил, стоит ли задержаться и устроить проверку. Россию он не любил, предпочитая Европу. В принципе, его присутствие не так уж и необходимо. Если что-то не понравится, сюда можно прислать людей из своей команды. Пока он просто понаблюдает и составит личное мнение.

Протянув руку, увеличил напор воды, а потом включил холодную. Сжав зубы, выдержал время и сменил на обжигающе горячую. Душевую

кабину заволкло паром. Потом опять холодная. Горячая. Холодная. Выключив воду, тряхнул светлыми волосами. Другое дело. Контрастный душ всегда бодрит и проясняет мысли.

Растерев порозовевшую кожу полотенцем, накинул банный халат и вышел из ванной в роскошно обставленный номер отеля.

Часто путешествуя, Ковальский ценил комфорт, но если задерживался дольше, чем на несколько дней, предпочитал снимать дом в пригороде.

Услышав знакомое жужжание, подошел к пиджаку, брошенному на кресло, извлек телефон из внутреннего кармана и открыл сообщение.

«Жив, не дождешься. Проект в провинции Альберта, только что прилетел. И здесь просто отвратительная погода».

Наконец-то! А уж он решил, что названный братец пропал с концами, раз не отвечает так долго. Ухмыльнувшись, написал ответ:

«Ха! Ты не представляешь, в каких условиях работаю я. Скидывай фотки, которыми тебя можно шантажировать. До Рождества успеваешь? Отец хотел с тобой поболтать. Говорит, скайп живого общения не заменит».

Вскоре от Хана пришло новое сообщение:

«Я закончу до Рождества. И хрен тебе, а не фотки! До встречи, брат мой. И будь осторожен».

Богдан усмехнулся. Да, в России осторожность не повредит. До цивилизации этим дикарям далеко, но, с другой стороны, все было на порядок проще. Русские любили деньги, здесь все легко покупались и продавались.

Захотелось увидеть Хана. В последнее время дела разбросали их по миру.

Память перенесла на двадцать один год назад. В Польшу. Богдан с первого дня присматривался к новичку в их закрытой школе для избранных. Сирота. Иногда он сам втайне жалел, что не родился сиротой. Строгая рука родителя частенько учила его уму-разуму, вдалбливая воспитание, а мать отводила глаза, старательно делая вид, что ее нет, и покорно опускала голову, когда муж говорил, что это ее влияние и гены. Именно в детстве Богдан научился ни на кого не надеяться, отвечать за свои поступки и рассчитывать лишь на себя.

Ему нравилось, что новенький ничего не знает о семье Ковальских. В их классе все старались подружиться с Богданом, лебезя, или держались настороженно, а Хан был независим. К нему полезли в первые дни, задирая, но приютский мальчишка быстро подправил носы богатеньким сынкам, и нападать на новичка в открытую после этого опасались.

Однажды Богдан не удержался и подошел к нему на заднем дворе

школы. Тщательно скрывая любопытство, спросил про приют, где тот воспитывался, и был удивлен, что там ребят не били. Исподволь выясняя обстоятельства жизни сироты, он понял, что не задумываясь поменялся бы с ним местами. Сказки на ночь, вечерние просмотры мультфильмов, настольные игры... Все это стало окном в совсем иную жизнь. Самому Богдану никогда не читали сказок, а просмотр мультфильмов отец считал пустым времяпровождением.

Одноклассники недоумевали, когда видели Богдана Ковальского и сироту Хана Зегерса вместе. Еще больше бы они удивились, услышь, о чем те говорят. А Хан рассказывал Богдану сказки и вспоминал смешные истории из жизни в приюте. Так и зародилась дружба, которая год от года становилась лишь крепче.

Ожил планшет, вызывая по скайпу. Сестра. Ей Богдан был рад всегда.

– Ты прячешься от меня? – тут же спросила она, гневно сдвинув брови. Глядя на строгое выражение лица, так не гармонирующее с ангельскими чертами, он усмехнулся белокурому бесенку.

– Угадала. От тебя только в ванной и можно спрятаться.

Увидев его влажные волосы, она оттаяла, но не показала виду.

– И там достану!

– Знаю. Это же ты еще в детстве пробралась ко мне в душ с целью выяснить, чем это девочки отличаются от мальчиков.

– Не напоминай! У меня до сих пор не зажила психологическая травма. И ты мне должен!

– Опять?! – Богдан притворно ужаснулся. – У меня тоже травма на всю жизнь! Тебе напомнить, как ты тянула ручки к святому и просила потрогать?

Они рассмеялись, и уже другим тоном Ирен произнесла:

– Брат, спасай! Меня мама достала со своей общественной жизнью и заседаниями благотворительного комитета. Я на стенку лезу. Не доводи до убийства! Можно я к тебе прилечу?

– Чтобы ты меня убила? Я сейчас как раз инспектирую местный благотворительный филиал.

– Не произноси этого слова!!! – глухо застонала она, театрально закрыв глаза ладошкой.

– Зато я знаю, что... – Богдан таинственно понизил голос, и сквозь расставленные пальцы на него заинтересованно взглянул голубой глаз, – в провинции Альберта отвратительная погода, и прекрасного принца не мешало бы встряхнуть от меланхолии.

– Хан там? – встrepенулась сестра, подавшись к экрану, и глаза ее

зажглись в предвкушении.

– Там-там, – усмехнулся он, уже представляя реакцию Хана, когда на его голову свалится это неугомонное стихийное бедствие. – Я думаю, что отец будет не против твоей поездки, ведь ваша свадьба не за горами.

– И ты туда же?! Он мне как брат!!!

От обиды Ирен готова была испепелить Богдана гневным взглядом. Сразу видно, что совсем дома достали, раз так реагирует. Нет, ей точно необходимо проветриться и сменить обстановку.

– Вот и скажи об этом отцу, а потом отправляйся на очередное заседание благотворительного комитета, – насмешливо скривил губы Богдан, и сестра тут же взяла себя в руки. Ему понравился хитрый блеск ее глаз.

– Хан такой лапочка... – захлопала ресницами проказница, накручивая на палец белокурый локон.

– Не переигрывай, – усмехнулся в ответ. – Но движешься в правильном направлении.

– Пойду порепетирую, – деловым тоном сообщила Ирен. – Люблю тебя!

– И я – тебя, – сказал Богдан уже пустому экрану. Зная сестру, был уверен: скоро Хана ожидал сюрприз в ее лице.

Не успел отложить планшет, как снова зажужжал сотовый. Посмотрев на высветившийся номер, не удержался от кривой улыбки. С Кристофом Морено они последний раз виделись в Вене. Неужели тот в России? Короткий разговор подтвердил, что да, и они даже в одном городе. Договорились встретиться вечером и обсудить новости.

Разговору помешала трель внутреннего телефона гостиничного номера. Быстро попрощавшись и усмехнувшись своей популярностью, взял трубку. Оказывается, пришел курьер из фонда с документами, которые Богдан просил подготовить и собирался просмотреть в спокойной обстановке. С него хватило переполоха, который образовался в офисе компании из-за неожиданного приезда начальства.

– Пусть поднимается.

«Сюрприз-и-из!» – мысленно протянул, открыв дверь. Он собирался всего лишь взять бумаги, но длинноногая красотка заставила изменить планы и посторониться, пропуская ее в номер. Девушка прошла внутрь, с любопытством осматриваясь. Богдан оценил вид сзади и нашел его интересным.

Остановившись, гостя обернулась. Призывный блеск глаз уверенной в своей привлекательности женщины не оставил равнодушным.

Тщательный макияж, алые губы, облегающее платье. Свой плащ она сняла заранее и держала на сгибе руки.

– Вот документы, что вы просили, – протянула папку, но Богдан не пошевелился. Голос у незнакомки был приятный, грудной. – Если нужно, я могу задержаться и... помочь.

Взгляд Богдана медленно пропутешествовал сверху вниз и обратно, оценивая красоту линий.

– Помоги, – решил он принять присланный подарок и потянул за концы мягкий пояс халата.

Движение плеч – халат упал к ногам. Как всегда, позабавил жадный взгляд, которым она изучала его тело. Женщины часто восторгались атлетическим сложением Богдана, кубиками пресса и рельефными мускулами.

Гостья отбросила плащ и папку с документами, из которой на пол просыпались листы.

Внутренне Ковальский поморщился, но не стал делать замечание, глядя в лицо незнакомке. Ничего, потом она все соберет. Он научит ее уважительному отношению к бумагам.

– Меня зовут Жанна, – сообщила гостья, подойдя вплотную.

Да какая разница! Он коснулся ее лица, провел пальцами по подбородку, слегка отстранился, не дав себя поцеловать. Только следов яркой помады на своих губах не хватало! Надавил девушке на плечо, заставил опуститься на колени.

Жанна оказалась профессионалкой, и дополнительного приглашения приступить к делу не потребовалось.

Глава 2

Возвращаясь вечером после занятия с учеником, я совсем не ожидала увидеть в нашем дворе пританцовывающую от нетерпения Александру, которая была при параде.

– Ты чего здесь? – искренне удивилась я.

– Они меня кинули! – со злостью воскликнула она.

– Кто?!

– Юлька с Ольгой! Представляешь, Юлька в последний момент позвонила и сообщила, что ее Стас откуда-то узнал, что мы идем в клуб, и устроил ей сцену. Теперь у них бурное примирение, и она никуда не идет. Уверена, что без Бекасовой не обошлось! Ее брат со Стасом дружит, и она вполне могла доложить.

– А что с Ольгой?

– Умудрилась поссориться с предками. Отец откуда-то узнал о том, что она курит, а он этого терпеть не может и в назидание заблокировал ее карточки. Она теперь под домашним арестом дома, будет изображать примерную девочку, пока папаша не отгадет.

– Тоже Бекасова? – иронично поинтересовалась я.

– Да не знаю я! У этой овцы ума бы хватило дома дымить и бычок на видном месте забыть, – в раздражении передернула плечами Сашка.

– Ладно, с ними понятно. Ты почему на улице торчишь?

– Кри-и-ис... – Взгляд подруги стал совсем жалобный. – Пойдем со мной! Я ведь уже собралась, оделась, настроилась.

Так, теперь стало ясно, чего она меня на улице караулила. Знала ведь, когда примерно домой вернусь, и решила застать врасплох, чтобы не отказалась.

После занятия я чувствовала себя загнанной лошадей. Сам ученик хороший, но отказывается усваивать знания. Уже даже намекала Мишиным родителям найти другого репетитора, но мальчик отказывается – привык ко мне, вот и мучаемся. Можно было бы предположить, что плохо преподаю материал, но с остальными учениками у меня никаких проблем нет. Не без гордости знаю, что всех подтянула с троек на пятерки.

– Алекс, я устала. У меня вообще настроения нет. Позвони Бекасовой. Она же с вами хотела.

По тому, как скривилось лицо подруги, поняла, что та уже звонила.

– У нее другие планы, – процедила Сашка в ответ, подтвердив мои

подозрения. – Слушай, я теперь просто обязана туда пойти, чтобы она от злости удавилась!

– Давай в другой раз сходим, – заикнулась я.

– Чтобы мне весь вечер отбиваться от Адама?! У него сегодня у матери юбилей, он точно дома будет.

Я скептически посмотрела на подругу. И чего ей не нравится? Вполне симпатичный и нормальный парень. На Адама половина нашего потока вешается, но его заклинило на Саше. Могла бы дать ему шанс. Она же из принципа не хочет иметь с ним ничего общего.

– Серебрянская, ты же моя лучшая подруга! – стала давить на святое Сашка. – Для чего я красоту наводила? – Она тряхнула тщательно уложенными локонами. – Чтобы дома сидеть? Бабуля и так мозг выносит своими нотациями. Хочу развеяться. Ну, пожалуйста...

Я выдохнула сквозь зубы воздух, понимая, что придется идти.

* * *

По привычке Богдан специально сел так, чтобы отслеживать вход, и на этих двух девушек обратил внимание сразу. Заинтересовала, собственно, одна, в стильных рваных джинсах. Через прореху на ноге даже виднелась коленка. Свободная блуза при каждом движении оголяла полоску плоского живота с пирсингом. Блеск камня притягивал взгляд. Сразу вспомнилась Ирен. Сестра как-то чуть не довела до инфаркта отца, появившись перед ним в таких же штанах. Вне сомнений, не один час трудилась над своими классическими дизайнерскими джинсами, чтобы привести их в шикарный художественный беспорядок и позлить папочку. Скандал тогда вышел знатный.

Незнакомка чем-то неуловимо напоминала сестру. Нет, она была скорее миловидной, чем красивой, но тоже имела длинные светлые волосы естественного оттенка, собранные в высокий хвост, и примерно те же рост и сложение. Еще с Ирен ее объединяло некое бунтарское выражение лица. Богдан готов был поспорить, что так она оделась тоже из чувства противоречия. Слишком большой контраст составляла со своей подругой, элегантной и красивой брюнеткой, в стильном платье с короткой блестящей юбкой, демонстрирующей длинные, стройные ноги. Брюнетка тоже получила толику его внимания. Конечно, ей далеко до знакомых холеных светских львиц, но эта девушка со временем обещала превратиться в настоящий бриллиант, за огранку которого были не прочь взяться многие из

присутствующих мужчин, судя по взглядам, бросаемым на красотку.

По тому, как подруги осматривались, можно сделать вывод, что они здесь впервые, но прошли и сели за ВИП-столик с мягкими диванчиками. Официантка убрала табличку «Зарезервировано». Занимательно. По словам Кристофа, заведение новое и сюда так просто не попасть.

Большое пространство клуба занимала танцплощадка, в центре которой находилась круглая сцена с танцовщицами гоу-гоу. Вдоль стен шло волной подиумное возвышение, там и размещались столы с мягкими диванами фиолетовой расцветки. ВИП-столики были в небольших углублениях, создающих приватность. Богдан с Кристофом как раз сидели за таким. У четвертой стены находилась барная стойка, внутри ее в такт музыке перекачивались волны света.

Девушки сели так, что оставались в поле зрения Богдана, и он нет-нет да поглядывал на их столик. Увидел, как подошла официантка, в яркосинем пиджаке и мини-юбке с неоновыми полосками, светящимися в темноте.

– Симпатичные крошки, – заметил Кристоф, проследив за взглядом. – Познакомимся?

Он вальяжно развалился на диване, закинув ногу на ногу, и был не прочь разбавить их общество женским. Ковальский выбрал себе самое дальнее место, предпочтя находиться в тени, и в ответ на предложение блеснул хищной белозубой улыбкой.

– Готов поспорить, что блондинка тебе не по зубам.

Вообще-то Кристоф нацелился на брюнетку, но с азартом принял вызов.

– Ты ошибаешься. Спорим, уже через час она будет на мне виснуть, и тогда я забираю себе двоих.

– Не переоценивай свои силы.

– Все не можешь простить мне ту мулатку в Вене? – с удовольствием поддел Морено. Они учились вместе, и лишь это позволяло ему так неформально общаться с Богданом, чем и пользовался.

– Всего лишь вижу больше тебя. Впрочем, как и всегда.

Такие слова еще больше раззадорили Кристофа, и он весь подобрался, испытывая азарт перед предстоящей охотой.

– Лучше расскажи, как оказался здесь, – предложил Богдан. – Давно тебя не видел.

Энтузиазм Кристофа немного поутих, и на лице проскользнула гримаса, как будто он вспомнил о чем-то неприятном.

– Не знаю, слышал ли ты, что меня перевели. У Ордена большие

планы на Россию. Одно время я занимался одаренными детьми.

– Я помню, мы много денег перечисляли на это, оплачивали отдых и гранды на обучение.

Благотворительная организация Life savior открыла в России свои филиалы «Во имя жизни» и, помимо основной деятельности, брала под крыло подающих надежды подростков, приглашая на обучение за границу. Ордену были нужны умные и перспективные кадры. Братья всегда отбирали в свои ряды лучших. С русскими вообще просто. Многих выдающихся ученых с легкостью удалось переманить. Привыкнув работать за копейки, отобранные кандидаты были счастливы переехать за границу и получить гранды на свои исследования. Именно поэтому сейчас Орден обладает передовыми технологиями.

– Потом придумывал, как лучше легализовать наших, – продолжил Кристоф. – Мы создали обширную сеть. Сколько лет на это угробил! Все мои предложения одобрили, а в итоге в центральный офис назначили Савицкого!

Богдан опустил взгляд, прекрасно понимая всю подоплеку событий. Отец Кристофа курировал восточное направление и отправил сына в Россию, надеясь, что тот создаст и возглавит империю. Школа, в которой они вместе учились, не зря считалась одной из лучших. Все ее выходцы занимали высокое положение как в Ордене, так и в миру. Богдан не сомневался, что Кристоф прекрасно проявил себя, но ему не повезло. Старший Морено несколько лет назад скончался от инфаркта, и сын потерял мощную поддержку. Был слишком молод, чтобы занять его место в Ордене, и вдобавок из-за нескольких неудачных вложений не смог удержать семейные капиталы. Основная собственность принадлежала Ордену и перешла под управление другим лицам, так как Кристоф потерял доверие.

Со смертью одного из глав в руководстве Ордена произошли перестановки, и неудивительно, что пришедшие к власти продвигали своих людей. Кристоф получил звание Инквизитора, но это была небольшая подачка, если сравнивать с тем, что он потерял. Понимая, что обратно возвращаться нет смысла, остался в России. Помнится, при их прошлой встрече в Вене Богдан специально уступил ему мулатку. Знал о неудачах знакомого в бизнесе и дал хоть в мелочи ощутить победу. Тогда при их прощании Кристоф уже не выглядел таким угнетенным и даже шутил.

– Я встречался с Савицким сегодня.

– Он не подходит на эту должность! – произнес Кристоф с излишней горячностью.

– Не могу сказать. Я с ним еще не работал. Нэйтон попал в аварию, и я прилетел вместо него. Документы по последнему делу ты готовил?

– Да. Смотрел?

– Еще нет. Завтра доставят.

Музыка стала громче, и они замолчали. В клубе был сконструирован интерактивный «виниловый» танцпол-проигрыватель, работающий под воздействием танцующих. Своими движениями те не только запускали музыку, но и управляли ее темпом: чем медленнее движения, тем медленнее темп, и наоборот, чем движения энергичнее – тем быстрее. Подогретый горячительными напитками народ разошелся, отчего разговаривать стало невозможно. У Ковальского еще оставались вопросы, но он решил отложить их на потом, скользя взглядом по танцующим. Надо же, привлечшие его внимание девушки тоже вышли на танцпол.

«Неплохо двигаются», – отметил про себя Богдан и посмотрел на Кристофа. Тот тоже следил за парочкой заинтересованным взглядом.

– Пойду добывать свой выигрыш в споре! – с улыбкой прокричал Морено, наклонившись к нему, и встал, устремляясь к танцующим.

Богдан лишь усмехнулся его уверенности и откинулся на спинку дивана, еще больше скрываясь в тени. Он собирался со всеми удобствами наблюдать за тем, как Кристоф сядет в лужу. Настроение поднялось. Впервые за весь день выбросил из головы свою несостоявшуюся жертву. Что-то его цепляло в этом несчастном случае. Сейчас же почувствовал, как внутренние подозрения рассеиваются. Если дело вел Кристоф, ему можно верить. Они вместе начинали в Ордене с ищеек, охотясь на одержимых. Удачных дел у Кристофа было не меньше, чем у них с Ханом. Поэтому Ковальский был уверен, что с ведением следствия и доказательной базой все в порядке.

Теперь можно действительно расслабиться. Возможно, это его последний вечер в России. Завтра просмотрит документы и улетит. Для Кристофа, по старой памяти, можно устроить проверку Савицкому. Уж слишком тот нервничал при встрече. Интуиция подсказывала, что при желании компромат найти не проблема, и смещение с занимаемой должности станет вопросом времени. Если старому школьному товарищу от этого станет легче, Богдану не сложно. Насчет проверки благотворительного фонда он уже решил. За приятный подарок им спасибо, но закрывать глаза на махинации из-за прелестей Жанны – увольте! В том, что они есть, Богдан, даже не глядя в документы, знал. Русские воруют нагло и не таясь. Странно, почему удивляются, когда приходится платить по счетам.

Глядя на танцующих, он поймал себя на мысли, что с этой работой давно никуда не выбирался. Последний раз – когда встречались с Ханом. Еще не хватало превратиться в отшельника! Отец в последнее время все чаще перекладывает на него решение вопросов семейного бизнеса. Не сказать, что Богдан против, но полноценный отдых не помешает. Сегодня же он собирался восполнить это упущение и оглядывал зал, выискивая взглядом ту, которая скрасит ему вечер. Конечно, можно было бы воспользоваться и услугами Жанны, взяв вечером с собой, но Ковальский не жаловал профессионалок и не имел желания разыгрывать из себя ее кавалера.

Пригубив из бокала, усмехнулся. Кристоф уже крутился рядом с девушками. Они с брюнеткой весело зажигали на пару под известный хит, а вот блондинка была более сдержанна. Все же он не ошибся, и у нее нет настроения.

Темленькая приглянулась Богдану. Было видно, что она полностью отдается танцу, а не думает о том, как бы посексуальнее выглядеть. Ее задор, искреннее желание веселиться импонировали его настроению развеяться. Пожалуй, стоит познакомиться.

Вопреки принятому решению, не пошел на танцпол, а дождался, пока компания вернется за столик. Хитроумный Морено ушел к девушкам, вместо того чтобы привести их. Богдан усмехнулся и подозвал официантку. Дав щедрые чаевые за срочность, попросил обновить напитки «милым барышням» и заказал себе. Лишь после этого присоединился к другу.

– Представь меня своим прекрасным собеседницам, – сказал Кристофу. Повеселило раздражение, мелькнувшее на его лице, когда брюнетка с любопытством взглянула на Богдана.

«Ты же не думал, что будешь развлекаться один?» – изогнул бровь в ответ.

Скрипя зубами, Кристоф его представил и назвал девушек. Блондинка оказалась Кристиной, а брюнетка – Алекс. Последняя подвинулась, освобождая ему место.

– Я взял на себя смелость угостить вас напитками, – произнес Богдан, когда подошла официантка, расставила бокалы и упорхнула.

Самоуправство ему простили и угощение приняли. А вот Кристоф остался без выпивки. Будет знать, как действовать неспортивно! Ведь мог же пригласить новых знакомых за свой столик, а не идти к ним. Стрельнув глазами в Богдана, друг встал и направился к бару, не желая ждать официантку. Правильно сделал, кстати. Щедрые чаевые включали в себя и просьбу не спешить исполнять заказы данного клиента.

– Вы иностранец? – спросила Алекс. – У вас такой интересный акцент.
– Вы угадали, – ответил Богдан и специально не стал добавлять ничего больше, дразня любопытство.

– Ваш друг сказал, что у него испанские корни. А вы откуда?

– А как вы думаете? – бросил лукавый взгляд.

– Похожи на немца, но у них акцент другой. Vous venez de France?

– J'étais là-bas.

– Значит, бывали... – заинтересованно отметила Алекс.

– Vous parlez français?

– Un peu.

Богдан перешел на французский, задавая вопросы, на которые та быстро отвечала. Сразу понял, что она кокетничала. Ее знание языка уж никак не «немного», о чем и сказал.

– Моя бабушка француженка, – рассмеялась Алекс, которую все больше и больше интриговал новый знакомый. Из-за громкой музыки они вынуждены были склоняться друг к другу, и ее волновал приятный аромат мужского парфюма. – А вы откуда знаете язык?

– Много путешествую по работе.

– Чем же вы занимаетесь?

– Семейный бизнес, – расплывчато ответил Богдан.

– Может, перейдем, где потише? – предложил подошедший Кристоф, с неудовольствием наблюдая за воркующей парочкой.

Подруги переглянулись между собой и согласились. Морено предложил руку блондинке, помогая встать. Ему с трудом удалось скрыть хищный взгляд под маской любезности. Чтобы заполучить обеих, следует очаровать Кристину.

В клубе было два чилаута на первом этаже. Первый тонул в сумраке, разбавленном приглушенным мерцанием светодиодной панели, но там все было занято. Второй же освещался ярко. Вся мебель и интерьер – ослепительно-белые. Народу в чилауте оказалось мало, и компания без труда нашла себе свободный столик, расположившись на кожаных диванах.

– Так откуда же вы? – продолжила разговор Алекс, задумчиво изучая Богдана при ярком свете и потягивая коктейль. Точно иностранец, да он и не скрывает. Светлые волосы, но не скандинав. Серые глаза смотрят с легким прищуром и чуть насмешливо. Черты лица европейские. Красивый, зараза!

– Никогда не догадаетесь! Богдан у нас поляк, – сдал друга Кристоф, как бы невзначай положив руку на коленку блондинке. Та тут же дернула ногой, сбрасывая наглуую конечность.

– У вас интересные кольца, – подала голос Кристина, обратив внимание на печати на безымянных пальцах новых знакомых. Не золотые, а из платины и без камней. У Кристофа на кольце она увидела изображение весов и еще какие-то знаки.

– Вы оканчивали одно учебное заведение? – спросила Алекс, зная, что за границей выпускники носят кольца своих университетов.

– Да, мы учились вместе, – подтвердил Богдан и поспешил сменить тему, убрав руку с кольцом из поля зрения девушек. Еще не хватало, чтобы заметили отличия. На самом деле кольца были знаками положения в Ордене. – А вы? Учитесь вместе или работаете?

– Учимся на лингвистов, – ответила Алекс.

– А где вы учились? Выпускники всегда носят кольца? – спросила Кристина. От ее внимания не укрылось, как Богдан переместил руку, не позволив внимательно изучить кольцо.

– Необязательно. Скажем, мне оно приносит удачу, – сдержанно улыбнулся Богдан, переглянувшись с Кристофом. Тот тоже загадочно улыбнулся.

– У вас такой вид, как будто вы члены секты, – буркнула Кристина, недовольная тем, что конечность брюнета опять покусилась на ее колено. Он, конечно, красив, но слишком самоуверен, что раздражало.

– У вас богатая фантазия, но... – Кристоф придвинулся ближе к строптивой блондинке и как бы невзначай закинул руку на спинку дивана позади ее спины. – Проучившись вместе длительный отрезок времени, поневоле роднишься со всеми. Становишься чуть ли не братьями. – При этих словах он стрельнул веселым взглядом в Богдана.

– Вы правы. Мы с Крис знакомы со школы и как сестры.

– Вот видишь, – склонился Морено к блондинке, с удовольствием вдыхая запах духов. Девушка надушилась в меру, и от нее исходил легкий, свежий аромат.

– И насчет вещей, приносящих удачу, вы правы, – продолжила Алекс, не заметив, как их знакомые напряглись. – Я, например, до сих пор надеваю на экзамены юбку, в которой сдавала ЕГЭ. Не могу с ней расстаться. Мне кажется, она приносит удачу.

– Уверен, все дело в ваших хороших знаниях, – галантно заметил Богдан, внутренне расслабляясь и даже ругая себя. Совсем разучился отдыхать!

– Возможно, – кокетливо улыбнулась Алекс и продолжила: – Моя бабушка, например, всегда надевает шейный платок при важных разговорах.

– Не заметила, – пожалала плечами Кристина.

– Это так! Мой отец с ней даже и не спорит, когда бабуля при платке. Вспомни, когда родители хотели отправить меня учиться за границу! Мама говорила, он твердо решил забрать меня от бабули. Они и университет уже присмотрели. Так вот, папа позвонил бабушке и сообщил, что уже взял для меня билеты. Она отдала мне трубку, закашлявшись, приступ астмы начался. Вернулась уже с платком и потребовала, чтобы родители приехали. Такие вопросы на расстоянии не решаются. Так отец с работы сорвался! И, конечно же, на семейном совете было решено, что я остаюсь. Мама тогда такой скандал закатила. Впервые слышала, как отца тряпкой называет и прокликает герцогиню.

– Твоя бабушка имеет титул? – удивился Ковальский.

– Нет, конечно. Это мама со злости вдовствующей герцогиней называет бабулю за глаза. Хотя бабушка говорила, что имеет аристократические корни, но никаких документов и фамильного древа у нас нет.

– Почему?

– Она в молодости с одним чемоданом в Россию приехала за дедушкой. Он в посольстве работал, но после женитьбы на француженке его быстро отозвали. Коммунисты, – пояснила Алекс.

– Наверное, и в должности понизили? – полюбопытствовал Кристоф.

– Нет. Бабушка в молодые годы была красавицей, и ему простили эту слабость.

– А какая у нее девичья фамилия?

– Лаваль.

– Во Франции есть такой город, – произнес Кристоф, осторожно поглаживая кончиками пальцев плечо Кристины. Поглощенная беседой, она расслабилась и откинулась на спинку дивана, не замечая, что оказалась практически в его объятиях.

– Кажется, и герцоги такие были, – задумчиво произнес Богдан.

– Не знаю, имеет ли к ним какое-то отношение бабуля. Возможно, очень и очень дальнее. О родственниках она не любит говорить. Они давно уже разорвали все отношения.

– Вы заинтриговали меня этим шейным платком, – вернулся к интересующей теме Кристоф и с досадой заметил, как Кристина тут же села прямо, отстраняясь от него. Ничего, с ней он еще разберется. Сейчас важно было выяснить подробности.

– Наверное, он какой-то особенный? – поддержал Богдан.

– Да нет, внешне самый обычный. Белый, шелковый, но бабушка,

повязав его вокруг шеи, выглядит настоящей герцогиней.

– Алекс, она и без платка у тебя выглядит как королева, – хмыкнула Кристина.

– Не думал, что это скажу, но я уже хочу познакомиться с вашей бабушкой! – усмехнулся Кристоф. Подруги заулыбались, и никто из них не почувствовал угрозы в этих словах.

– Так и представляю ваше знакомство, – с ехидцей заметил Богдан и продолжил небрежно: – Ты наклоняешься поцеловать ей руку, и взгляд твой задерживается на шейном платке, украшенном дорогим кружевом. Он же с кружевом? – повернув голову, уточнил он у Алекс.

– Да. Меня интригует ход ваших мыслей.

Кристина с трудом удержалась от того, чтобы не закатить глаза. Слишком уж игриво это прозвучало. Похоже, подруга вышла на охоту.

– А бабушка, удивленная столь пристальным разглядыванием своей груди и шеи, выставляет наглеца из дома, – легко закончил Ковальский. – Алекс, со своей бабушкой можете спокойно знакомить меня. Обещаю, я буду держать себя в руках.

– Я это учту, – рассмеялась Алекс, польщенная вниманием и намеком на продолжение знакомства.

Глава 3

Звук быстрых шагов гулко разносился по пустынным ночным улицам. Кристина нервно оглянулась. Несмотря на то, что за ней никто не шел, чувство преследования не покидало, и она ускорила шаг. Дорога домой лежала через сквер. Главная аллея была ярко освещена, и она безбоязненно свернула на нее. Правда, лавочки, на которых всегда сидела молодежь, сейчас были непривычно пусты, что лишь усиливало тревогу. Казалось, город вымер: ни машин, ни прохожих.

Как в плохом фильме ужасов, фонари позади стали гаснуть, издавая при этом щелчки, будто кто-то выключал свет. Кристина сорвалась на бег. Не покидало ощущение, что, свернув на аллею, она угодила в ловушку, и хотелось быстрее выбраться из нее. Вот только фонари впереди стали тоже гаснуть, отрезая путь к спасению, и она замедлила бег, а потом и вовсе остановилась, крутя головой. Казалось, что с обоих концов аллеи надвигается тьма. Непроглядная, несущая в себе угрозу и опасность. И Кристина замерла на светлом пятнышке асфальта, который освещали лишь два оставшихся фонаря. Бросала взгляды по сторонам, решая, куда сделать рывок.

Внезапно из тьмы вышел мужчина в длинном черном плаще с капюшоном, который был глубоко надвинут, скрывая лицо в густой тени. Сейчас так не одеваются. Казалось, он появился из прошлых столетий. Кристина дернулась назад, но и там возник такой же незнакомец.

– Кто вы?! – вне себя от страха закричала она. – Что вам нужно?

Темнота вместо лиц навевала ужас.

Как будто поняв причину ее страха, мужчины сняли капюшоны, но легче от этого не стало. На обоих были черные маски, закрывающие лица полностью. Зато Кристина увидела, что один из незнакомцев жгучий брюнет, а второй блондин.

– Что вам нужно? – шепотом повторила вопрос.

Незнакомцы молчали, а потом... с сухим щелчком погасли последние фонари, погружая все во мрак.

С громким криком села на постели. Комнату заливал дневной свет. Я была в своей комнате, у себя дома, и сердце постепенно замедляло бешеный бег.

– Кошмар, – сказала вслух, проведя по лицу и прогоняя остатки сна.

Через дверь слышала, как ходят родители, щелкая выключателем ванной. Теперь понятно, откуда щелчки во сне. Отец всегда забывает погасить свет, и мама делает это за него. Вот и сейчас до меня донеслось ее ворчание.

– Приснится же!

Я рухнула обратно на постель.

Вспоминая сон, не могла не провести параллелей между фигурами в плащах и новыми знакомыми из клуба. Чтобы забыть пережитый страх, стала анализировать сновидение. Я шла домой. С этим понятно, так как весь вечер мечтала вернуться домой. Не то чтобы клуб мне не понравился, просто не было настроения, и злилась на себя, что поддалась на уговоры Сашки. Мужчины в масках. Наверное, это из-за того, что Богдан и Кристоф ловко избегали вопросов, рассказывая о себе в общих чертах, и больше расспрашивали нас, проявляя неподдельный интерес. Довольно странно, когда молодые мужчины при знакомстве с девушкой больше интересуются ее бабушкой. Я даже поддела их этим, но Кристоф обезоруживающе улыбнулся и ответил, что уж очень колоритной ее описала Алекс. Ха, это он еще вживую с нашей герцогиней не встречался!

Сашка запала на Богдана и болтала без умолку, польщенная его вниманием. Зачем-то приплела платок Аделаиды Стефановны. Я поняла, о каком аксессуаре идет речь, но надевала она его редко и на выход в город. Вполне объяснимо, что именно в нем пошла на встречу к ректору института. Саше не хватало одного проходного балла по результатам экзаменов для бюджетного места, и ее бабушка смогла решить этот вопрос. Лично я была уверена, что Аделаида Стефановна просто подняла свои обширные связи, и ей помогли устроить внучку в институт. Мне лишь оставалось тихонько фыркать от того, в каком виде представляла эту историю Сашка, желая повидеться и напустить таинственности. А еще от того, как серьезно слушали Богдан с Кристофом ее бредни.

Кстати, Кристоф. Не могла понять его поведения. Я же видела, какими глазами он смотрел на Сашу. В них читался неподдельный мужской интерес. Но после танцев сел он почему-то рядом со мной и ничего не сказал, когда его подошедший друг стал ухаживать за Алекс. Кристофу это не нравилось, я видела, но он отчего-то упорно проявлял интерес ко мне, не делая попытки вмешаться. Именно из-за этих странностей я держалась с ним настороженно.

Новые знакомые предложили продолжить общение в другом месте, но мы отказались. У меня не было желания ехать непонятно куда и неизвестно с кем, а у Алекс строгая бабушка, которая не поймет, если внучка не придет ночевать. При этом кавалеры оказались очень настойчивы и отправились

проводить нас домой. Кристоф порывался отвезти на своей машине, но я отказалась ехать, так как он выпил в клубе. Пришлось ждать такси. И нет бы посадить дам и помахать ручкой. Потащились с нами! Устав за вечер отбиваться от внимания Кристофа, я села впереди, а они теснились втроем сзади. И я была вынуждена слушать бухтение по поводу моего упрямства. Что, если бы мы поехали на его джипе, было бы намного удобнее. Пришлось рассказать Кристофу об однокласснице, которая вот так села в машину к своему «почти трезвому» парню и попала в аварию. Ему ничего, а она несколько месяцев пролежала в больнице с тяжелыми переломами.

Кстати, мое упрямство не помешало Кристофу взять у меня номер телефона. Не хотела давать, честно, но Сашка с Богданом обменялись номерами и договорились сегодня встретиться, погулять по городу, и как-то так само собой получилось, что мы идем вместе с ними.

На тумбочке завибрировал сотовый, который я поставила на беззвучный режим перед сном. Сашка. Как знала, что будет звонить с утра пораньше!

– Да.

– Ну, ты и спишь. Я тебе уже пятый раз звоню!

– Я же не ною, когда тебя с утра не поднимешь. Чего так рано вскочила?

– Уже одиннадцать, – возмутилась та, которая раньше двенадцати в выходные от подушки голову не оторвет. – Крис, я влюбилась!

Мне совсем не понравились мечтательные нотки в голосе подруги.

– Не сходи с ума! – попробовала образумить ее. Кажется, кого-то переполняли эмоции и очень хотелось выговориться.

– Поздно! – припечатала Саша. – Приходи ко мне. Помоги выбрать, что надеть. Я уже весь свой гардероб выгребла, не могу решить.

– Подожди, может, они передумали или заняты...

– Мне уже Богдан звонил. Они заедут за нами в два часа, – огорошила подруга.

Хорошо, что не видела гримасу, которую я скорчила. Надежда на то, что о нас забудут, скончалась в муках.

– Он та-а-а-кой!.. – между тем с придыханием продолжала Саша. – Представляешь, предложил зайти за мной и представиться бабушке, чтобы она знала, с кем я ухожу. Вот это воспитание!

– И что ты?

– Сказала, что у нас есть задания по учебе и днем я буду у тебя. Предложила лучше встретиться во дворе. Еще не хватало его раньше времени пугать! Вдруг он бабуле не понравится? Она же ко всем моим

знакомым придирается.

– Саш, зачем он тебе? Ты же слышала, что сюда прилетел по делам бизнеса. Решит – и улетит, – попыталась воззвать к ее разуму, но без толку.

– Крис, я впервые встретила мужчину, от которого у меня мурашки по коже.

Ага, у меня тоже мурашки были, но не в хорошем смысле этого слова. Мутные они какие-то. К тому же Богдану под тридцать. Взрослый, состоявшийся мужчина. Пусть и общался он доброжелательно и вежливо, но чувствовалась некая жесткость. Это не мальчики с нашего потока, которые вздыхали по Сашке. Внимание такого мужчины тяжело удержать, и есть большая вероятность остаться с разбитым сердцем, а он и не вспомнит через несколько дней, кто такая Алекс.

– Ты видела, какие у него часы? Даже сказать страшно, сколько они стоят. Он точно крутой бизнесмен и именно поэтому избегает говорить о себе.

Ну надо же, заметила! Я уж думала, у нее вообще мозги отказали и не видит, как ловко Богдан избегает вопросов.

– Уверена, он хочет, чтобы я увлеклась именно им, а не его счетом в банке.

– Для этого ему нужно было всего лишь одеться попроще и снять часы, – язвительно ответила я.

– Крис, он же пришел отдохнуть и не знал, что встретит меня! – самодовольно произнесла Сашка.

«Да ее ничем не прошибешь!» – с тоской подумала я и решила попробовать тяжелую артиллерию.

– Лебедева, остынь! Он может быть женат. В его-то возрасте это вполне реально. Вдруг у него детишек пяток бегает?

– Нет! Такие носят кольца не снимая. Да и следов на пальце я не заметила.

– А если он его другим своим кольцом прикрывает? Кстати, он убрал руку, когда я спросила о них. В конце концов, у него и просто невеста может быть! Если он такой крутой бизнесмен, то в этой среде любят объединять капиталы.

– Ты специально мне настроение портишь?! – взвизгнула Сашка в ухо, чуть не оглушив.

Кажется, удалось задеть ее за живое.

– Алекс, ты моя лучшая подруга, и я не буду спокойно смотреть, как кто-то играет твоими чувствами! Еще не хватало, чтобы заезжий мачо разбил тебе сердце. Не теряй головы. Давай я к тебе приду, и мы выберем

самый сногшибательный наряд. Такой, чтобы у него при виде тебя сразу сердце остановилось!

«И лучше бы ему скончаться на месте!» – мрачно закончила про себя. Настроение подруги тревожило. По характеру она не влюбчива, больше любит купаться в мужском внимании, но уж если втемяшит что-то в голову...

– Хорошо, жду тебя, – оттаяла немного Сашка.

– Я только позавтракаю и к тебе, – пообещала ей.

Разговор встревожил. Я переживала за подругу. Если и были у меня мысли найти благовидный предлог и отказаться от свидания, то теперь точно придется идти. Уж лучше присмотреться повнимательнее к случайным кавалерам. Это Саша сейчас витает в облаках, а я смогу оценить их трезвым взглядом. Мне она действительно как сестра, и я не собиралась позволять ее обижать.

После разговора валяться в постели уже не хотелось, и я пошла в душ. Стоя под струями воды и медленно намыливаясь, не могла не думать о новых знакомых. Странные они все же. Сначала Кристоф поедал глазами Алекс, но стал ухаживать за мной. Потом, после того как мы отказались продолжить с ними вечер и вызвали такси, зачем-то поехали с нами. Я бы поняла, если б просто посадили нас в машину и вернулись в клуб на поиск более сговорчивых.

«Хотя они и вернулись. Джип Кристофа остался же возле клуба», – вспомнила я, смывая пену. Возможно, я себя просто накручиваю и Богдан джентльмен, посчитавший своим долгом лично доставить понравившуюся девушку домой. Ведь хотел же, как порядочный человек, представиться сегодня Аделаиде Стефановне.

Немного успокоившись, помыла голову и, накрутив чалму, пошла на кухню.

– Ма-а-а-м?!

– Проснулась? – оглянулась мама, вымешивая тесто. – А я тут пирог решила сделать.

– Что случилось? Ты просто сияешь!

Это еще было слабо сказано. На кухне играло радио, и она вдобавок пританцовывала на месте, подпевая. Тем сильнее меня удивило, что родительница немного замялась, прежде чем ответить.

– Слава сошел с ума! Сделал сюрприз. Представляешь, купил нам путевки в Тунис! Вылет на следующей неделе.

– Нам?! У меня же учеба, – растерялась я.

– Мы с папой, – во взгляде мамы мелькнуло смущение.

Подавив в зародыше чувство обиды, что не мне нежиться в теплом море, взяла себя в руки и преувеличенно весело сказала:

– Мам, нужно было раньше отцу блинчиков напечь! Он бы сразу тебя в охапку и на море, а ты все лето прождала, когда у него будет окно на работе.

– Ты не обижаешься, что без тебя? – виновато спросила мама.

– Завидую! Но у меня учеба. Привезешь сувениры!

– Обещаю. Папа и сейчас вырвался чудом. Сама знаешь, сколько в отпуске не был. Отдыхает урывками.

– Мам, да все в порядке. – Я подошла к ней и обняла, прекратив оправдания. – Я рада за вас!

Жуя творожную запеканку и запивая чаем, мысленно переваривала неожиданный отъезд родных. Обидно, конечно, что едут без меня. С другой стороны, со вчерашнего дня родители ведут себя как молодожены. Все эти поцелуйчики, объятия. Радоваться надо, что у них все хорошо. Не во всех семьях после двадцати с чем-то лет совместной жизни такие отношения. Глядя на них, хочу такие же. Они же живут душа в душу! Ворчат иногда друг на друга, но по мелочи.

Не став долго засиживаться за столом, наспех высушила волосы феном и собралась к Сашке. Зная ее, нам и до двух часов может времени не хватить на сборы.

– Мамуль, я к Саше. Мы сегодня с ней в город. Погуляем, – сообщила уже из прихожей.

– Заходите потом к нам на пирог, – донеслось из кухни.

– Ага! – И уже тише, со смешком сказала себе под нос: – Если папа оставит.

Больше всего он любит мамину выпечку и считает ее подчистую. Вот уж действительно, кто не успел – тот опоздал. При этом имеет худощавую комплекцию и даже после сорока так и не отрастил себе брюшко. Часто подшучивает, что у него все калории сгорают на работе и спасают пирожки жены. А вот мама с годами округлилась, поэтому и садится на диеты, чтобы мужу соответствовать. Хотя, как по мне, она все равно красавица и это ее совершенно не портит.

* * *

Из подъезда мы вышли ровно в два, и нас уже ждали. Алекс была во всеоружии. Распушенные волосы лежали на плечах слегка завитыми

локонами, и только я знала, сколько времени мы угробили на эту показную небрежность и естественный вид. Неброский макияж. Мы же встречаемся днем, и лишняя краска ни к чему. Я настояла, чтобы она надела солнцезащитные очки. Идем ведь на прогулку. Не то чтобы солнце слепило, октябрь месяц все-таки, но не видно, как таращится на Богдана откровенно влюбленными глазами. Пусть лучше выглядит немного загадочно.

Замшевые сапоги насыщенного вишневого цвета на высоком каблучке привлекали внимание к Сашкиным стройным ногам. Красное пальто расстегнуто, являя юбку с запахом, длиной чуть выше колена и такого же цвета, как сапоги, только на несколько тонов светлее. Сашка перед зеркалом минут двадцать крутилась в ней, прохаживаясь и грациозно садясь на стул, и признала, что это эффектнее, чем просто мини-платье, которое сначала планировала надеть. Из-за покроя при каждом движении запах немного расходился, обнажая ноги в прозрачных чулках. Объемный шейный платок в стильную клетку скрывал воротничок светлой шелковой блузки. В таком виде и по городу удобно прогуляться, и в ресторанчике не стыдно посидеть.

Над своим внешним видом я долго не думала. Узкие серые джинсы заправлены в замшевые сапоги рыжего цвета, свободный джемпер и бежевое пальто. На шее оранжевый шарф с этническим орнаментом. Волосы собраны в небрежную косу, из которой уже выбились пряди, пока я собирала Алекс. Мне не было нужды производить впечатление на Кристофа. Шла скорее как дуэнья, чтобы Сашка не наделала глупостей.

Что улыбнуло – Богдан тоже был в темных очках. Рядом стоял Кристоф, поигрывая ключами от внедорожника, и с едва заметной улыбкой наблюдал за нашим приближением. Ему шла легкая небритость, и выглядел он очень сексуально в сером костюме, черной водолазке и стильном черном полупальто.

– Я думал, вы будете заниматься у Кристины, – с легким упреком прокомментировал Богдан то, что вышли мы из Сашиного подъезда.

– Мы и занимались, – с честным видом соврала подруга, – я домой вещи занесла.

– Прошу!

Кристоф распахнул передо мной переднюю пассажирскую дверь и достал с сиденья букет красных роз на длинных стеблях, перевязанных алой лентой. Штук тридцать пять, не меньше. Если честно, не ожидала и немного растерялась, принимая цветы.

– Ой, шипы! – ахнула, наколов палец.

– Я попросил оставить. Сказал, что для девушки с шипами, – произнес

Кристоф и провокационно добавил: – Или лучше их было убрать?

– Это он на вчерашнее намекает?! Точно! Уж слишком невинный взгляд.
– Зачем же, – отозвалась я. – Бодрит.

Богдан тоже приготовил для Алекс букет, но из белых орхидей с нежно-розовой сердцевинкой. Она не скрывала восторга, принимая его, и явно не желала пройтись цветами по роже дарителя, в отличие от меня.

Держать в руках колючий подарок было тяжело, да и оцарапать ладони не хотелось. С оскалом вместо улыбки я попробовала вернуть букет в машину.

– Вижу, вы неплохо соседствовали. Я пока положу его, где был, и лучше сяду назад.

– Предпочитаю твое общество! – Кристоф ловко перехватил розы и поморщился, тоже наколовшись. – Вот видишь, шипы лучше убирать, – произнес с намеком, пристально глядя на меня.

Я чуть не зашипела от возмущения. Вовремя он отвернулся. Пришлось проглотить рвущиеся с языка язвительные слова и сесть в машину. Если бы не подруга, черта с два я бы куда-то поехала!

«Шипы лучше убирать», – перекинула юмориста. Это укор за то, что не позволила ему вчера распускать руки? Привык, наверное, что все падают к его ногам, сраженные эффектной внешностью.

Злополучный букет положили сзади сидений, и все сели. Свой Алекс держала в руках и прятала в нем раздумавшееся лицо, вдыхая аромат орхидей. Никогда еще она так на цветы не реагировала. Вот точно влюбилась! Всегда уверенная в себе, сейчас подруга выглядела донельзя смущенной.

А вот Богдан был невозмутим. По его лицу ничего нельзя было прочитать, и даже непонятно, какое впечатление на него произвела сегодня Саша. Скопив взгляд на мужчину за рулем, я поразились тому, насколько они внешне разные.

– Вы упоминали, что вместе учились. Но Богдан поляк, а у вас испанские корни. Где вы встретились? – полюбопытствовала я.

– Я думал, мы на «ты», – посмотрел на меня Кристоф.

– Так как вы познакомились?

– В школе. В Польше.

– В Польше?! – удивилась я.

– Да, у отца были деловые интересы в этой стране. Приходилось много путешествовать по делам бизнеса, и он отправил меня учиться в закрытую католическую школу.

– Что значит – закрытую?

– С проживанием. Домой мы возвращались лишь на каникулах.

– С вами и девушки рядом жили? – спросила Саша, которую тоже заинтересовал разговор.

В ответ раздался дружный мужской смех. Я заметила, как Кристоф бросил взгляд через зеркало на Богдана и засмеялся еще сильнее. Буквально до слез. Своим вопросом подруга их изрядно повеселила.

– Что я такого сказала?!

– Мы об этом могли только мечтать, – Богдан накрыл ее руку своей и погладил, чтобы она не обижалась.

– Алекс, эта школа лишь для мужчин, – подтвердил Кристоф.

Надо же, а я так и представляла его капитаном футбольной команды с кучей поклонниц. Наверное, на каникулах отрывался с девушками, очаровывая и разбивая сердца.

– Значит, вы получили строгое католическое воспитание? – спросила их. Вот если честно – не верилось.

– Можно и так сказать, – ответил Кристоф.

И опять странное переглядывание с Богданом.

– Вы же тоже вместе учились в школе, – перевел тему он. – Какое совпадение. Это судьба!

Я бы поспорила, но промолчала. Кристоф же стал допытываться:

– Вчера Алекс говорила, что у нее есть юбка, приносящая удачу на экзаменах, у бабушки платок, с которым она не растает, а у тебя какая счастливая вещь?

– Почему не растает? Я его не часто на ней видела, – возразила ему.

– Алекс, а ты этот платок надевала? – спросил Богдан.

– Зачем мне носить бабушкины вещи?! – передернула плечами Саша.

Слукавила немного. Как-то она загорелась идеей примерить именно тот самый шейный платок. Когда никого не было дома, все гардеробы перерыла, но не нашла. Я тогда не знала, куда девать глаза, наблюдая, как она роется в вещах Аделаиды Стефановны, и не понимала ее энтузиазма. Кстати, подруге тогда попало от бабушки. Та заметила, что в ее вещах копались. А после того, как сорвалась учеба за границей, Саша опять предприняла попытку найти злополучный платок и порвать на ленточки, как она выразилась, но тоже не нашла.

– Так какая у тебя счастливая вещь? – допытывался Кристоф.

– Такой нет. Есть любимые, которые я часто ношу, но без сожаления расстаюсь с ними, когда приходят в негодность.

Мамино влияние. С ней мы часто проводим ревизию в шкафах и выбрасываем вещи, которые давно не надевали. Это все фэншуй. Она как-

то вычитала, что такая одежда накапливает негативную энергию и мешает приходу чего-то нового в жизнь владелицы. Отец лишь смеется над этим и нашу уборку называет поиском веского повода пройтись по магазинам.

– Хорошая черта. С вещами и нужно расставаться без сожалений, – неожиданно подал голос Богдан. Я даже обернулась, но он лишь изогнул губы в едва заметной улыбке и больше ничего не сказал.

В машине повисло молчание, но я не хотела попусту тратить время и собиралась выяснить как можно больше подробностей о новых знакомых. Вопросы решила адресовать Кристофу. Он и ближе сидит, и мой интерес воспримет на свой счет.

– Значит, вы давние друзья. Кристоф, но у вас почти нет акцента. Откуда вы так хорошо знаете русский?

– Крис, давай на «ты», – отвлекся он от дороги и бросил на меня укоризненный взгляд.

Хотела сказать, что на брудершафт мы не пили, но с Кристофа станется воспользоваться этой милой русской традицией и полезть с поцелуями.

– Давай, – пошла на уступку и даже мило улыбнулась.

– Я уже несколько лет живу в России. У меня здесь бизнес.

И опять я отметила, что он отделался общими фразами. Никакой конкретики.

– Значит, ты не улетишь отсюда в ближайшее время, как Богдан, закончив дела? – добавила в голос игривости, но сказала все это для Сашки, которая тихо млела от прикосновений своего кавалера. Руки ее он так и не выпустил.

– Нет, не улечу, – игриво улыбнулся Кристоф, с удовольствием поддерживая взятый мной тон, а я подумала, не переборщила ли с интересом к нему.

– Вы давно не виделись? – продолжила развивать тему.

– Пару лет.

– Вы так редко бываете в России? – спросила я Богдана, но так и хотелось крикнуть Сашке: «Слышишь? Одумайся!»

– У меня не было достойного повода приезжать сюда чаще, – ответил Богдан, многозначительно глядя на Алекс.

– Кристоф, вы говорили, что у вас испанские корни. Вы язык знаете? У нас Кристина как раз изучает испанский и будет рада пообщаться с носителем языка, – сдала меня подруга.

Тут уж я посмотрела на Кристофа с неподдельным интересом. Как-то вчера упустила этот момент.

– Antes las mujeres se han interesado en mi idioma, pero un poco en el otro sentido, – усмехнулся Кристоф, заметив мой взгляд.

«Раньше женщин тоже интересовали способности моего языка, но немного в ином смысле», – перевела я и хмыкнула.

– Por el momento, su conocimiento de la lengua me interesa más, – сказала чистую правду: на данный момент испанский интересуется меня больше.

Он тут же ответил, что я разбиваю его сердце.

– Dudo que es tan fácil de romperlo, – в свою очередь усомнилась, что его так легко разбить.

Признаться, наша пикировка отвлекла меня от первоначальных намерений, и я получила истинное удовольствие, общаясь.

– Кристина, даже не знаю, радоваться или оскорбиться, что лишь сейчас я вижу в твоих глазах интерес, – рассмеялся Кристоф.

Признаться, это немного разрядило атмосферу. За общение с носителем языка по скайпу нужно платить, а тут бесплатная практика. Дальше мы говорили на испанском, на общие темы. Кристоф веселился, местами поправляя мое произношение, а я просила его говорить медленнее, так как не улавливала смысл многих слов. Даже Богдан обронил пару фраз, показав, что знает язык.

Удивительно, но прогулка мне понравилась. Мы посетили Красную площадь. Богдан удивил, сделав селфи на фоне Кремля и с загадочно-мягкой улыбкой отправив кому-то снимок. Кристоф подхватил нас с Алекс под руки и потребовал сфотографировать его с самыми красивыми девушками Москвы. Богдан выполнил просьбу, но вот сам позировать вместе с Алекс не стремился, чем ее расстроил. Тогда я стала фотографировать Сашу и втихаря поймала в кадр Богдана. Чего для подруги не сделаешь. Объект ее печали как раз с кем-то переписывался, и сообщения шли одно за другим. Заметив наши взгляды, пояснил, что с сестрой. За что ему спасибо, а то подруга совсем сникла.

Потом мы гуляли на Воробьевых горах, сидели в ресторане «Трамплин»... Время летело незаметно – благодаря легкой и приятной беседе с двумя несомненно умными и интеллигентными мужчинами. Богдан интересовался жизнью Саши, расспрашивая, как получилось, что она живет с бабушкой, и настаивая на знакомстве с «герцогиней». Подруга цвела – ведь ей прозрачно намекали на развитие отношений. Кристоф тоже был на высоте. Куда только подевалось вчерашнее развязное поведение! Сбавил напор и вел себя как галантный кавалер. Не скажу, что я прониклась или увлеклась им, но от нашей второй встречи получила большее удовольствие.

Глава 4

В ресторане отеля была весьма недурная кухня. Усевшись за столик у окна, Кристоф сделал заказ, не дожидаясь Ковальского. Но почти сразу увидел его – Богдан стоял у входа и оглядывался в поисках друга. Кристоф призывно замахал рукой, и от этого обычного жеста в памяти вдруг всплыла картинка из школьных времен.

– Богдан! – махнул рукой Кристоф, указывая на свой столик, за которым сидел один.

Одноклассник завернул с подносом к нему и плюхнулся на стул напротив.

– Снова отчитывали за спор с учителем?

– Да, пришлось в который раз выслушать лекцию.

– А где твой прилипала?

– Не называй его так! – вскинулся Богдан, и Кристофу пришлось прикусить язык. – Его лишили обеда.

Это было ожидаемо после смелых высказываний на уроке. Несмотря на то, что отличились двое, наказали лишь Хана Зегерса. Богдан отделался очередным выговором. Он был на особом счету. Все знали, какое положение занимает его отец. Тем непонятнее была эта дружба с сиротой. Морено не мог не спросить:

– Не понимаю, почему ты дружишь с этим приютским?

До появления в школе Хана именно Кристоф Морено был лучшим другом Ковальского, и они держались вместе. Отец часто говорил, что стоит помнить о том, какое будущее его ждет, и не сблизаться с теми, кем будет со временем командовать. Они лишь орудия в руках Ордена. И Кристоф слушался, смотря на одноклассников свысока, определив себе в друзья лишь Богдана, которого одобрил отец. И все было хорошо, пока не появился Хан. Общаться с ним Кристоф считал ниже своего достоинства, а Богдан благоволил к новенькому, проводя свое свободное время с ним.

Кристоф до сих пор помнил, как оставалось лишь сжимать кулаки и делать безразличное лицо, наблюдая за бывшим другом и приютским сиротой. Не прав был отец в своем высокомерии! Он умер, оставив сына без поддержки. Бывшие одноклассники неплохо устроились в жизни, но из-за того, что Кристоф держался в школе особняком, у него не оказалось

близких друзей. И что в итоге? Тот же выскочка Хан Зегерс теперь занимает такое же положение в Ордене, как и Кристоф, и за ним еще стоит семья Ковальских! Ходят слухи о помолвке Хана с сестрой Богдана. Красивая малышка, только с норовом, как говорят. Звучит невероятно, но уютскому каким-то чудом удалось втереться в доверие и стать частым гостем в доме друга. Если подумать, Хан занял место Кристофа. Повернись все по-другому, и это их семьи могли объединиться! Тогда его бы ждало совсем другое будущее и не пришлось выгрызть место под солнцем после смерти отца.

– Ты уже заказал? – сев в кресло, Богдан придвинул к себе меню.

– Тебя пока дожدهшься, а я с утра ничего не ел. Много дел.

– Что здесь? – Богдан кивнул на черную папку, лежащую на столе.

– Информация на бабу. Видно, ты напугал Савицкого, раз он опасается лишней раз с тобой встречаться. Я ненадолго заскочил сегодня к нашим, и он сам попросил передать тебе собранное досье. Знает, что мы друзья и видимся.

– Смотрел? – поинтересовался Богдан, раскрывая меню.

– Да, но пока ничего определенного. Нужно поднимать архивы. Раньше КГБ следил за всеми, и, возможно, всплывет интересная информация или фото. Параллельно ищайки носом землю роют. Все хотят отличиться.

– Ты предупредил, чтобы объект пока не трогали?

– Обижаешь! – усмехнулся Кристоф.

– Обыскать квартиру удалось?

– Пока нет. Дома постоянно кто-то есть. Планируют в пятницу днем.

Алекс на занятиях, домработница уйдет за продуктами, а старушку через ее знакомого профессора выманили в больницу на бесплатное обследование. Их проконтролируют, а девчонок я возьму на себя.

– Кто бы сомневался, – усмехнулся Ковальский.

Подошла официантка, и ненадолго разговор прервался.

– Алекс не торопится представлять тебя бабушке. Теряешь квалификацию, – с усмешкой поддел Кристоф.

– Я сам не тороплюсь. Сначала хочу проверить, как работают ваши люди. Если наследят – это бросит на меня подозрение, и старушка раньше времени всполошится. Конечно, если она одержима. Насколько понимаю, веских доказательств найти не удалось.

– Но косвенных хватает. В молодости была красоткой. За ней тянется шлейф громких романов. Имеет обширный круг знакомых. В конце девяностых овдовела. Мужа убрали свои, кому-то дорогу перешел, но

перед смертью успел хорошо устроить сына. После его смерти продала квартиру в центре и переехала в Кузьминки. Сейчас живет тихо. Невестку ненавидит, и та отвечает ей взаимностью.

– Почему тогда допустила их брак?

– Сын скрывал до последнего и поставил перед фактом. Внучку любит, но держит в строгости. Да ты и сам знаешь, – хмыкнул Морено.

Они встречались с девушками среди недели, но днем. Из-за учебы вечера у подруг были заняты. Даже явно влюбленная Алекс не могла вырваться из-за опеки бабушки, которая контролировала каждый ее шаг.

– Я не совсем разобрался, что с обучением? Неужели у них нет денег? Почему она учится на бюджетном месте?

– А, это ее мать постаралась, – усмехнулся Кристоф. – Отказалась оплачивать образование дочери в России. Хотела настоять на своем, но бабка смогла устроить внучку на бесплатное место.

– Каким образом ей это удалось?

– Еще выясняют, но один из бывших любовников старушки сейчас в высших эшелонах власти, так что...

Официантка принесла заказ Богдана, и оба принялись за еду.

– Я смотрел отчет по твоему делу, – подал голос Богдан. – За день до взрыва у объекта погиб в аварии жених. Это могло быть самоубийство?

– Как вариант. Все указывает на неосторожное обращение с газом, – безразличным тоном ответил Кристоф, с удовольствием расправляясь с куском стейка.

– Сначала жених – несчастный случай, потом она. Слишком много совпадений. – Богдан не скрывал своего сомнения. – Очень похоже, что кто-то замечает следы.

– В жизни и не такое бывает. Кто бы мог подумать, что случайный спор в клубе выведет нас на возможный след одержимой. Ты не представляешь, какой сейчас здесь переполох. Получается, что ты приехал и в первый же вечер нашел у них под носом скверну.

– Иногда мне кажется, что мы притягиваем к себе одержимых. У каждой успешной ищейки есть подобная история. Случайности не случайны, и кто-то свыше указывает нам путь, – задумчиво произнес Ковальский.

– Знаешь, если Алекс и одержима, то только тобой, – ухмыльнулся Кристоф, а потом уже серьезно посмотрел на школьного друга, который не поддержал шутки. – Неужели ты думаешь, что она...

– Нет, – отрицательно качнул головой Богдан, вырываясь из своих мыслей, – она бы не была столь беспечна, говоря об этом открыто. Скажи

лучше, ты телефон у Крис изъял? Она успела меня сфотографировать, паршивка.

– Да, вчера потеряла. Их аккаунты в соцсетях уже взломали. Там такая оживленная переписка насчет нас, – развеселился Кристоф.

– Хочешь сказать, что тебе все же удалось произвести впечатление на блондинку? – беззлобно поддел Богдан, прекрасно зная, что основной темой обсуждения является его персона. Ему уже скинули на почту информацию.

– Крис тает, стоит ей услышать мой испанский.

– Но в твои объятия не спешит.

– Это временно. Она забавная, а мне надоели легкие победы. Кстати, насчет них. Как тебе Алекс?

– Она работа.

– Да ладно тебе! – не поверил Морено. – Будь это так, ты бы передал ее ищейкам и уехал. Что тебя здесь держит?

– Хочу сам все выяснить. К тому же я давно не отдыхал. Пожалуй, задержусь здесь. Кстати, подкинешь меня?

– Куда?

– Я снял коттедж за городом. И нужно заехать в прокат машин.

– Зачем? Только скажи – и тебе предоставят транспорт с водителем.

– А также будут отслеживать каждый мой шаг, – усмехнулся Богдан.

– Что помешает поставить следилку на твою машину?

– Если я найду, им не поздоровится. Одно дело отслеживать свою машину, а совсем иное – установить наблюдение именно за мной.

Кристоф понимающе усмехнулся, уловив тонкость. Соваться к Палачу сумасшедших нет.

* * *

Не знаю, как я пережила этот день. Алекс не могла говорить ни о чем другом, кроме приглашения Богдана. Насколько я поняла с ее слов, он зовет нас на выходные в загородный дом. Только в субботу вечером состоится ужин для партнеров по бизнесу, и это Саша решила, что будет там присутствовать в качестве его девушки и чуть ли не хозяйки вечера. Лично я не понимала, с какой стати мне туда ехать, да еще и с ночевкой?! Сама же Сашка хоть и волновалась, но горела от нетерпения, все распланировав. Мало того, что все уши прожужжала на переменах между парами, так и после их окончания буквально достала предстоящей поездкой.

– Как же хорошо, что твои родители завтра улетают! – радостно щебетала она. – Я скажу бабуле, что у нас завал по учебе, и уйду к тебе с ночевкой. Мы завтра отвезем твоих в аэропорт и можем ехать к Богдану.

– Саша, я тебе в сотый раз говорю, что не хочу никуда ехать. У меня ученики завтра!

– Подумаешь, отменишь один раз занятия, – отмахнулась она.

– Мне сейчас деньги нужны на новый телефон! – еле сдерживая раздражение, напомнила я.

– Не понимаю, как ты могла его потерять, – в голосе прозвучало искреннее сочувствие, и я тут же раскаялась в своей злости.

– Сама не знаю. Последний раз говорила по нему в магазине. Кристоф звонил. Мы немного поболтали, и я точно помню, что сунула мобильник в карман пальто. Когда пришла домой, его уже не было.

Обидно до слез! Симку я уже восстановила, чего не скажешь о контактах и фотографиях. Ведь хотела перекачать на комп, но все руки не доходили. Да еще хожу сейчас с допотопным телефоном, который и из сумки достать стыдно. Я даже звук выключила, пока в институте была, чтобы не позориться. Просить родителей помочь с покупкой нового стыдно. Они сейчас едут отдыхать, и им самим деньги нужны. А теперь еще Сашка просит меня отменить занятия!

– Кстати, о Кристофе...

Мы уже вышли из института, и Саша, прищурив глаза, посмотрела вперед.

– Кажется, тебя встречают.

– Где? – завертела я головой.

Действительно, он. Дождидается возле джипа, притягивая к себе любопытные взгляды. Неожиданно.

На неделе мы виделись с ними. Один раз посидели в кафе за чашкой кофе, а второй – в ресторане пообедали. У них дела, у нас учеба, так совпало, что были в одном районе. Кристоф звонил мне вечерами, и мы болтали о разной ерунде, подтягивая мой испанский.

Упс! С потерей телефона я совсем забыла о своем нейтив-спикере. Пока шли, полезла в сумку, доставая свой позорный сотовый, и увидела три пропущенных вызова от него. Подняв голову, натолкнулась на красноречивый взгляд Кристофа.

– Жаль, что он без Богдана, – тихо вздохнула Саша.

– Привет! – поздоровалась первой, когда мы подошли.

– Я два дня не могу тебе дозвониться, а сегодня ты не берешь трубку. Я тебя чем-то обидел?

– Кристина потеряла телефон, – встала на защиту подруга.

Взгляд Кристофа скользнул на мою сумку, и он приподнял бровь. Конечно, видел же, как я смотрела звонки.

– Я только вчера восстановила сим-карту. Нашла дома старый сотовый, был на зарядке. – Нехотя я полезла в сумку и продемонстрировала его. Пусть Кристоф просто знакомый и я не обязана перед ним отчитываться, но все же неудобно перед человеком. – Извини. Только сейчас увидела, что ты звонил. Мы были на лекциях, и я отключила звук.

Кристоф оттаял на глазах, и взгляд потеплел.

– Между прочим, это частично твоя вина! – стала давить на совесть Сашка. – Кристина последний раз говорила с тобой и положила телефон в карман. После чего он пропал.

– Тогда я просто обязан купить тебе новый! – тут же отозвался Кристоф. – Поехали в салон, выберешь себе модель.

Саша победно взглянула на меня, но я покачала головой, возмущившись:

– С ума сошел?! Ты мне ничего не должен.

– Крис, – заикнулась подруга, чтобы я образумилась, но в ответ сделала ей страшные глаза, чтобы даже и не думала продолжать.

– И все же я настаиваю. Позволь сделать тебе подарок.

Я удивилась такому энтузиазму. Интересно, он всем малознакомым людям телефоны покупает?

– Кристоф, нет! Мы с тобой не в тех отношениях, чтобы я принимала настолько дорогие подарки. Давайте закроем эту тему.

– Крис, вот от телефона отказываешься, но сама собираешься работать на выходных, зарабатывая на новый, – тоскливо вздохнула Сашка и сдала меня, жалуясь испанцу: – Она не хочет ехать со мной к Богдану.

– Меня не приглашали, – отбрыкивалась я.

– Кристина, это из-за того, что до тебя невозможно было дозвониться. Я думал, что Алекс передала тебе приглашение. Если хочешь, Богдан лично позвонит. Я как раз приехал, чтобы договориться, во сколько завтра за вами заехать.

И тут только до меня дошло, что он тоже будет. Просто со всеми разговорами Саши о Богдане это как-то ускользнуло от моего внимания. Если честно, желания ехать стало еще меньше. Не то чтобы мне совсем не нравился Кристоф, но вполне устраивали наши разговоры по телефону, сближаться с ним я не хотела.

– Предлагаю перенести переговоры в более удобное место. Составьте мне компанию за обедом. И предупреждаю, отказа я не приму! – улыбнулся

Кристоф, открывая переднюю дверцу джипа. Я бы лучше села назад с Сашей, но не стала спорить по мелочам, собираясь поберечь силы для главного.

К сожалению, зря. В ресторане они вдвоем насели на меня. Пришлось при них звонить ученикам и, извиняясь, переносить занятия на сегодняшний вечер вместо субботы.

Ехать завтра все же решили на моей машине. Родителей в любом случае в аэропорт везти, и если возвращаться обратно домой, то только потеряем время. Кристоф скинул Алекс адрес коттеджа, и она загрузила маршрут. Воодушевленный победой, испанец попытался меня и на покупку телефона уговорить, но тут уж я была непреклонна. Это уже совсем край! Принимать подарки от мужчины, с которым я не встречаюсь, не могу. Не хочу быть обязанной.

Кристоф подвез нас домой, и, немного раздраженная, что меня все же уговорили, я быстро с ним распрощалась. Не было печали! Теперь придется думать, что с собой взять, что надеть, и при этом не вызвать подозрений у родителей. Ведь им толком не объяснишь, куда и зачем собираюсь, только волноваться лишний раз будут. Да еще вечер плотно забит уроками.

Не прошло и часа, как позвонила Сашка, жалуясь на Аделаиду Стефановну.

– Она совсем с ума сошла! Представляешь, обвинила меня, что я лазила в ее вещах, а когда я поклялась, что только недавно пришла из института, пошла проверять свои драгоценности.

– Все в порядке?

– Нет. Говорит, что ничего не исчезло, но лежит не на своих местах. Тамара ей тоже поддакивает. У нее ручка сковороды в шкафу не в ту сторону смотрит и банки с крупой сдвинуты. Слушай, может, это поветрие? Или осеннее обострение? Можно подумать, кто-то пришел, подвигал банки с крупой, потрогал сковородку, но передумал готовить и пошел к бабуле перебирать ее драгоценности. Бред!

– Точно ничего не исчезло? – забеспокоилась я.

– Крис, будь это воры, разве бы они оставили картины и украшения? – устало произнесла Алекс. Наверное, дома уж совсем напряженная атмосфера... Но тут голос ее повеселел: – Зато у меня есть веский повод завтра уйти к тебе на целый день с ночевкой. Как я рада, что сбегу из этого бедлама!

Хм, просто она еще не видела, что творится у меня дома. Мама собирала чемоданы и одновременно старалась наготовить мне всего и

побольше. Движимая чувством вины, что оставляет дочь одну, взялась за это дело с размахом.

– Приходи ко мне. Поможешь платье выбрать, – стала зазывать в гости Алекс. – Бабуля тебя любит. Может, удастся ее успокоить, а то они нервные с Тamarой сегодня.

– Нет уж! Мне по твоей милости скоро на занятия бежать, а еще в супермаркет зайти нужно. Мама попросила купить некоторые мелочи в дорогу.

– Ты уже придумала, как объяснить, что мы завтра тоже с сумками будем?

– Скажу, что в бассейн решили съездить. Так что не вздумай брать чемодан!

– Ну, Кри-и-ис... Он маленький.

– Будешь тогда сама объяснять, почему собралась там жить, – отрезала я.

Попыхтев, Сашка согласилась. Решающую роль сыграло замечание о том, что Богдан ее не так поймет. Он пригласил на выходные, а она заявится с чемоданом.

Глава 5

Коттедж располагался в элитном поселке и казался огромным. Богдан сразу признался, что снял его, так как не любит отели. Я бы тоже не любила, окажись в моем распоряжении такой дом и необъятная территория с соснами. Подумать страшно, сколько это все стоит!

Встретив нас, Богдан сначала провел на второй этаж, где показал наши комнаты, чтобы положили вещи, а потом провел экскурсию по роскошному дому. Там даже отдельное крыло было отведено под тренажерный зал и бассейн!

Меня поразило, насколько он органично смотрится в такой обстановке и уверенно себя чувствует. Еще стало сюрпризом отсутствие слуг. Богдан пояснил, что не любит посторонних людей, а для обслуживания вечера воспользовался услугами специализированной фирмы, сотрудники которой придут чуть позже. Пока же он собственноручно сделал коктейли и спросил, не желаем ли перекусить.

Мы желали, так как успели порядком проголодаться. Моих родителей мы провели – легенда насчет бассейна подозрений не вызвала. Саша же дулась на бабулю из-за беспочвенных обвинений, и ее уход ко мне выглядел демаршем. Такое бывало несколько раз, когда она приходила с ночевкой после ссоры с Аделаидой Стефановной. Бабушка не беспокоилась, если Саша ночевала у меня. Они обе остывали, находясь порознь, и потом мирились. Правда, в этот раз я испытывала угрызения совести, что на самом деле не оправдываю доверие.

Кухня в коттедже была оснащена по последнему слову техники, а недра вместительного холодильника заполнены под завязку разнообразной снедью. Богдан сам взялся за готовку. Предложил или составить ему компанию, или осмотреться. Ясное дело, что Саша осталась, а вот я не захотела им мешать, предпочтя удалиться. В спину донеслось заманчивое предложение поплавать. Радужный хозяин сообщил, что там есть купальники для гостей и меня позовут, когда будет все готово.

Есть нечто заманчивое в том, чтобы побродить одной по такому дому. Это как оказаться во дворце и, не опасаясь экскурсовода, поваляться на старинных постелях или посидеть в кресле владельца. Отсутствие слуг расслабляло, и я чувствовала себя свободно. Поэтому побродила по комнатам первого этажа и дошла до бассейна. Быстро разобралась, где переодеться, и вскоре рассекала водную гладь.

Неожиданно в голову пришла забавная мысль. Я ни словом не соврала родителям! Сказала, что поедem в бассейн, и поехали! Ведь плаваю же, а место нахождения бассейна я не уточняла. Даже на душе стало легче. Не люблю врать, а с родными у меня доверительные отношения. Я им про поездку эту не сказала, чтобы не беспокоились обо мне, наслаждались отпуском и друг другом. У мамы с папой сегодня глаза горели, как у молодоженов. Даже внешне десяток лет скинули и выглядели как школьники, сбежавшие с уроков. А еще за ручки держались – прямо влюбленная парочка!

Вспоминая о родителях с улыбкой, я вытянулась на воде в позе морской звезды, отдыхая. Тишина дома расслабляла. Окружающая роскошь создавала иллюзию, как будто я тоже на отдыхе в шикарном отеле. И собиралась этим воспользоваться на все сто!

Просто плавать, томно скользя от одного края к другому, быстро наскучило, и я стала дурачиться, поднимая тучу брызг. С одной стороны в бассейн спускались ступеньки. Я поднималась по ним, а потом прыгала то бомбочкой, то ласточкой или просто кувыряясь и с шумом плюхаясь в воду.

В какой-то момент во время прыжка заметила движение в углу, где были расположены кожаные диваны, и неловко вошла в воду, ударившись животом. Вынырнув, увидела подходящего Кристофа. Он присел на корточки возле бортика. Это же сколько он наблюдал за мной?! И как так незаметно появился? Хотя, думая, что одна, я не смотрела по сторонам. Почувствовала себя так, как будто меня поймали на горячем.

– Ты в порядке? – с беспокойством спросил Кристоф.

– Местами, – честно ответила я. – Ты когда появился?

– Меня послали позвать тебя поесть, – ушел он от ответа, глядя с легкой улыбкой.

– Хорошо, сейчас иду.

Он не шелохнулся, и я поняла, что уходить и не думает. Чувствуя себя неуютно от того, что он в дорогом костюме, а я в купальнике, постаралась невозмутимо выбраться из воды под алчным взглядом, который ощупывал меня с головы до ног.

– Привет! Подходить не буду, чтобы не закапать, – произнесла как можно беспечнее. Хорошо еще, что полотенце рядом оставила. Накинув его на себя, пообещала скоро быть и скрылась с глаз. Выдохнула, только оказавшись за закрытой дверью. Дурацкая ситуация. Смущение боролось со смехом. Подумаешь, решил теперь, что у меня в попе детство играет. Я же не собираюсь на него впечатление производить! Потерев живот, который

горел огнем из-за удара о воду, переоделась.

– Как тебе Кристоф? У вас что-то было? – набросилась с вопросами Саша, стоило нам подняться в свои комнаты.

– С ума сошла?! – чуть ли не подпрыгнула я.

– А что еще думать, когда он ест тебя глазами, ты смущаешься, и вы обмениваетесь такими взглядами, как будто между вами какая-то тайна.

Тут она была права. Я все же смущалась под взглядом Кристофа, гадая, как долго он за мной наблюдал. За время моего отсутствия Богдан с Алекс уже все приготовили, накрыли стол и ждали. Вскоре после нашего обеда приехал персонал по обслуживанию вечеринки, и дом наполнился людьми и суетой. Вот подруга и утащила меня наверх под предлогом того, что нам нужно припудрить носики и переодеться. А на самом деле умирала от любопытства и хотела устроить допрос.

– Я в бассейне дурачилась, а он втихаря за мной наблюдал. Долго его не было?

– Долго, – сдала Сашка. – Еще немного, и я готова была за вами идти. Все остывало.

– З-зараза! – выдохнула сквозь зубы.

– Крис, ты ему нравишься.

– Угу, – отстраненно кивнула в ответ, доставая из сумки заколки и ища розетку для плойки. Мы не первый раз делали прически друг другу.

– Я серьезно. Присмотришься к нему.

– Обязательно. Интересно, он ко мне тоже сегодня присматривался?

– Наверное, увидел в купальнике и обалдел, – хихикнула Сашка.

– Не мели чушь! – шикнула на нее и усадила делать прическу.

Званный ужин оказался «скромным», человек на сорок. Я ожидала, что к Богдану придут деловые партнеры по бизнесу, но никак не руководство благотворительного фонда «Во имя жизни». Только тут я узнала, что его семья – в числе основателей фонда и регулярно делает пожертвования на благотворительность. Тут же захотелось зайти в Интернет, почитать подробнее об этом фонде и через него выйти на самого Богдана. Я ведь даже его фамилии не знала, а новый знакомый не торопился делиться информацией о себе. Рассказывал о том, где бывал, но ни словом не заикнулся, чем конкретно занимается. Что ж, особняк, который он выбрал для проживания, красноречиво говорил о привычке к роскоши и величине капитала.

Сашей я в этот вечер просто гордилась. Она хорошо смотрелась рядом с Богданом, уверенно и достойно держалась, невозмутимо воспринимая любопытные взгляды. Как чувствовала, делая ей прическу, – собрала

волосы в красивый пучок. Сашка выглядела элегантно и чуть старше. Настоящей хозяйкой вечера в классическом вечернем платье, не открывающем ничего лишнего, но идеально сидящем на точеной фигуре. Выигрышно отличалась от большинства приехавших женщин, постаравшихся максимально оголиться, «показать товар лицом».

И даже бровью не повела, когда одна борзая дамочка, чья-то помощница, чуть ли не вешалась на Богдана, открыто его соблазняя. Саше хватило одного пренебрежительного взгляда и колкой фразы, чтобы стерва убралась, причем с пылающими от ярости щеками. Меня позабавил взгляд этой... кажется, Жанны на Богдана. Как будто ждала от него поддержки или заступничества, но хозяин дома смотрел сквозь нее. Уязвленная дамочка скрылась, сцапав у проходящего официанта бокал с шампанским. Никак топиться от разочарования пошла.

Забавным моментом за ужином стало то, что стол сервирован был по всем правилам. Многие гости терялись в разнообразии столовых приборов, да и деликатесы подавались такие, которые нужно уметь есть. Мне даже пришло в голову, не специально ли Богдан это сделал, чтобы поставить людей в неудобное положение? И не был ли наш обед вчетвером тоже своеобразной проверкой? Если вспомнить, днем сервировка стола была такая же, но я тогда на этом не акцентировала внимания.

Словом, многие нервничали и чувствовали себя неуютно, но апофеозом вечера стало заявление Богдана о том, что с понедельника в фонде начнется внутренняя аудиторская проверка. И пока руководство глотало воздух, он невозмутимо говорил о том, что репутация Life savior кристально чистая и это стандартная процедура, которую периодически проводят во всех филиалах. Сотрудники независимой компании, которые будут проводить проверку, уже вылетели в Москву.

Гости загудели, как растревоженный улей, и у многих был обеспокоенный вид. Конечно, ожидали приятной вечеринки, а тут как обухом по голове. Я обратила внимание, насколько напряженно все они чувствуют себя в обществе Богдана. Да и сам он выглядел холодно и недоступно. После заявления о проверке возникло много вопросов, но собеседники не выдерживали взгляда серых глаз и стремительно теряли нить разговора и решительность. Господи, с кем Сашка связалась?!

Богдан умеет быть любезным и приятным, но, когда не утруждается этим, подавляет одним присутствием. Есть в его ауре нечто, заставляющее понимать: перед тобой хищник. Да и без этого ясно, что обладает властью и огромными возможностями. Такой проглотит и не подавится.

– Пойдем, я тебе кое-что покажу, – шепнул мне Кристоф, обнимая за

талию.

Весь вечер он отгонял желающих выяснить, кто я такая, а через меня узнать больше о «королеве бала». Вот подруге нужно было булавку пристегнуть от сглаза! Какими только взглядами ее не сверлили, но Сашка держалась молодцом.

– Куда ты меня ведешь? – поинтересовалась я у своего кавалера, настойчиво увлекавшего на второй этаж, но ответом стала только загадочная улыбка.

Когда зашли в просторную спальню, я несколько напряглась. Но Кристоф миновал большую круглую кровать на подиуме, застеленную белым покрывалом, и повел меня дальше, на застекленную террасу, откуда открывался красивый вид на задний двор. Высокие сосны. Дорожки извивались между деревьев, теряясь в глубине сада. Мягкий свет садовых фонарей создавал умиротворяющую картину и атмосферу покоя. Сюда не доносился посторонний шум, и не верилось, что внизу полно гостей.

Кристоф встал сзади, обняв меня и притянув к груди.

– Извини, захотелось тебя украсть ото всех. Нравится?

– Красиво.

Я расслабилась в его руках. Может, права Сашка? И стоит попробовать с ним встречаться? Если не считать его поведения в клубе, Кристоф все это время вел себя со мной нормально. С последним своим парнем я легко рассталась больше полугода назад, но одиночество не тяготило. Я свободна, никому ничего не должна...

Кристоф прервал размышления, мягко развернув к себе лицом. Он медленно склонялся к губам, не оставляя сомнений в своих намерениях и давая возможность отступить, а я колебалась, так и не определившись, чего хочу. Настигший поцелуй решил все за меня. Нежное касание губ было приятно, и я отбросила прочь сомнения, обнимая за шею и отвечая на поцелуй.

От моего отклика объятия Кристофа стали крепче, увереннее. Мы чуть качнулись, я прижалась обнаженными плечами к холодному стеклу и поежилась. Он отстранился, а потом неожиданно подхватил на руки и перенес в стоящее у стены кресло, усадив к себе на колени.

– Колючка, – улыбнулся и поймал мою руку, переплетя наши пальцы. – Кристина и Кристоф. Наши имена созвучны. Мне кажется, что это знак.

Он смотрел таким взглядом, что поневоле сердце затрепетало, пусть я и не верила во всю ту чушь, которую услышала.

– Довольно невежливо обзывать колючкой сразу после поцелуя. Так и хочется проверить, не выросла ли у меня щетина, – съехидничала я,

стараясь не поддаваться мужским чарам.

– Давай проверим, – усмехнулся Кристоф и, оставив в покое мою руку, притянул за подбородок, стал осыпать поцелуями лицо.

– М-м-м...

Так и растаять можно. Когда он добрался до губ, я уже с большим энтузиазмом ответила на поцелуй.

Голова немного кружилась от выпитого шампанского, и ласки опытного мужчины были приятны. У меня платье на тонких бретельках, и его горячие ладони на плечах разносили по телу толпу мурашек. Я игриво прикусила Кристофа за губу, потянув, пока он не открыл глаза.

– За колючку! – ответила на его взгляд. Наклонившись, прикусила уже более ощутимо, вызвав низкий стон. В глазах испанца зажегся опасный огонек, но я бесстрашно произнесла ему в губы: – А это за розы с шипами!

Несколько мгновений он смотрел, тяжело дыша, а потом ладонь легла мне на затылок. Резко притянув, он впился в мой рот, даря совсем иной поцелуй. Я остро ощутила, что со мной не мальчик, а мужчина. Концентрированная, откровенная страсть, когда тебя властно берут, покоряя своим желанием, взорвала мой пульс. Руки, что еще недавно едва касались, теперь по-хозяйски исследовали мое тело. Фасон платья не подразумевал лифчик, и, ощутив на коже горячие пальцы, властно сжавшие грудь, я застонала ему в губы.

– Кристоф!..

Хватала ртом воздух, пока он покрывал жадными поцелуями шею. Упершись руками, постаралась отодвинуться, но он опять атаковал мой рот, не давая перевести дыхание.

Губы горели, кожа, где он касался, тоже. Его напор ошеломил, я понятия не имела, как призвать сорвавшегося с цепи мужчину к порядку. И охватила паника, когда почувствовала, что меня куда-то несут.

На кровать. Положил и отстранился. И начал снимать пиджак.

– Кристоф, подожди!

Проигнорировав мои слова, не глядя отшвырнул пиджак в сторону и навалился сверху.

– Весь вечер этого ждал, – сбивчиво прошептал мне на ухо.

Я увернулась от поцелуя.

– Нет! – успела выдохнуть прежде, чем Кристоф насильно повернул мою голову и поцеловал.

Кажется, были все шансы познакомиться с ним ближе, чем была готова. Шутки кончились, и я стала сопротивляться всерьез. Только тогда поняла, насколько же он сильнее. Я билась под ним как бабочка в паутине,

но, кажется, еще больше распаяла этим. Кристоф не слушал протестов, стаскивая с меня платье. Даже материя не выдержала напора, и одна бретелька порвалась. Коленом он раздвинул мне ноги, втискиваясь между ними. Нырнул рукой под платье, оставляя синяки на бедрах, настолько сильно сжимал. Потом добрался до трусиков и потянул их вниз.

– Не-е-ет!!! – что есть мочи завизжала я. Уже было плевать на все. Мечтала, чтобы хоть кто-то меня услышал.

Кожу на бедре обожгло – слишком сильно он дернул кружево. И раздался треск материи.

– Кристоф, мне кажется, девушка против, – спокойный голос раздался неожиданно и прекратил творящееся безумие.

Испанец отстранился, оглянувшись, и я стала выползать из-под него, одной рукой натягивая платье повыше, прикрывая грудь. Не видела, кто пришел, но хотелось оказаться как можно дальше от насильника. Мне удалось немного отодвинуться, но материя платья была прижата мужской ногой к кровати и натянулась, не давая двигаться дальше.

Зато я увидела Богдана и напряженно посмотрела на него. Они же друзья. К нему у меня тоже доверия не было.

– Не вмешивайся! Мы сами разберемся, – тяжело дыша, как будто пробежал марафон, потребовал Кристоф.

– Если только меня попросит об этом Кристина, – невозмутимо ответил Богдан. – Она моя гостя. Одно дело, если это ваши предварительные игры, и совсем другое, если она против и хочет уйти.

– Я хочу уйти! – быстро произнесла, чтобы не было сомнений.

Кристоф повернул голову ко мне. Кажется, он только сейчас увидел, в каком я состоянии: и порванное платье, и мой испуг, и покрасневшую на открытых местах кожу со следами его пальцев. Он не рассчитывал силу, с которой сжимал меня.

Что-то промелькнуло в его глазах. На какой-то миг показалось, что вижу сожаление, но потом губы искривились в кривой ухмылке, и он встал с кровати.

– К чему этот спектакль? Ты же понимала, зачем едешь. Какая разница, сейчас или ночью?

Признаться, я даже замерла от потрясения в тот момент, когда одергивала неприлично задранную юбку, а потом рванула с кровати, спрыгивая с другой стороны от мужчины, который сейчас вызывал омерзение. Меня как будто помоями облили.

– Ты в своем уме?! – от обиды голос дрогнул. – Я не к тебе в гости приехала.

– Хочешь с ним? – холодно поинтересовался Кристоф.

– Ты вообще нормальный?! – Я посмотрела на него как на инопланетянина.

– Кристоф. – В голосе Богдана явственно звучало предупреждение, а потом он отдал приказ: – Извинись!

Это был действительно приказ, настолько властно прозвучал и хлестнул моего недавнего кавалера как пощечиной. Он даже дернулся.

– Перед ней? – зло спросил у своего приятеля. – Она отвечала на мои поцелуи, стонала, а потом стала разыгрывать из себя недотрогу.

Тут Кристоф запнулся, как будто ему в голову пришла неожиданная мысль, и бросил вопрос:

– Ты девственница?

Под перекрестным взглядом двух пар глаз я буквально задохнулась.

– А если нет, значит, можно насиловать?! – Вопрос повис в воздухе, а в ответ тишина. Я не выдержала первой: – С чего ты взял, что между нами что-то будет? Мы же не встречаемся.

У Кристофа стало такое выражение лица, как будто я ляпнула большую глупость. И тут я окинула этих двоих взглядом, понимая, что, наверное, так оно и есть. Богатые, красивые, успешные. Зачем им постоянные отношения? Всегда найдутся те, которые будут счастливы согреть их постель.

Чувствовала себя, мягко говоря, оплеванной и опустошенной. Отстраненным тоном произнесла:

– Наверное, это мне нужно принести извинения.

– Кристина, за что ты хочешь извиниться? – с неожиданной мягкостью задал вопрос Богдан. В другое время я бы удивилась, но в данный момент не прореагировала, находясь в шоковом состоянии.

– За наивность.

Не в состоянии больше находиться с ними в одном помещении, вышла из комнаты. Далеко уйти не удалось. Я почти тут же привалилась к стене. Ноги были ватные, а еще шок проходил, и тело стала сотрясать противная дрожь. Впервые в жизни меня чуть не изнасиловали. Да, раньше сталкивалась с излишне настойчивыми кавалерами, но от них отбиться было в разы легче. А тут я чувствовала свою абсолютную беспомощность. На душе было гадко от извращенной логики Кристофа. Я же сама приехала с ночевкой к малознакомым мужчинам. Вот мой кавалер и решил, что я созрела провести с ним ночь.

«Какая разница, сейчас или ночью?» – жалили его слова. Ведь сама пошла с ним в спальню, отвечала на поцелуи, дразнила. Если посмотреть с

его стороны, так он искренне не понимал, чего я стала ломаться. От этого было еще противнее. Дура!

И услышала сквозь дверь яростный голос Богдана:

– Ты что творишь?! Не можешь смириться, когда говорят «нет»?

– Да ладно тебе. Ты же знаешь, что женщины сначала говорят «нет», а потом умоляют не останавливаться, – отозвался Кристоф. – Все они одинаковые.

– Будь у тебя сестра, ты бы так не говорил.

Неожиданное заступничество удивило, но я не хотела подслушивать. С меня было достаточно. Я отлипла от стены и стала медленно двигаться в сторону своей комнаты.

– Кристина?

На второй этаж поднялась Саша, на секунду застыла и кинулась ко мне.

– Что произошло?

– Все в порядке. Идем.

Я желала как можно скорее дойти до своей комнаты и собрать вещи. К тому же в любой момент Богдан мог выйти, а мне только разборки в коридоре не хватало.

– Кто это сделал? – спросила Саша, когда за нами закрылась дверь.

– Кристоф оказался слишком горяч для меня, – ответила с сарказмом, выпуская из руки материю платья, которую сжимала на бедре. Порванные плавки заскользили по ноге и упали на пол. Перешагнув через них, направилась к своей сумке, вытряхивая вещи на кровать.

– Он тебя изнасиловал? – не могла поверить Сашка, потрясенно глядя на порванное нижнее белье.

– Не успел. Богдан услышал мои крики и вмешался.

– Урод! Да я ему... – стала закипать подруга.

– Оставь! – резко осаждала ее. – Сама виновата. Мы целовались, и он не смог поверить, что я не хочу продолжения.

Найдя во что переодеться, я стянула платье и на голое тело стала надевать свитер и джинсы. Собираясь за город, захватила их, думая, что можно будет погулять на природе. Сашка ахнула, прикрыв рукой рот, – увидела покрасневшие следы на моей коже. Завтра точно синяки будут.

– Он посчитал, что раз я приехала, то согласна прыгнуть к нему в постель. Как чувствовала, что эта поездка – ошибка, – в сердцах произнесла я и стала запихивать в сумку вещи, бросая все абы как.

– Подожди меня. Я сейчас тоже вещи соберу.

– Саша, стой! – остановилась я. – Не надо. У вас гости, ты хотела

побыть с Богданом. Извини, что испортила вам вечер.

– Что ты несешь! Ты прости, что подталкивала тебя к Кристофу. Я еду с тобой.

– Оставайся, – совсем больным голосом произнесла я. – Со мной все в порядке. Богдан ведь не виноват, что у него друг такой.

– Я никуда не отпущу тебя одну! – твердо произнесла подруга, и, судя по тону, спорить было бесполезно. – Дай мне пару минут.

Она выскочила за дверь, не давая возразить. Вздохнув, я продолжила паковать вещи. Радовало, что приехала на своей машине и не нужно никого просить меня отвезти или ждать такси.

Стук в дверь прозвучал, когда я уже собралась. Только успела повернуть голову, как дверь открылась и в комнату зашел Богдан. Он совсем не удивился, застав меня готовой к отъезду.

– Сожалею из-за случившегося. Кристоф уедет, останься.

– Спасибо, но нет. Я домой.

– Крис, поехали! – в комнату ввалилась Сашка, смотрясь немного нелепо в вечернем платье, на каблуках и с объемной сумкой. Наверное, тоже побросала все впопыхах, так она раздулась.

Натолкнувшись на Богдана, подруга замерла, переводя взгляд с него на меня.

– Саша, не уезжай. Я нормально доберусь одна, – сказала ей, предпринимая еще одну попытку отговорить. Все же перед хозяином дома было неудобно. Он-то ни в чем не виноват, а я поломала им планы на выходные.

– Нет, я тебя не оставлю! Богдан, мы поедem, – поставила в известность. – Можно как-нибудь спуститься, минуя гостей?

– Да, здесь есть вторая лестница. Давайте я вызову вам такси. Вашу машину пригонят, – предложил он.

– Не надо. Со мной все в порядке. Я доеду.

Одарив меня испытующим взглядом, Богдан не стал настаивать, а в несколько шагов сократил между нами расстояние и подхватил мою сумку.

– Идемте, я вас проведу.

Проходя мимо Саши, он взял и ее вещи. Подруга выглядела расстроено, хотя старалась не показывать этого, но я-то ее хорошо знаю. Наверное, задело, что Богдан так легко отпустил, даже не сделав попытки удержать.

Проводив девушек, Богдан посмотрел в сторону дома. Стоило вернуться к гостям, но те подождут. Прежде он собирался серьезно поговорить с Кристофом. Своей несдержанностью тот помешал работе, а это уже было непрофессионально и наводило на вопросы о том, где еще одноклассник проявил небрежность.

Поднявшись на второй этаж тем же путем, которым вывел из дома девушек, Богдан зашел в комнату приятеля. Запах сигаретного дыма привел его на террасу. Кристоф сидел в кресле и с задумчивым видом вертел в руках сигарету, сбрасывая пепел прямо на пол.

– Куришь? Не слишком ли много слабостей для одного дня?

– Пришел позлорадствовать? – поднял на него взгляд Морено. – Или устал подтирать сопли мисс недотроге?

– Они уехали. И Кристина не плакала. Как и не жаловалась.

– Они? Значит, твоя крошка тоже не согреет сегодня тебе постель? – криво усмехнулся Кристоф. – Ничего, внизу еще много желающих раздвинуть ноги.

– Да что с тобой? – Богдан подавил желание встряхнуть приятеля, который явно нарывался.

– А с тобой? Давно ты стал выступать в роли защитника женщин и совать нос не в свои дела? Хочешь сказать, что случайно мимо проходил?

– Идиот! Мне позвонила сестра, и я поднялся наверх с ней поговорить. Кстати, она все еще ждет моего звонка, так что не буду терять время, – резко произнес Богдан. – К Кристине больше не приближайся. Мне нужно доверие Алекс, а ты путаешь все карты, пытаешься изнасиловать ее подругу.

Кристоф хотел возразить, но Богдан не дал ему такой возможности, говоря тихо, но резко:

– Мне безразлично, кого и как ты имеешь! Но не тогда, когда это мешает делу. Ты мог извиниться, сказать, что потерял голову, да много всего! Вместо этого предпочел тешить свое самолюбие. Ведешь себя как зеленый юнец, а не профессионал.

– Что же ты свой объект наблюдения отпустил?

– А зачем удерживать? Чтобы тратить вечер на извинения за твое поведение и доказывать, что я не такой? Сейчас она успокоит свою подругу, а потом задумается, почему я так легко позволил ей уехать. Через пару часов я позвоню ей, поинтересуюсь, как доехали, самочувствием Кристины, но и все. Уже на следующий день она накрутит себя, задаваясь вопросом, встретимся ли мы вновь. Как видишь, стоит всего лишь подождать.

– Что насчет Кристины? Считаешь, мне тоже стоит подождать с

извинениями?

– С ней без вариантов.

– Потому что не простит или потому, что ты запретил к ней приближаться?

– Она примет твои извинения, но к себе уже не подпустит. Оставь ее.

– Еще посмотрим, – произнес Морено, но ушедший Ковальский уже не услышал его слов.

Кристоф слышал приказ Богдана, но не собирался ему подчиняться. Сидя в кресле, на котором еще недавно обнимал тающую в его руках девушку, он понимал, что сам виноват. Поспешил. Не совладал со вспыхнувшим в крови желанием. Игривость Кристины стала сюрпризом. Почувствовав, как она его дразнит, загорелся. Слишком долго обхаживал эту строптивицу, сдерживая свои желания, и собирался получить от нее сполна. Его ошибка лишь в том, что слишком рано праздновал победу. Девушка взбрыкнула, а он сильно завелся и останавливаться уже не захотел.

Ничего, приручив один раз, справится и во второй. Кристина его заинтересовала. Не попади бабка Алекс под подозрение, с этими крошками они бы больше не встретились. Но, общаясь с ними ради дела, Кристоф поймал себя на мысли, что Кристина ему действительно интересна, даже больше, чем ее подруга, на которую он запал вначале. Неуступчивость будила азарт охотника, а ежедневное общение по телефону на испанском доставляло ему удовольствие.

Стоило подумать, как ее смягчить. С любой другой он бы долго не думал, сразу направившись в ювелирный за подарком. С Кристиной это не пройдет, она действительно... другая. Нужно искать нестандартный подход.

* * *

Богдан был зол на Морено и не понимал, почему должен объяснять ему элементарные вещи. Выдохнув, набрал сестру. Он и так заставил ее долго ждать.

Ирен ответила практически сразу:

– Куда пропал? У меня уже посадка началась!

– Извини, дела. Куда летишь?

– Мог бы и не спрашивать. У меня все получилось!!!

– Поздравляю! Хана предупредила или свалишься ему как снег на голову?

– Зачем его раньше времени радовать, – засмеялась Ирен, и Богдан почувствовал, как от ее смеха теплеет в груди.

– Ты смотри, не забудь его все же порадовать, а то, судя по твоему настроению, он может и не узнать, что за счастье к нему прилетало.

– Об этом побеспокоился отец, приставив ко мне своих охранников.

– Ирен, давай без своих обычных выкрутасов. Пожалей старую гвардию, они много лет служат нашей семье, а истории о твоих выходах уже стали байками среди охраны, которыми пугают молодых.

– То-то они такие суровые и при каждом моем резком движении тянутся к пистолетам, – ехидничала сестра.

– Если будут сердечные приступы – высеку!

Любой другой принял бы его угрозу, брошенную таким тоном, всерьез, но Ирен было все нипочем:

– Братишка, ты на меня даже в детстве руки не поднимал.

– Но с каждым годом хочется все сильнее исправить это упущение, – совершенно искренне признался Богдан. Если вспомнить все ее выходы...

– Да ты свиреп! Но я тебя все равно больше всех люблю.

Даже не видя сестру, Ковальский знал, что сейчас она проказливо улыбается, но говорит правду.

– И ты всегда в моем сердце.

– Богдан, мне сейчас хочется захватить самолет и развернуть его к тебе, – уже совершенно серьезно и очень тоскливо произнесла Ирен.

– Тогда точно высеку! – строго произнес в трубку. С нее станет сбегать от охраны и прилететь. Он тоже соскучился, но здесь ждут дела, и лучше увидеться дома. – Удачного полета, и не забудь напомнить Хану насчет Рождества.

– Напомню, – вздохнула сестра и отключилась.

Несколько мгновений Богдан размышлял, не набрать ли Хана, но все же не стал и пошел вниз к гостям.

Глава 6

Практически всю дорогу мы молчали, каждая думала о своем. Хорошо, что я села за руль. Это позволило сосредоточиться на дороге и хоть немного отвлечься.

Я не винила Кристофа, скорее злилась на себя за то, что позволила уговорить и поехала. Ведь чувствовала – лучше не стоит. А теперь сама как оплеванная и Сашке романтические планы на выходные испортила. С другой стороны, Кристоф показал свое истинное лицо, и это хорошо. Еще в клубе видно было: он хочет просто переспать со мной. Наверное, задела мужское самолюбие тем, что не повелась на его брутальный шарм, вот испанец и решил добиться своего, разыгрывая приятного кавалера. Как же мерзко от всего этого! Но было бы еще хуже, не поспеши он. Ведь я испугалась его напора, а действуй Кристоф более медленно – разомлела бы от ласк и могла сдаться. И оказалась бы еще одной галочкой в его списке побед!

«Все к лучшему», – сказала себе, и эта мысль успокоила душевные терзания. Я еще легко отделалась.

Мы подъезжали к нашему дому, и Саша бросила взгляд на свои окна.

– Странно, почему у бабули свет во всех комнатах горит? – произнесла она.

– Может, приступ? – забеспокоилась я. Обычно Аделаида Стефановна ложилась спать рано, а тут ночь и она еще не спит.

– Сейчас позвоню ей.

Сашка достала телефон и набрала домашний, но никто не брал трубку. Я припарковалась и вопросительно посмотрела на нее.

– Идем. Проверим, как она.

– А что я скажу насчет своего внешнего вида?

– Саша, а если ей плохо?

– Подожди минуту, я переоденусь.

Она пересела на заднее сиденье, открыла сумку. Быстро избавилась от вечернего платья, влезла в брюки с рубашкой. Босоножки сменила на ботильоны, натянув их на голые ноги, а куртку надевала уже на ходу, выходя из машины.

По домофону мы звонить не стали, сразу открыв ключами. Выйдя из лифта, замерли возле приоткрытой двери квартиры, не решаясь войти.

– Может, она вызвала «Скорую»? – неуверенно предположила я.

Почему-то от вида незапертой двери стало страшно.

– Бабушка! – отмерла Саша и первой бросилась в квартиру.

Дом, в котором всегда царил безукоризненный порядок, был разгромлен, как будто по нему пронесся тайфун. Все ящики в гостиной открыты, вещи валялись на полу, вперемешку с фотографиями и бумагами. На стенах висели рамы без картин.

Не сговариваясь, мы кинулись в спальню Аделаиды Стефановны. Там творился такой же кавардак. Бабушка лежала, привязанная скотчем к спинке упавшего стула. Серые волосы, всегда собранные в узел на затылке, были распущены, и слипшиеся от крови пряди скрывали лицо. Белая шелковая пижама была вся в прорехах и пропиталась кровью. И на полу кровь... много крови!..

Сашка тонко ойкнула и столбом замерла на месте, боясь подойти. Оттолкнув ее, я бросилась вперед, рухнула на колени и отодвинула волосы от бабушкиного лица. Глаза Аделаиды Стефановны заплыли от побоев и были закрыты. Рот заклеен скотчем, но я услышала рваное дыхание и рванула скотч.

– Саша, «Скорую»! Она жива, – закричала я.

– Сейчас, сейчас... – дрожащими руками подруга достала сотовый и стала тыкать по кнопкам, но телефон выпал и улетел под кровать.

– Звони из гостиной! – шикнула на нее. Нельзя было терять время.

Кивнув, Сашка опрометью выскочила из комнаты, к стационарному телефону.

– Аделаида Стефановна! – Опустив взгляд, я увидела, что бабушка открыла глаза и натужно дышит через рот. – Сейчас «Скорая» приедет. Держитесь!

Она посмотрела мутным взглядом, но, кажется, узнала.

– Под... ногами.

– Что?

– Подо мной... возьми. – Каждое слово давалось ей с трудом.

Думая, что Аделаида Стефановна говорит о своем ингаляторе, я стала шарить под ее ногами, путаясь в широких шелковых штанинах пижамы.

– Сейчас... потерпите....

Из гостиной доносился сбивчивый голос Сашки, дозвонившейся в «Скорую», и я надеялась, что они быстро приедут.

Бабушка лежала на боку вместе со стулом, и я боялась ее поднимать, чтобы не сделать хуже. Нужно было разрезать скотч... Но в первую очередь – найти лекарство, чтобы облегчить дыхание. Пальцы нащупали что-то круглое. Браслет! Ее браслет из эбенового дерева.

– Давайте надену...

Я потянулась к руке Аделаиды Стефановны, зная, что обычно эта вещица помогала ей лучше ингалятора.

– Себе... возьми... его, – задыхаясь, проговорила бабушка.

– Я взяла, давайте наденем вам!

От волнения я не могла анализировать ее слова.

Руки пожилой женщины по локоть были примотаны скотчем к туловищу, и я взяла ее за запястье. Меня чуть не затошнило, когда увидела, что ладонь в крови и нет половины мизинца. Господи, ее жестоко пытали!

Неожиданно Аделаида Стефановна крепко схватила меня за руку.

– Себе надень! – четко произнесла она.

В растерянности, что не так поняла, подняла взгляд к ее лицу.

– Т-т-вое... спрячь... – Она хрипела и, борясь с удушьем, выдавливала из себя: – Концы снимаются.... дневник... дача... тайник Алекс...

На этом силы ее покинули. Пальцы разжались, соскользнув с моей руки, и бабушка захрипела.

– Сашка, где ингалятор! – закричала я. – Нет... нет...

Борясь с паникой, вскочила на ноги, и взгляд заметался по комнате. В спальне было все перевернуто и валялось на полу, я не знала, где искать лекарство. Автоматически надев на руку браслет, который сжимала в ладони, бросилась к тумбочке у кровати.

– Бабушка! – на пороге появилась подруга, бледная как смерть.

– Ингалятор! – обернулась к ней.

– Сейчас! Скорее посади ее!

К счастью, я мгновенно нашла ножницы. Разрезала скотч, кое-как усадила Аделаиду Стефановну. Прибежала Сашка с ингалятором.

Пока ждали «Скорую», я перевязала пострадавшую руку, но понятия не имела, что делать с остальными ранами. Порезы были неглубокие, но многочисленные. Бабушка перестала хрипеть, но потеряла сознание, и пришлось ее положить. Пульс был слабый. Нас с Сашей трясло. Подруга вообще боялась зайти в комнату. Она с детства не переносит вида крови и сейчас была на пределе.

Звонок сотового раздался неожиданно. Номер был неизвестен, но я ответила.

– Кристина? Это Богдан. Не могу дозвониться до Алекс. Вы доехали?

– Богдан, квартиру Алекс ограбили, ее бабушка в тяжелом состоянии. Мы ждем «Скорую», – отрывисто ответила ему.

– Я выезжаю. В полицию звонили?

– Нет, – растерялась я. Конечно, глупо, но впопыхах нам это даже в

голову не пришло.

– Вызывайте, а я пришлю к вам своего адвоката.

– Зачем нам адвокат?!

– При общении с полицией он необходим, – убежденно информировал Богдан и отключился.

Нахмурившись, я посмотрела на телефон. Отстраненно отметила, как властно и спокойно звучал голос мужчины. Никакой суеты и лишних вопросов. Можно подумать, его знакомых каждый день грабят.

– Богдан? – подала голос Саша.

– Сказал, что едет к нам. И пришлет адвоката.

Подруга тоже ничего не понимала и смотрела потерянными глазами.

– Саша, звони в полицию. Это же ограбление. Нужно их вызвать. Еще найди документы и страховой полис. Наверное, какие-то вещи необходимо собрать.

– Да-да, сейчас, – как болванчик закивала она и кинулась звонить. Я же осталась сидеть на полу возле Аделаиды Стефановны. Встать и поискать самой вещи в больницу была не в силах. Да и боялась оставлять ее одну.

Первыми приехали медики. Саше не разрешили сесть с бабушкой в «Скорую», и я отдала ей ключи и документы от своей машины, чтобы она ехала за ними, а сама осталась дожидаться полицию. Сотовый подруга достала, и мы договорились быть на связи.

Сотрудники правоохранительных органов приехали быстро. Но, дожидаясь их, я в прострации сидела одна в разгромленной квартире, боясь лишней раз к чему-либо притронуться. Руки так и оставались испачканными в крови, и вид у меня был тот еще. Зря я их не помыла, но с отъездом Саши накатило какое-то опустошение. Наверное, внутренний завод кончился. Зато общение с нашей полицией быстро вывело из апатии. С документами на машину я отдала и свои права с паспортом. Хорошо еще, разбуженные соседи подтвердили мою личность. Они меня с детства знали, и я с ними всегда здоровалась.

Потом пришлось долго и не по одному разу объяснять, что здесь произошло, во сколько мы приехали, и пошагово описывать свои действия. Меня спрашивали, не говорила ли потерпевшая, кто на нее напал. Я объяснила, что она просто практически не могла говорить. О браслете промолчала. Не потому, что не доверяла сотрудникам полиции, а просто хотела сама во всем разобраться, в спокойной обстановке все проанализировать. К тому же слишком уж следователь интересовался, почему мы отсутствовали в этот день и где были.

Я понимала, что он прорабатывает все версии, но неприятно, когда тебя рассматривают как одну из подозреваемых. И при таком отношении показывать ему браслет? Да он его тут же конфискует как вещдок! Или того хуже, с него станется обвинить меня в воровстве и закрыть в камере до выяснения обстоятельств. Он и Сашу готов был заочно обвинить в побеге с места преступления, а то, что она поехала в больницу с бабушкой, его не волновало.

Так что я была благодарна Богдану, когда приехал адвокат. Появление Константина Эдуардовича вызвало большое неудовольствие следователя, но свой напор на меня он поубавил, и появилось время перевести дыхание.

Сюрпризом стал визит Кристофа. Меньше всего ожидала так скоро его увидеть. Мой бывший кавалер сообщил, что Богдан поехал в больницу к Алекс, а он сюда, поддержать и подтвердить наше алиби. Тут только я узнала, что фамилия Кристофа – Морено и он владелец частной охранной фирмы.

Надо же, думала, видеть его спокойно не смогу, но после пережитого страха за Аделаиду Стефановну все случившееся в коттедже казалось чем-то далеким и мелочным. Наверное, поэтому не стала при следователе возражать, когда Кристоф заявил, что я его девушка. Лишь метнула на него взгляд, но он ответил предостерегающим, и я промолчала.

Подозрения с меня и Сашки были сняты. На момент совершения преступления нас не было в городе, и тому есть свидетели, время между приездом и звонком в «Скорую» можно отследить. Криминалисты еще работали. С меня сняли отпечатки пальцев, и вопросы свелись к тому, кто знал еще о том, что нас не будет дома, могу ли я сказать, что пропало, и не угрожали ли хозяйке дома. Перечислила навскидку, указав картины и украшения, которые хранились в спальне. Также сказала о Тамаре, домработнице, которая больше знает насчет вещей, но ее контакты были у Алекс.

Покончив с формальностями и подписав показания, я была свободна, но осталась ждать подругу, выйдя на лестничную клетку, чтобы не мешать работать. Она звонила, что уже едут обратно. Бабушка в реанимации, большая потеря крови, делают все возможное.

– Закуришь? – предложил Кристоф, который следовал за мной по пятам.

– Давай...

Я взяла у него сигарету, хотя не курю. Он поднес зажигалку и закурил сам. Сделав затяжку, закашлялась с непривычки, но Кристоф ничего не сказал. Некоторое время мы просто выпускали дым, наблюдая, как он

рассеивается.

– Как ты?

Интересный вопрос. Было чувство нереальности происходящего. Когда смотришь полицейские сводки, кажется, что это происходит на другой планете и никогда не коснется тебя. Сашкина квартира разгромлена, и сейчас там топчутся чужие люди, ища улики. Потрясением стало увидеть Аделаиду Стефановну в растерзанном виде. Ее пытали! Кто способен на такие зверства? Из-за чего? Она ведь не жена бизнесмена, и у них не хранятся миллионы, уж я достаток Лебедевых знаю.

– Устала, – кратко, но совершенно искренне ответила я.

– Кристина... хочу извиниться. Не знаю, что на меня нашло.

Даже не удивилась. Наверное, свой лимит потрясений за день я исчерпала. Извинись он сразу, до вмешательства Богдана, это бы еще что-то значило, а после всего сказанного им... Любые слова бессмысленны. Кристоф четко показал, кем воспринимает меня, но сейчас это уже не жалило и никак не задевало, как будто после инцидента прошло не несколько часов, а пара лет.

– Не будем об этом, – передернула плечами.

– Очень хочется тебя поддержать, но боюсь испугать. Тебя можно обнять?

Предложение звучало заманчиво. Чего греха таить, я бы не отказалась, чтобы меня обняли и сказали, что все будет хорошо. Только не этот человек.

– Кристоф, спасибо, но поддержка сейчас нужна Алекс, я в порядке.

– Ты простишь меня?

– Уже простила. Забыла. И не хочу возвращаться к этому.

Разговор стал меня напрягать. Хорошо, что к нам присоединился адвокат, который дожидался приезда Саши, и я избежала обсуждения неприятной темы.

Приехавшая подруга ничего нового не сказала. Состояние у бабушки тяжелое, прогнозов никаких, все вопросы утром. К ее приезду криминалисты закончили работу. Алекс дала показания и подтвердила следователю все то, что я написала, но, по настоянию адвоката, для более подробной беседы явится завтра днем.

Остаться в разгромленной квартире было невозможно. Я думала, что пойдем ночевать ко мне, но вмешался Богдан. Было решено, что Сашка едет к нему. Завтра он вызывает клининговую компанию убрать. Пусть все делается под наблюдением домработницы, которую утром предупредят. Та составит список испорченных и пропавших вещей. Завтра Богдан

привезет Алекс в город, и они съездят в больницу и к следователю. Богдан как-то быстро все распланировал, а подруга не возражала.

Саша просила, чтобы я поехала с ними, но на этот раз пришлось проявить твердость. Мой дом был рядом, и больше всего я хотела помыться и лечь спать. Договорившись созвониться, мы расстались. До дверей подъезда меня проводил Кристоф. Не знаю, может, хотел поговорить, но я сухо с ним распрощалась и сбежала. Для себя я вычеркнула испанца из круга общения.

Несмотря на то что валилась с ног от усталости и, казалось, на постель упаду замертво, сон не шел. Тишина квартиры давила, и я очень пожалела, что родители уехали. Хотелось, чтобы рядом кто-то был. В голову лезли мысли об Аделаиде Стефановне. Каково ей было наедине с извергами? Криминалисты сказали, что замок в квартиру вскрыли отмычкой. Значит, бабушка спала, когда на нее напали. От этого и в своем доме я не чувствовала себя в безопасности. Задавалась вопросом, напали бы они, если бы Саша была дома, или подруге крупно повезло? Что они искали?

Мысль о браслете заставила подняться с постели и пойти в ванную, где я его оставила, когда мылась. Вернувшись к себе, включила прикроватную лампу и стала вертеть в руках украшение. Браслет был очень широким и жестким, но не сплошным обручем, а разомкнутым, в виде буквы «С» с золотыми наконечниками. В последние годы бабушка Саши часто носила его. Почему она так настойчиво оставляла его мне, находясь практически при смерти?

В памяти всплыли слова о том, что концы браслета снимаются. Заинтригованная, я потянула на себя золотую деталь. Она поддалась и с легким сопротивлением сдвинулась с места. Полностью сняв наконечник, я увидела, что к нему изнутри крепится металлический штырь, который переходит в гибкую спираль. Растягивая ее, заметила кусок белой ткани. Ничего себе! Даже предположить не могла, что браслет внутри полый. Заинтригованная находкой, заставившей забыть об усталости, я стала крутить детали и поняла, что штырь отвинчивается от наконечника. Дальше оказалось дело техники, и я стала обладателем белого шелкового платка, который был намотан вокруг спирали. Того самого, о котором так красноречиво рассказывала Сашка в клубе Богдану!!!

Теперь стало понятно, почему подруга никогда не могла найти этот шейный платок. Сев на кровати и поджав под себя ноги, я думала, что делать с находкой. Показать Саше? Она не поймет, почему бабушка отдала мне браслет, а ненавистный платок точно уничтожит. Рисковать я не могла. Если Аделаида Стефановна хотела, чтобы это было у меня, значит, я

сохраню и отдам ей, когда она поправится.

Отложив детали браслета на прикроватную тумбочку, я намотала платок вокруг руки и снова легла. Поднеся его к лицу, ощутила легкий запах духов, которыми пользовалась бабушка Саши. Не понимаю, зачем она мне его подарила?!

Перебирала в памяти ее слова о даче и тайнике Алекс. Я знала, о чем речь. Еще в детстве одним летом мы склеили с подружкой кукольный домик. Основой ему служила коробка, уже не помню из-под чего, разрисованная под фундамент. Когда мы выросли, прятали в этой коробке наши дневники, которые тогда вели, и считали, что об этом никто не знает. Спустя годы выкинуть домик рука не поднялась, и он так и пылится на шкафу в комнате подруги. Я это точно знаю, так как в июле была у них на даче в Малаховке и видела его.

Я поняла, что мне нужно туда попасть, чтобы во всем разобраться. Вопрос в том, когда? Среди недели учеба. Если только завтра... До следующих выходных я не дотерплю. Ощущение близости какой-то тайны будоражило, а там были ответы. Аделаида Стефановна сама направила меня туда. Где хранятся запасные ключи на даче, я знала. Сашу брать с собой нельзя, иначе придется обо всем рассказывать, но и одной ехать страшновато. Некстати вспомнилось, как за день до ограбления бабушка уверяла, что в доме вещи лежат не на своих местах. А вдруг она была права? У них что-то искали и, не найдя, пришли повторно. Ведь пожилую женщину пытали. Нет никакой гарантии, что они не сунутся на дачу. Не хотелось бы столкнуться с этими извергами.

Но кого с собой взять? Девушки отпадали, так как мне нужна защита, а из знакомых парней никто не годился для задуманного. Должен быть проверенный человек, который не испугается вломиться со мной на чужую дачу.

И тут осознала, что выбирать мне не из кого. Единственный, кто приходил на ум, – Кирюха Ольховский, мой одноклассник. Мы сдружились с ним в последних классах. Так получилось, что я подтягивала его по языкам, а он меня по физике и химии. Внешне щуплый парень, типичный ботаник в очках, но очень умный и надежный. Наша дружба оборвалась на выпускном, когда он признался мне в своих чувствах. Не зная, как реагировать, я попросила время подумать.

Для меня Кир был просто другом, и в ином качестве я его не воспринимала, но и обижать не хотелось. Даже намеревалась попробовать с ним встречаться, ведь он мне как человек нравился. Я поделилась тогда сомнениями с Сашей, но она подняла меня на смех, сказав, что мы и близко

не пара. Не знала, как поступить, и не придумала ничего лучшего, как его избегать.

Потом поступление в институт, поездка на море, лето на даче у Саши, и наши пути с Кириллом разошлись. Он мне больше не звонил и встречи не искал. Я лишь спустя какое-то время узнала, что одноклассник почему-то не стал никуда поступать и ушел в армию. От общих знакомых слышала, что Ольховский вернулся и открыл фирму по ремонту компьютеров. Ничего удивительного, я знала о его увлечении «железом», он сам писал программы и был в курсе всех новинок.

Взволнованная воспоминаниями, я не поленилась встать за планшетом и полезла в Инет искать Кириюху в соцсетях. К моему удивлению, нигде не нашла. Он удалил свои старые аккаунты. У меня сохранилась его почта, но я не знала, пользуется ли он этим адресом. К тому же что я ему напишу? *«Привет, Кир! Ты сможешь съездить со мной на дачу к Сашке? Мне нужно там кое-что поискать»*. Как-то глупо...

Номер его телефона у меня был в контактах, но сотовый украли, и тупик. Оставалось только заявиться к Кириллу в гости. Он жил не так уж и далеко, и раньше я часто бывала у него в гостях. Чем больше об этом думала, тем сильнее мне нравилась эта идея. Ольховскому я могу рассказать о браслете и обо всем случившемся. Уверена, что в помощи он не откажет. Окрыленная идеей, я отложила планшет, решив, что не буду затягивать и с самого утра заявлюсь к старому другу.

«Надеюсь, он не женат, – мелькнула забавная мысль, – а то неловко получится».

Глава 7

Уставшая Александра заснула еще в машине, и Богдан перенес девушку в отведенную ей комнату. Раздевать полностью не стал, только снял верхнюю одежду и разул. Убедившись, что она крепко спит, плотно прикрыл за собой дверь и спустился вниз. Кристоф уже приехал и развалился на диване в гостиной с бокалом вина.

– Что скажешь? – спросил Ковальский, наливая и себе.

– Работали не наши. Пропали картины и драгоценности, но это скорее прикрытие, а не ограбление.

– Как это возможно? Разве квартира была не под наблюдением?

– Все так. Этажом выше арендовали жилье и оборудовали пост наблюдения. Я поднялся сначала к ним, когда приехал. Там тоже оказалась открыта дверь. Двоих наших людей вырубил, записи изъяли. Я позвонил Савицкому. Внимание властей нам ни к чему. Туда должен был подъехать наш док и бригада экспертов после отъезда полиции. Может, удастся найти хоть какие-то следы.

– Не думаю. Сработано профессионально, но как-то топорно. Не понимаю, зачем было пытаться объект?

– Сыворотку правды по своим показателям здоровья она могла не пережить.

– И они об этом знали. Есть предположения о том, кто работает против нас? Спецслужбы?

– Маловероятно. Скорее неизвестный игрок.

– О наблюдении знали. Может быть, внутренним расколом в организации? Кто-то захотел выслужиться...

– Савицкий сейчас проверяет всех. Кстати, наши камеры в квартире объекта сняли. Полиция ничего не нашла.

– Не нравится мне все это. Я напишу о случившемся. Савицкий не справляется, если допустил на своей территории такое. Его людей провели как младенцев. Хорошо, если кто-то просто хочет на его место, но если это неизвестная сила – у нас проблемы.

– Хорошо, я разузнаю, были ли подобные случаи, – кивнул Кристоф.

– И нужно еще раз проверить дело, по которому меня вызвали. Возможно, сработали те же люди и замели следы. Тогда это охота за скверной.

– Не факт. Старушку оставили живой.

– Значит, ничего от нее не добились.

– Может, она просто невиновна? – с сомнением спросил Морено, потрянув бокалом. Кубики льда стукнули о стекло, и он задумчиво посмотрел на них.

Эту возможность тоже нельзя было отметить, но интуиция подсказывала Богдану, что они на верном пути.

– Архивы смотрели?

– Допуск получен. Есть несколько изображений, где на ней шейный платок, но качество фотографий такое, что судить о том, наша ли это вещь, сложно. Спроси лучше у Савицкого. Я получаю информацию от него, и то, если бы не ты... Он, знаешь ли, меня недолюбливает и терпеть не может делиться.

Ковальский поморщился. Инквизиторы обычно получали готовое дело и не участвовали напрямую в расследовании, оставляя это ищейкам. В этом же случае расследование под свой контроль они взяли с самого начала и информация должна передаваться оперативно. Похоже, придется завтра нанести визит Савицкому лично и донести до него эту мысль.

– Я разговаривал с Алекс. Все время, пока ждали «Скорую», Кристина была с бабушкой.

– Полиции Кристина сказала, что у старушки был приступ и она задышалась.

– Могла успеть что-то шепнуть. Не вовремя ты испортил с Кристиной отношения. Нужно завтра с ней самому поговорить, возможно, бабуля ей что-то сказала.

– Неплохо бы телефон Алекс поставить на прослушку, а с Кристиной я сам завтра встречусь.

– Лучше не надо. Сомневаюсь, что она тебе доверится.

Кристоф скрипнул зубами, понимая, что это правда. Неприятно было сознавать, как точно Богдан просчитал девушку. Кристине не нужны были извинения, она просто не хотела с ним больше общаться.

– А девчонка молодец, – усмехнулся Ковальский. – Действовала разумно, не поддавалась панике.

– Алекс?

– Кристина. Не будь ее, Алекс бы убежала с криками из квартиры или свалилась бы в обморок. Не переносит вида крови.

– Нужно раньше полиции просмотреть записи с камер двора. Возможно, что-то увидим, – перевел тему Кристоф. Ему не понравились теплые нотки одобрения в голосе, с которыми Богдан отозвался о Кристине.

– Звони Савицкому и скажи, что уже к утру у меня должно быть все по этому делу. И давай спать. – Богдан встал, заканчивая разговор.

– Хорошо. – Кристоф скрыл усмешку, уже представляя, как взбесится Влад, вынужденный подчиняться его приказам.

Глядя в спину уходившему Ковальскому, он подумал о том, что нужно сделать еще один звонок. Появились у него некоторые подозрения...

* * *

Трель звонка разносилась за запертой дверью, но никто не спешил открывать. Неужели никого нет дома? Проснувшись, я не стала затягивать с визитом к однокласснику. Мало ли какие у него планы на выходные, и лучше ловить его с утра. И вот сейчас, стоя перед массивной железной дверью, с трудом сдерживала волнение. Раньше дверь была попроще, обтянутая коричневым дешевым дерматином. Кирилл жил с мамой и бабушкой в небольшой двушке. С отцом мать развелась давно, и он не общался с сыном, заведя новую семью.

Собираясь сегодня к Киру, я неожиданно много времени провела у шкафа, перемеряя вещи. То мне казалось, что я одета слишком ярко, то слишком просто. Само то, что я стараюсь принарядиться перед встречей, нервировало.

«Господи, это же Кирюха! Чего я нервничаю?» – спрашивала себя, но тем не менее надела узкие брюки и стильную рубашку, запихав остальные разбросанные по комнате вещи в шкаф. Браслет Аделаиды Стефановны я собрала и надела на руку, спрятав под манжетой рубашки. Рукава были пышные и хорошо его скрывали.

Уже ни на что не надеясь, еще раз нажала на звонок. С чего я решила, что он дома? Моя затея уже казалась глупой. Потоптавшись, собралась уходить, но щелкнул замок, и дверь открылась.

У меня пропал дар речи. Взгляд уперся в обнаженный мужской торс с темными ореолами сосков. На загорелой коже блестели капли воды. Внешний вид высокого, мускулистого парня, в одном маленьком полотенце на бедрах, красноречиво говорил о том, что я вытащила его из душа.

Первой мыслью было: ошиблась. Этажом, дверью, домом, не знаю. Но, подняв глаза выше и встретив изумленный взгляд зеленых глаз, потрясенно выдохнула:

– Кир?!

От прежнего щуплого Кирюхи остались только глаза. Сейчас передо

мною стоял широкоплечий парень с развитой мускулатурой, практически на голову выше меня. Его выющиеся волосы, что вечно лезли в глаза, сменились стильной короткой стрижкой с выбритыми висками. Этот новый Кирилл вызывал у меня смущение. Подумалось, что зря я пришла. Слишком много времени прошло с тех пор, как мы виделись в последний раз.

– Кристина?! – отмер он, приходя в себя, и посторонился.

– Я, наверное, не вовремя... – Я помедлила, прежде чем войти. Так и не решила для себя, нужно ли вываливать на него все новости. Старому другу я бы доверила все, а этот Кирилл был мне незнаком.

– Проходи.

Сделав глубокий вдох, я перешагнула порог.

– Вы сделали ремонт?

Квартира тоже выглядела обновленной.

Ольховский закрывал дверь, а я повернулась, неловко задев его бедром. Как в дурацком романе, от моего движения полотенце ослабло и стало сползать.

– Ой! – Мои руки непроизвольно легли на его бедра, удерживая ткань. Я и так увидела больше, чем хотела.

Кир тоже бросился спасать оплот целомудрия, и наши руки столкнулись. Я дернулась, потянув за собой полотенце, и лишь ладони Ольховского, прижавшие его вместе с моими пальцами к телу, не дали мне оголить давнего друга.

Я испуганно ахнула. Не помню, чтобы когда-либо было настолько неловко.

– Кристина, определись. Ты меня одеваешь или раздеваешь? – хмыкнул Кир.

Как ужаленная, постаралась отдернуть руки, но он не дал.

– Одеваю!

– Тогда перестань меня раздевать.

И все это – глядя мне в глаза, в то время, когда я пытаюсь освободиться из его захвата. Может, он и удерживал полотенце, но на деле прижимал мои ладони к своему телу.

– Издеваешься? – начала закипать я.

– Есть немного. Очень забавно наблюдать, как ты краснеешь, – ничуть не смущаясь, признался Ольховский.

– Отпусти!

– Давай так, я сейчас убираю руки, а ты определяйся.

Вторя своим словам, Кирилл резко поднял ладони, давая мне свободу.

Обрадоваться я не успела, так как клятое полотенце, которое окончательно развязалось и прикрывало только спереди, чуть не упало. Естественно, я мгновенно прижала эту тряпку к его животу. В другой ситуации с удовольствием облапала бы накачанный пресс, но не когда за мой счет веселятся.

– Кир! – Моему возмущению не было предела. Психанув, я одной рукой прикрыла себе глаза, а второй сжала в кулаке полотенце и впечатала ему в грудь. – Ольховский, одевайся!

– Серебрянская, ты меня раздела, – в голосе звучало обвинение вперемешку со смехом.

У меня чуть пар из ушей не пошел. От членовредительства одноклассника спасло лишь то, что он забрал у меня полотенце.

– Иди на кухню, я сейчас приду.

Убрав с глаз ладонь, я уткнулась взглядом в подтянутые ягодицы, которые мне демонстрировали. Этот гад повесил на плечо полотенце и дефилировал в чем мать родила по коридору. Да-а-а, кажется, я многого не знала о своем однокласснике.

Разувшись, прошла на кухню. Ее тоже коснулся ремонт. Надо же, не была здесь три года, и ничего не узнать, все новое. Увидев графин с водой, налила себе и села за стол. Что-то встреча со старым другом порядком выбила из колеи. Даже забыла, зачем пришла.

– Кофе будешь?

К моему облегчению, Кирилл надел домашние брюки и футболку, которая плотно обтянула его бицепсы. Точно из тренажерки не вылезает. Такую форму необходимо поддерживать.

– Давай.

Лучше бы чаю с мятой для успокоения, но я не стала привередничать. Ольховский достал турку и занялся приготовлением кофе. Поставив ее на плиту, обернулся ко мне, прислонившись к столешнице.

– Не ожидал тебя увидеть. Что-то случилось?

Не став тянуть, сказала прямо:

– Да. Мне нужна твоя помощь.

Взгляд Кира потускнел и стал каким-то холодным.

– Сколько? – спросил он, повернувшись ко мне спиной и помешивая кофе.

Эм-м... Что-то меня его реакция немного насторожила, и я зависла.

– Кристина, чего молчишь? – оглянулся Ольховский. – Если вспомнить, где блуждали твои руки, я тебе даже не откажу. Говори.

Легкое презрение и насмешка в его словах задели за живое, и я вышла

из ступора:

– Несколько часов твоего времени. И если вспомнить, где пришлось блуждать моим рукам, только попробуй мне отказать! – с угрозой произнесла в ответ, цитируя его слова.

Мне удалось его удивить. Да что там, даже смутить! Кир перестал смотреть на меня как на дерьмо под своими ногами и, проведя пятерней по волосам, извинился:

– Прости. За последний месяц ты третья из старых знакомых, кто обратился ко мне за деньгами.

– Мне нужны не деньги!

– Я тебя не так понял.

Кир отвернулся, следя за кофе, потом ловко разлил его по чашкам. Одну поставил передо мной. Помня мои вкусы, не спрашивая, достал из холодильника сливки. Потом на столе появились печенье и бутерброды.

– Рассказывай.

Он сел напротив. Теперь взгляд его был спокойным и внимательным. Чуть поколебавшись, я засунула куда подальше гордость и рассказала все о вчерашних событиях.

– Я могу взглянуть на браслет?

Расстегнув манжет, я сняла украшение. Дерево нагрелось от моей кожи, и расставаться с ним почему-то не хотелось. Пересилив себя, отдала.

Кир покрутил в руках, снял наконечник и, потянув за пружину, высунул уголок платка.

– Можно достать?

– Давай я, – забрала у него браслет и уже привычно раскрутила.

Кажется, вид абсолютно белого шейного платка с тонкой полоской кружева по кайме несколько разочаровал Ольховского.

– Возможно, это карта? Невидимыми чернилами? – предположил он.

– Не сходи с ума. Его носили и наверняка уже не раз стирали.

– Тогда, скорее всего, она сделала тебе подарок на память.

– Ага, истекая кровью и задыхаясь, думала, как бы меня осчастливить, – скептически произнесла я. – И это вместо того, чтобы сказать, кто на нее напал.

Кир все же просветил платок ультрафиолетом, потрогал розовые топазы, которые украшали браслет, и спросил:

– Хочешь, чтобы я показал его знающим людям?

– Нет, хочу, чтобы ты поехал со мной на дачу в Малаховку.

Мне опять удалось его удивить, и я поспешила объяснить:

– Ты пойми, Саша о браслете ничего не знает, и ей сейчас не до того.

Хочу сама во всем разобраться. Я думаю, что дневник все прояснит. Где хранятся ключи от дачи, я знаю. Нужно, чтобы меня кто-то подстраховал. Их квартиру два раза обыскивали, и есть вероятность, что теперь полезут на дачу. Поэтому не хочу ехать туда одна.

– Ты предлагаешь мне вломиться на чужую дачу? – изумился Ольховский.

– Почему сразу вломиться? Ты на улице постоишь, а я там не раз бывала и возьму то, что меня хозяйка сама попросила найти.

– Скажи, почему ты обратилась именно ко мне после нескольких лет, что мы не виделись? Разве у тебя нет парня? Новых знакомых? Отчего именно меня ты решила приобщить к своим преступным наклонностям?

Кирилл сделал попытку пошутить, но я отметила, что соглашаться он не спешит и хочет знать ответ. Ничего не говоря, я опустила взгляд и стала собирать браслет, пряча в него платок. В принципе, он был в своем праве, я свалилась ему как снег на голову. Ответила неожиданно честно:

– С последним своим парнем я рассталась, он больше любил свои депрессии, чем меня, а новый знакомый вчера чуть не изнасиловал, так что к нему никакого доверия. Приятели есть, но просить их постоять на стреме не буду. Так получилось, что лишь ты знаешь хорошо меня и Сашу, и тебе я могу рассказать о случившемся.

Я надела браслет и застегнула манжет. Лишь после посмотрела на Кира и спросила прямо:

– Поможешь?

Звонок в дверь прозвучал совсем некстати. Кирилл напряженно смотрел на меня, а я не могла прочитать выражение его глаз. Трель звонка настойчиво разносилась по квартире, но он даже не пошевелился. Если так всех гостей встречает, то неудивительно, почему я так долго под дверью торчала.

– Кир? Почему не открываешь?

Нехотя он встал из-за стола и вышел, прикрыв за собой дверь. Вскоре звонок умолк, и я невольно прислушалась. Сначала было тихо, а потом до меня донесся визгливый женский голос. Дверь кухни распахнулась совсем неожиданно, и на пороге появилась красивая светловолосая девушка в ультракоротком платье. Худющая, как модель. С ангельскими чертами лица, которые портило злобное выражение.

– Так вот на кого ты меня променял? – Она прожгла дыру во мне взглядом. – Мог бы подождать, пока я вещи свои заберу.

– Снежана, твои вещи уже собраны и в другой комнате, – холодно произнес Кирилл, появившийся позади нее.

– Не хочешь нас познакомить?

– Зачем? Ты же меня со своим любовником не знакомила.

– Ты все не так понял! – Его пассия тут же сменила тон на карамельный и залебезила: – Это была деловая встреча. Я не могла не пойти.

– Снежана, я знаю, каким образом ты получила контракт. Сколько встреч и где тебе понадобилось, чтобы его подписать.

– Ты следил за мной?! – Девушка захлопала ресницами, а потом в праведном возмущении воскликнула: – Я на тебя в суд подам!

– Как пожелаешь, – безразличным тоном сказал Ольховский. – Тогда в сети появятся фото, объясняющие, за какие таланты тебя взяли.

– Ты... Ты... Придурок, помешанный на контроле! Оставайся со своей коровой! – выкрикнула красотка и метнула в меня злобный взгляд. Так и захотелось ее с лестницы спустить.

Снежана оттолкнула Кирилла и, простучав каблуками по коридору, громко хлопнула дверью.

– Она точно за вещами приходила? – спросила я, мысленно желая девушке свернуть по дороге шею. Разыгравшаяся сцена шокировала. Ничего себе, какие Барби на Ольховского вешаются!

– Прости, – скривился он как от зубной боли.

– Это было даже забавно. Бразильские сериалы отдыхают. Такие страсти.

– Издеваешься? – Кир зашел на кухню.

– Есть немного, – его же словами ответила я и нагло улыбнулась. Вот уж действительно – закон бумеранга в действии.

Губы Кирилла дрогнули в ответной улыбке, а взгляд потеплел. Глядя друг другу в глаза, мы рассмеялись. И как будто не было этих лет, вновь мне стало с ним легко и уютно.

– Пожалуй, я съем бутерброд! – Я потянулась к тарелке, почувствовав, как разыгрался аппетит. Я точно не та дистрофичная модель, мне можно.

– А я сделаю свежий кофе. Этот остыл, – отозвался Кир.

– Скажи, а где Людмила Васильевна? И бабушка? – жуя, спросила у него.

Странно, но мне показалось, что плечи Кирилла напряглись. Я даже замерла, подумав, что с ними что-то случилось.

– Мама вышла замуж и переехала к мужу, – после небольшой паузы прозвучал ответ.

Фух! Я проглотила кусок, который стал комом в горле.

– А бабушка?

– Бабуля живет с ними за городом и кормит нового зятя пирогами.

– Я вкус ее пирогов до сих пор помню, – мечтательно призналась я. Пирог были – пальчики оближешь, даже у моей мамы такие не получаются. – А мои в отпуск улетели. Жаль, так можно было бы с отцом съездить... – сказала задумчиво.

– Да съезжу я с тобой! – обернулся Кирилл. – Только давай днем? У меня еще есть дела.

– Чемоданы повезешь? – наобум произнесла я и, судя по реакции, попала в цель.

– Надоел цирк.

– Так это не в первый раз она их забрать не может?! – развеселилась я.

Кирилл обернулся, бросив на меня предостерегающий взгляд, и я сделала невинное выражение лица, спрятав улыбку. Ладно, поняла, что эту тему лучше не поднимать.

Мы мирно пили кофе, когда зазвонил мой телефон. Пришлось сходить за ним в прихожую. Увидев номер Кристофа, я убрала громкость и вернулась на кухню, сунув сотовый в карман брюк. Проигнорировав взгляд одноклассника, потянулась к кофе. Некоторое время телефон вибрировал, а потом умолк, и я облегченно выдохнула. Не хотела общаться.

Когда сотовый спустя какое-то время завибрировал вновь, нехотя полезла за ним. Это могли быть родители или Саша. Взглянув на экран, увидела ее номер.

– Да.

– Не разбудила? – спросила подруга.

– Нет, как раз кофе пью. Как ты? Из больницы не звонили?

– Нет. Мы тоже сейчас завтракаем, потом поедem в город. Крис... – Сашка замялась. – Кристоф просит тебя подойти к окну.

– Эм-м... я сейчас не дома.

– А где? – искренне удивилась подруга.

– Пью кофе в приятной компании.

– Это с кем же?!

Пропустив вопрос, я задала свой:

– Зачем к окну? Что-то случилось?

– Он тебе сюрприз приготовил.

– Передай ему, что мне вчерашнего сюрприза хватило! Скажи лучше, ты Тамаре звонила?

– Да, дома уже наводят порядок.

– А родителям?

Судя по реакции – нет.

– Саша, позвони им. Они должны знать.

– Думаешь?

– Не тяни время. Давай.

И я отключилась, ловко избежав вопросов. Почему-то говорить о Кирилле не хотелось.

Не успела положить телефон, как он вновь ожил. Кристоф, чтоб ему! Игнорируя некоторых не в меру навязчивых, сбросила вызов и посмотрела на Кира. Тот сверлил взглядом мой сотовый.

– Телефон потеряла или украли, приходится ходить пока со старым, – оправдалась я за допотопную модель.

Как назло, дисплей опять высветил номер Кристофа.

– Это он? – неодобрительно сузив глаза, спросил Кирилл.

– Кто?

– Твой новый знакомый, который вчера тебя едва не изнасиловал? – чуть ли не выплюнул он.

– Да. Извиниться хочет.

– Знакомый Лебедевой? – спросил Ольховский таким тоном, как будто это целиком и полностью Сашина вина.

– Общий, мы с ними в клубе познакомились. Она с его другом встречается. Кир, скажи мне свой номер, а то старые контакты с потерей телефона пропали, – перевела тему я.

– И ты с ним продолжишь общаться? – допытывался одноклассник.

– Как видишь, не хочу. Ты телефон назовешь?

Забив номер в контакты и сделав звонок, чтобы высветился мой номер, я поняла, что пора откланиваться.

– Кир, как освободишься, набери. Я подъеду.

– Лучше я к тебе. Поедем на моей, – возразил он, и спорить я не решилась. Отвезет, и ладно.

Глава 8

Выйдя на улицу, поняла, что домой идти не хочу. Не знаю, что за сюрприз Кристоф для меня приготовил, но может катиться с ним на все четыре стороны. Насколько успела понять, мой бывший кавалер терпением не страдает. Такой не будет долго караулить у подъезда. Всего-то и надо убить где-то час-другой, чтобы наверняка убрался. Чуть подумав, решила съездить в ближайший торговый центр. Прогуляться там по магазинам и купить заодно карманный фонарь. Тот, что дома, давно сломался. Электричество на даче должно быть отключено, и, чтобы не тратить время, лучше подсветить себе фонариком.

К Кириллу я пошла пешком, оставив машину возле дома. Прогулявшись до остановки, дождалась нужную маршрутку и села у окна. Мысли унесли к Киру и тем метаморфозам, что с ним произошли. Признаться, я не была к этому готова. Куда только подевался ботаник, увлеченный компьютерами и учебой? В школе он ни с кем не встречался, а теперь за ним модели бегают.

Ирония судьбы, несколько лет назад я избегала с ним встречи, а теперь сама пришла за помощью. Хотелось бы вернуть дружеские отношения, но Ольховский так сильно изменился, что я была не уверена, возможно ли это. Да он и не захочет, скорее всего. Я тогда с ним некрасиво себя повела. Конечно, можно винить в этом Алекс и ее подшучивания надо мной, но стоило подумать своей головой и прямо поговорить с Кириллом, а не избегать его. Ведь сколько раз рука сама тянулась позвонить ему, но я так и не решилась.

Задумавшись, чуть не проехала свою остановку. Взглянув в окно, крикнула водителю:

– Остановите у торгового!

Маршрутка неожиданно вильнула и съехала с дороги к торговому центру, остановившись напротив входа.

– Эй, мне нужно было на остановку! – возмутился сидевший рядом подросток. Просто остановка располагалась как раз между заездом и выездом с парковки, и там был переход на другую сторону дороги.

Я и еще одна женщина вышли. Недовольный подросток тоже выскочил, громко хлопнув дверью.

– Надо же, впервые на моей памяти к самому входу подъезжает, – удивилась она.

– Да, обычно едет до остановки, – поддакнула я, наблюдая за тем, как маршрутка стала в очередь на выезд с парковки. Мы с женщиной переглянулись и разошлись.

Звонок телефона застал меня в примерочной кабинке, когда стояла обнаженная по пояс, собираясь примерить комплект белья. Полезла в карман пальто и уронила с вешалки все свои вещи. Выругавшись, стала собирать и добралась до вибрирующего сотового.

– Да! – ответила, чуть запыхавшись.

– Крис, ты где? – спросила Саша.

– А что?

На всякий случай я не спешила отвечать. Вдруг она для Кристофа интересуется.

– Мы в больницу едем. Богдан спрашивает, за тобой заехать?

– Да, конечно! – согласилась я. Стало совестно.

– У тебя все в порядке? Ты чего так шумно дышишь? Я не вовремя?

– Немного, я тут голая стою.

– Ой, прости! Вы с Кристофом помирились?

– Саша, я в примерочной! – рывкнула в трубку, оскорбленная последним вопросом. Как ей только в голову такое могло прийти?!

– Ты где? – немного разочарованно спросила она, и я назвала торговый центр. – Мы недалеко, минут через двадцать подъедем. Так ты там утром кофе пила?

– Да, – соврала я.

– Фух, а я тут голову ломаю, что за приятную компанию ты себе нашла. Тебя чего туда понесло с самого утра?

– Дома не сиделось.

– А мне домой ехать не хочется, – пожаловалась она. – Тамара звонила, они уже все убрали, но страшно туда идти.

– Я настаиваю, чтобы ты пожила у меня, – послышался голос Богдана. – Хотя бы до приезда родителей.

– Отец завтра прилетает, – сообщила мне Саша.

– Хорошо. Тебе легче будет.

– Да, – как-то неуверенно произнесла подруга, но потом взяла себя в руки. – Ладно, при встрече поговорим. Тебя Кристоф нашел?

– Нет.

– Понимаю... Только мне кажется, он действительно сожалеет. Сегодня специально рано утром сорвался, чтобы тебе сюрприз организовать.

– До встречи, – никак не прокомментировала это я и отключилась.

Сашке не понять. Она не слышала, как он обо мне отзывался, и не видела пренебрежения в глазах.

Взглянув на эротические комплекты белья, которые набрала для примерки, спросила себя: для кого я их выбираю? Парня у меня сейчас нет. Точно не для Кристофа! Неужели Кирилл заставил думать о внешности? Вспомнив его спортивное тело и кубики пресса, в твердости которых убедилась на ощупь, покачала головой. Не-е-ет! Он просто друг, и его увлечение мной быльем поросло. Тем не менее один комплект я все же купила. Для себя.

Аделаида Стефановна была в коме. В реанимацию пустили только Сашу. Мы с Богданом остались ждать в коридоре.

– Спасибо за помощь, – поблагодарила его. Все же знакомы мы совсем ничего, а он так носится с подругой. – Вы разговаривали с врачом. Почему она в коме? Есть прогнозы?

– Не хотел говорить при Алекс, но у ее бабушки ночью произошел инсульт. Положение очень тяжелое, – вздохнул Богдан.

– А если перевезти в частную клинику? Завтра прилетает отец Саши, он все оплатит.

– Дело не в деньгах. Я уже консультировался с врачами из Швейцарии. В таком состоянии ее транспортировать нельзя. Слишком высока вероятность летального исхода.

Упоминание Швейцарии впечатлило. Я-то имела в виду клиники здесь.

– Кристина, я очень опечален тем, что произошло. И восхищаюсь вами. Вы были рядом с бабушкой Алекс и делали все возможное. Скажите, она вам ничего не успела сообщить? Хоть какую-нибудь зацепку – кто это сделал или почему произошло нападение?

Я немного растерялась. Слишком неожиданные вопросы.

– Если вы не доверяете полиции, я найму частных сыщиков, чтобы они разобрались во всем. Мне важно защитить Алекс.

После этих слов Богдан вырос в моих глазах, а еще стало приятно, что Сашка для него что-то значит. Ведь не будешь так беспокоиться о безразличном тебе человеке.

– Кристина, рассказывая мне о случившемся, Алекс упоминала, что вы разговаривали с бабушкой, – вкрадчиво произнес Богдан. – Поверьте, я умею хранить тайны и хочу только помочь.

– Богдан, клянусь, она ничего не говорила о нападавших. Я не меньше вашего хотела бы найти этих подонков. Аделаида Стефановна задыхалась, и я старалась ее поддержать до приезда «Скорой», разговаривая с ней.

Я выдержала его взгляд, ведь говорила правду. Мой рассказ о браслете

никак не мог повлиять на поимку преступников. Хотя, не договорись я утром с Кириллом, попросила бы Богдана съездить со мной на дачу.

– Вы были в стрессовой ситуации. Могли не обратить внимание. Если что-то вспомните...

– Я обязательно расскажу вам первому, – пообещала я.

– Спасибо, – сказал он, чуть сжав мое запястье.

Так получилось, что его пальцы сквозь рукав пальто обхватили браслет. Кажется, я изменилась в лице. Хорошо хоть в этот момент вернулась с красными глазами Саша, и я отдернула руку, бросаясь к ней.

– Как бабушка?

– Без сознания. Лежит, увешанная датчиками. Белая как мел. Крис, это ужасно!

И Сашка расплакалась.

– Ничего, с ней все будет хорошо, – уверил подошедший Богдан и обнял ее за плечи, только при этом бросил на меня задумчивый взгляд.

Уже в машине было решено, что Богдан отвезет нас домой. Он предупредил, что должен отлучиться по делам. За это время Алекс просмотрит список украденных вещей, составленный домработницей, и посмотрит еще сама, что пропало.

– Алекс, я настаиваю, чтобы сегодня ты осталась у меня, – настойчиво произнес он. – Мне так будет спокойнее.

– Хорошо, спасибо!

Подругу не нужно было уговаривать, и я ее понимала. Сама бы не смогла там заснуть.

– Кристина, приглашаю и вас. Составьте Алекс компанию.

– Крис, поехали! – ухватилась за идею Сашка. – Завтра вместе на пары. Нужно еще отца встретить, – вспомнила она и посмотрела на Богдана.

– Не могу, у меня ученик сегодня. Мне нужно домой, подготовиться, – схитрила я, не желая ехать. – Увидимся в институте. Если хочешь, я поеду на машине, а после лекций в аэропорт.

Богдан не рвался встречать отца Алекс. То ли у него были дела, то ли считал, что еще рано для знакомства с родителями. Подруга согласилась со мной и сильно не уговаривала ехать с ними сегодня. Наверное, поняла, что сможет побыть наедине со своим любимым.

Когда уже подъезжали к дому, мне позвонил Кирилл.

– Да.

– Я освободился. Едем?

Изменился не только сам Кир, но и его голос. Даже что-то екнуло

внутри от непривычных властных ноток. Ольховский говорил отрывисто. Может быть, уже жалеет, что согласился? И тем не менее готов помочь! Это было приятно.

– Да.

Я постаралась не сильно демонстрировать радость, помня, что не одна.

– Сейчас заеду.

– Через сколько?

– Пять минут. Можешь спускаться.

– О'кей, – сказала я, умолчав о том, что уже во дворе.

И все же нужно заскочить домой и переобуться, а еще лучше сменить брюки на джинсы. Ключа от калитки дачи нет, и потребуются лезть через забор. Хорошо, я знала место, где лучше всего это сделать. Однажды замок калитки заело, и нам пришлось с Сашкой брать барьер.

– Кто звонил? – спросила подруга.

– Ученик. Хотел узнать, могу ли прийти сегодня раньше. Саша, извини, но мне нужно бежать.

– Ладно, – расстроилась она. Я понимала, что одной Сашке идти домой не хочется, но там Тамара.

– Богдан, спасибо! – поблагодарила нашего водителя и, выйдя из машины, затрусил в сторону своего дома. Времени было в обрез.

Возле подъезда столкнулась с Димой, который вышел выгуливать Лорда.

– Привет, сосед!

– Привет! Ну и шоу твой поклонник устроил.

– Какое шоу? – Я сбавила шаг.

– Ты не видела? Нанял костюмированных клоунов в сомбреро, концерт под окнами устроили. Половина дома на балконы выскочила.

– С чего ты взял, что это мой поклонник?

– А ты домой поднимись, – усмехнулся он и подмигнул.

Ого! Ничего себе прогресс. Раньше больше смущался при встречах со мной. Заинтригованная, я пошла к лифту.

У дверей квартиры меня поджидал огромный букет алых роз в корзине. Кажется, их было не меньше сотни. Я с трудом ее отодвинула, чтобы открыть замок.

«Как не вовремя!» – пыхтела я, затаскивая цветы в квартиру. Мне они и даром не нужны, но не оставлять же в коридоре. Бросив корзину в прихожей, понеслась переодеваться. Только успела джинсы надеть, как меня позвали.

– Кир?

Выглянув из комнаты, обнаружила одноклассника возле злополучного букета.

– Тебя не было, и я решил подняться. Дверь открыта... Я ничему не помешал?

Он окинул ироничным взглядом букет. Заметив открытку среди роз, вытащил и прочитал вслух:

– «Мне нравятся твои шипы. Я буду терпеливо ждать, когда ты сама их уберешь».

– И это пишет тот, кто вчера на тебя напал? – хмыкнул Ольховский. – Вы помирились? – поинтересовался с легким любопытством.

– Не говори ерунды!

Скрывшись в комнате, я переложила из пакета в карман пальто купленный фонарик и вышла.

– Но ты приняла цветы.

– Он оставил их под дверью. Не выбрасывать же.

– Ты ему не открыла?

– Меня дома не было. Мы в больницу с Сашей ездили.

– Как ее бабушка?

– Плохо. В коме, – голос дрогнул. Я присела, натягивая ботинки. Опустив голову, усилием воли подавила выступившие слезы. Слишком свежи были воспоминания об окровавленной и избитой Аделаиде Стефановне.

– Помощь нужна? Деньги?

– Спасибо, вроде нет. – Я встала. – Идем?

– Перчатки возьми.

– Зачем?

– Тебе напомнить, кто собирается вломиться на чужую дачу?

– Для человека, впервые идущего на дело, ты весьма предусмотрителен, – фыркнула я, испытывая легкую нервозность.

Что-то наша прихожая с присутствием Кирилла стала слишком тесной. Я почувствовала волнующий запах кожи от мужской куртки, смешанный с туалетной водой. Хотелось бы знать, почему я на него так реагирую?

Отвернувшись, полезла в шкаф за перчатками. Они лежали на верхней полке. Потянула одну пару, но мне на голову свалилось еще несколько.

– Вижу, у тебя на сегодня грандиозные планы, – поддел Кир, снимая с моего плеча перчатку. – Решила не останавливаться на одной даче и пройтись по соседям?

Он подошел так близко, что я ощутила чужое дыхание и тепло, исходящее от тела. Чуть понизил голос, и это прозвучало интимно.

Будоражаще. Даже пульс ускорился, и я испугалась, что Кир услышит, как забилось мое сердце.

«Черт, это же Ольховский! Да, вымахал и раздался в плечах. Нужно прекратить вести себя как озабоченная дура! – Я дала себе несколько мысленных оплеух. – Дело не в нем, а в полугоде воздержания. Вот гормоны и бунтуют».

– Если только ты захочешь, чтобы я дала тебе мастер-класс.

Я с усмешкой оглянулась на него и отступила, приседая, чтобы собрать перчатки с пола. Могла гордиться собой, голос не дрогнул.

Кирилл стоял на одной из перчаток. Я потянула за нее, но он не отошел.

– Эй, большой парень, посторонись! – Я запрокинула голову и осеклась, натолкнувшись на странный взгляд.

Передо мной стоял незнакомец. Появилось ощущение, что бывший одноклассник сильно изменился не только внешне, но и внутренне. И я его не знаю. Глупо вести себя с ним как прежде. Кирюха исчез. Вырос, возмужал. Повзрослел гораздо сильнее, чем другие наши одноклассники. Наверное, еще дело в армии. Недаром ее называют школой жизни.

Стало грустно. Несколько лет назад я испугалась потерять хорошего друга, начав с ним встречаться, и в итоге все равно потеряла.

Сейчас стало любопытно, не получает ли Ольховский удовольствие от того, что я у его ног?

– Кирилл, тебе нужна перчатка или наслаждаешься зрелищем? – отстраненно спросила у него.

– Прости, – отшатнулся он.

Резко встав, я запихала в шкаф вещи, и мы молча вышли из квартиры. В лифте я искоса поглядывала на одноклассника, задаваясь вопросом, что это было. Не разобидеться помогла мысль, что я видом своего бывшего на коленях тоже полюбоваться не отказалась бы.

«А может, у него фантазия разыгралась?» – предположила я и развеселилась. Ведь положение мое было провокационное.

– Кир, ты банк ограбил?! – воскликнула я, когда мы подошли к черному спортивному «BMW», который смотрелся чуждым элементом в нашем дворе. Такие машины должны быть припаркованы возле шикарных вилл с бассейнами.

– Всего лишь заработал, – польщенно усмехнулся он, щелкая сигнализацией. Дверь взмыла вверх. Я села, отметив, что приборная панель спорткара недалеко ушла от самолета. И не смогла не поддеть:

– Теперь я понимаю, почему ты решил поехать на своем авто. Это на

случай, если придется быстро уносить ноги?

– Все верно, напарник, – усмехнулся он.

– Пристегните ремни. Взлетаем! – пошутила я, потянувшись за ремнем безопасности.

Мотор заурчал как сытый хищник, и мы плавно двинулись со двора. Я впервые ехала в спорткаре. Взглядом изучала отделку салона, удерживая себя, чтобы ничего не трогать.

– Кир, если пробок не будет, можно немного порысачить? – попросила одноклассника.

– Посмотрим, – понимающе посмотрел на меня старый друг.

Я не фанат спортивных машин, но сейчас с трудом сдерживала восторг. Даже не хотела делать вид, что машина не произвела впечатления. Взгляд скользнул на сильные мужские пальцы, уверенно лежащие на руле.

– Даже не проси. Порулить не дам, – не поворачивая головы, сообщил этот жадина, но губы подрагивали в улыбке.

Так и захотелось тут же раскулачить некоторых. Ну и ладно. Предложи – отказываться не стала бы, но нет так нет.

– Признавайся, чем занимаешься?

– Ты не знаешь? – бросил острый взгляд Кирилл.

– Откуда? Слышала краем уха, что у тебя своя фирма. Судя по машине, даже не буду спрашивать, как идут дела.

– Компьютерами. Ремонт, установка программ и все такое.

– А что насчет учебы?

– Заочно.

– Кир, а почему ты после школы поступать не стал?

Раз мы так хорошо разговариваем, почему не спросить?

– Вариант, что не прошел по баллам, куда хотел, не проходит?

– Сказал тот, у кого был высший балл из всего класса.

– Кое-что случилось, и я не подал документы.

Полоснула мысль, что это из-за меня, и я отвела глаза.

– Ты здесь ни при чем, – спокойно добавил Ольховский, впервые коснувшись в разговоре событий прошлого, и включил музыку.

Оставалось еще много вопросов – все же интересно, как он живет, но я прикусила язык, поняв намек.

Глава 9

Проехав мимо дачи, на первый взгляд ничего подозрительного мы не увидели. Машину оставили подальше, за поворотом, чтобы не привлекать внимания соседей. Оттуда уже прогулялись до дома. Я показала Кириллу место, где лучше перелезть, и он меня подсадил, а потом спрыгнул сам.

– Не боишься, что кто-то заметит и вызовет полицию? – в голосе Кирилла страха не было, лишь любопытство.

– Нет. Ближайшие соседи живут в городе и осенью бывают редко, но даже если бы я их и встретила, меня здесь знают. Не первый год с Сашей ездим, – ответила я, счищая с ботинок грязь. Возле забора земля была сырая.

– А здесь неплохо. – Кир огляделся. – Дом хоть и старый, но видно, что следят. И никаких теплиц и огородов.

– Аделаида Стефановна не любит ковыряться в земле. Приезжает сюда из-за воздуха. Это мы с Сашей пару лет назад здесь пруд сделали, цветы сажаем.

Дачу еще дед Саши получил. В прежние времена она была ого-го. Большой деревянный дом, двухэтажный.

– Часто здесь бываешь?

– Каждое лето. В конце сентября погода дождливая была, бабушка Саши простыла в свой последний приезд и больше ни ногой.

Я вышла на дорожку и уверенно направилась к хозяйственной постройке. Встав на носочки, просунула руку под козырек навеса. Там на гвоздике нащупала ключи от дома, которые победно продемонстрировала.

– Взломщица, перчатки надень, – хмыкнул Кирилл.

Скривив в ответ рожицу, так как считала все эти предосторожности лишними, я все же полезла за перчатками в карман пальто. Сам-то он, перед тем как покинуть машину, достал себе из бардачка кожаную пару и сейчас надевал, подавая мне пример.

В дом мы проникли без труда. Я легко открыла сначала дверь веранды, а потом и внутреннюю.

– Нам куда?

– Наверх.

Внутри было сумрачно, но с фонариком я погорячилась. Поднявшись по скрипящей лестнице, сразу зашла в комнату Саши. Кукольный домик так и стоял наверху шкафа, и я попросила Кирилла помочь его достать и

поставить на стол. С легкостью выполнив требуемое, он уступил мне место. В перчатках не получалось поддеть стенку фундамента и пришлось их стянуть под неодобрительным взглядом моего поделщика.

Давно мы не лазили в наш тайник. Увлечение дневниками прошло, а сам домик оставался напоминанием о детстве. Пальцы безуспешно поддевали картон, и я не сразу поняла, что кто-то заклеил крышку коробки.

– Нужен нож. Приклеено, – разочарованно произнесла я. – Подожди, сейчас сбегаяю.

Оставив Кира, понеслась на первый этаж. Меня подгоняло нетерпение и близость раскрытия тайны. Схватив на кухне первый попавшийся нож из подставки, я понеслась обратно наверх.

– Кирилл?! – удивилась я. Ольховский почему-то стоял в общей мансарде, сбоку от окна.

– Иди сюда, только вдоль стены, – напряженно приказал он. У меня сердце ушло в пятки. В голову полезли мысли о полиции и наручниках.

Став рядом с ним, в первый момент ничего необычного не увидела. Вроде бы все спокойно.

– Направо посмотри. И не высовывайся. Эти двое пялились на дом, проходя мимо, а теперь возвращаются.

– Богдан?!

Я буквально окаменела, узнав его. Лица второго не видела, но это точно Кристоф.

– Знаешь их?

– Сашка с блондином встречается. Может, она попросила что-то с дачи забрать? – в растерянности произнесла я.

– И не сказала адрес?

– На калитке одну цифру номера летом кто-то отломал. Мы вторую сняли, решив заменить на новые.

– Ты готова с ними встретиться?

– Нет!

– Входная дверь открыта?

– Да, – застонала я. Дверь закрыть за собой как-то не подумала.

– Давай ключи, – протянул руку. – Забирай, что хотела, и будем выбираться.

– Как?!

– Через окно.

Не споря, отдала ключи и застыла, потрясенно наблюдая, как открывается калитка.

– Кирилл, они калитку открыли! – в панике крикнула вслед

Ольховскому и отмерла, вспомнив, зачем мы здесь. Бросилась в комнату, в спешке вскрыла коробку и полезла рукой вовнутрь, нащупав что-то. Оно не вынималось.

– Чего ты возишься? – рядом со мной возник Кирилл.

– Не могу вытащить, – ответила сквозь зубы. – Кажется, скотчем приклеили.

– Дай я.

Отодвинув меня, Кир забрал нож и, надрезав скотч, вытащил черную записную книжку. Сунув ее мне в руки, закрыл коробку и поставил домик на шкаф. Протерев нож, положил наверх и его. И тут раздался шум, как будто что-то упало. Я даже на месте подпрыгнула.

– Что это?

– Дверь веранды открыли. Я ведро железное оставил. – Кирилл осмотрелся. – Через первый этаж уйти не успеем, придется прыгать.

Он двинулся к окну, но я потянула его за собой:

– Идем, я знаю куда.

В комнате, где обычно останавливалась, когда приезжала, был небольшой балкон, выходящий на задний двор. Через него мы и выбрались наружу. Кирилл, повиснув на нем, спрыгнул вниз, а потом поймал меня. Прыгать было страшно, но шаги на первом этаже и скрипнувшая лестница придали ускорения.

Не сговариваясь, мы бросились к забору. Уходить через калитку нельзя – придется огибать дом, и там мы будем как на ладони. И без этого могут заметить.

До машины добрались без приключений.

– Держи. – Кирилл протянул ключи, когда я рухнула на сиденье. – В следующий раз на место вернем.

– Хочешь сказать, что готов повторить? – не поверила я. У меня до сих пор дыхание не восстановилось и сердце колотилось как бешеное от страха быть пойманными.

Мой поделщик ничего не ответил, лишь усмехнулся, снимая перчатки и возвращая их в бардачок. Это мне кое-что напомнило.

– Ки-ир, – протянула я и полезла в карманы, – кажется, я на столе перчатки забыла.

Конечно же, обратно мы не пошли. Я надеялась, что даже если гости и зайдут в комнату, на оставленные перчатки не обратят внимание. Та же подруга могла забыть их. Я только не понимала, что они там делали и зачем Сашка дала им ключи?! И ведь не спросишь прямо!

Чуть успокоившись, я с уважением посмотрела на Кирилла. На меня

произвело впечатление его самообладание. Как быстро он сориентировался насчет дверей и пути отхода продумал. Никакой паники. Молчу уже о физической подготовке – он поймал меня в крепкие объятия и даже не пошатнулся!

– Кир, теперь я знаю, кого на дело нужно брать. Ты был великолепен! – с восхищением произнесла я.

– Крис, какое дело? Надеюсь, ты понимаешь, что это не твое?

– Зато ты отлично страхуешь. Без тебя я бы растерялась, а потом краснела, объясняя, как оказалась на даче.

– Кстати, а зачем они явились? Сигнализации я не заметил. Даже если есть датчики движения и приходит сообщение о проникновении, не могли так быстро приехать. Да и явилась бы полиция, а не твои знакомые...

– Понятия не имею. Богдан возил нас в больницу и потом домой, а когда прощались, сказал, что у него дела. – Я нахмурилась, рассуждая вслух. – Мы же с тобой почти сразу сюда поехали и с ними чуть здесь не столкнулись. Получается, он выехал примерно в одно время с нами. Может, ему Лебедева раньше ключи дала? Хотя...

– Что?

– Вчера, после ограбления, он забрал ее к себе, и там точно не до ключей было. При мне Сашка о даче и не вспоминала. Если только сегодня, перед тем, как меня подхватить по дороге в больницу, они за ними домой заехали. Тогда почему ничего не сказала?

– Она его хорошо знает?

– Мы на прошлых выходных познакомились с ними в клубе.

– И у них уже настолько близкие отношения?

– Не знаю, насколько близкие, но у нее любовь с первого взгляда. Мы встречались с ними несколько раз среди недели. Вчера Богдан нас к себе на вечеринку пригласил.

– На которой тебя чуть не изнасиловали? – мгновенно сделал Ольховский верный вывод.

Я бросила на него быстрый взгляд, заметив, как пальцы с силой стиснули руль. Почему-то захотелось оправдаться, чтобы не считал меня безголовой.

– Ты не подумай, там все прилично было. Руководство благотворительного фонда присутствовало. Богдан – один из учредителей, насколько я поняла. У них филиалы по всему миру.

– Как фонд называется?

– «Во имя жизни». Так что никаких пьяных и танцующих полуголых девиц.

– Но при всем при этом...

– Кир, оставь. Не хочу об этом. Богдан вовремя вмешался. И если бы не это, мы бы не вернулись в город и Аделаида Стефановна могла бы не дожидаться помощи.

Завибрировавший в кармане телефон стал поводом прервать неприятную тему. Звонила Саша, как почувствовала, что о ней говорим. Сделав знак Кириллу, чтобы молчал, ответила.

– Привет, Крис, ты освободилась?

– Нет еще. Ты как? Списки украденного составила?

– Да. Не представляешь, как это тяжело. Богдана еще нет, а мне невыносимо дома оставаться. Тамара плачет, хоть на стенку лезь.

– Скажи, а документы на квартиру, дачу целы?

– Да, все на месте.

– А ключи?

– Какие ключи?

– От дома, дачи, гаража, – терпеливо объяснила ей. – Проверь, чтобы все связки на месте были.

– Ой, я даже не подумала! – спохватилась подруга. – Сейчас посмотрю.

Я терпеливо ждала, но червячок сомнений уже появился. Или Саша мне просто не говорит, или не знает, где Богдан.

– Да, все на месте.

– И от дачи?

– От дачи два комплекта лежит. А почему ты спрашиваешь?

– Сколько случаев бывает, что грабят квартиру, узнают адрес дачи и уже с ключами едут туда, пока хозяин квартиры убытки подсчитывает и ему не до того. Может, следует проверить, как там? – спросила я, стараясь выйти на интересующую тему. И мысленно молила: «Ну, скажи мне, что ты туда Богдана послала!»

– Крис, зачем? Ключи же на месте.

Ответ разочаровал, и, судя по тону, она не врала.

– А если слепки сделали?

– Зачем такие сложности? Могли просто ключи взять и уже раз двадцать ее ограбить. Да что там у нас брать?! Ты едешь уже, да? – Саша уловила шум дороги.

– Да. Ко второму ученику. А ты Богдану не звонила? Когда он приедет за тобой?

– Нет. Неудобно. Вдруг он занят?

Занят. И я даже знала чем. Получается, или Саша зачем-то разыгрывает спектакль, или действительно не в курсе передвижений своего

кавалера.

Распроставшись с ней, я посмотрела на Кирилла.

– Она его туда не посылала? – понял он.

– Нет.

– Похоже, что это они навели грабителей, – с уверенным видом выдал Кирилл.

– Не смейся! Ради чего? Богдан состоятельный, у Кристофа своя фирма по охране ВИП-персон. Они не были у Саши в гостях и не знают, что есть в доме ценного. Украли картины, драгоценности, но цены их не заоблачные. На даче особо ценного тоже ничего нет.

– Нападение произошло, когда вы были у них в гостях.

– Но они нас спокойно отпустили, когда мы захотели уехать. Мне кажется, что это просто совпадение.

– Что в книжке? Может, записки деда? Он же был дипломатом, кажется.

– Сейчас...

Я полезла за своей находкой, которую сунула под пояс джинсов, когда прыгала со второго этажа. Даже не было времени заглянуть, что же мы добыли.

Открыв потрепанную записную книжку в черном кожаном переплете, увидела записи на французском. Пролистав по диагонали текст, сделала вывод:

– Писала Аделаида Стефановна, узнаю почерк. Кажется, это ее дневник.

– Что за язык? – скосил взгляд Кирилл.

– Французский.

– Оставишь, я переведу.

– Кир, я прекрасно знаю его, – улынулась я.

– Тогда сейчас едем ко мне, изучим записи.

– Хорошо!

Стало приятно, что он не бросает меня и не собирается отстраняться от всей этой истории. Я бы с ума сошла одна. Родителей нет, с Сашей не поделишься, а Кир показал себя надежным и здравомыслящим партнером.

В машине читать было невозможно, еще немного полистав, я закрыла дневник.

– Если они ни при чем, тогда что делали на даче? – вернулся к прежней теме Кирилл.

– Может, тоже подумали о том, что дачу могут обворовать? – предположила я. – Богдан за Сашку переживает. Помог нам. Адвоката

прислал вчера. Если бы не он, так мы бы еще в участке показания давали до утра.

– Не стоит им доверять, пока все не прояснится.

– Кир, я только тебе рассказала.

Кажется, мои слова и доверие польстили бывшему другу.

– Серебрянская, неужели ты научилась своей головой думать?

– А раньше не думала?

Вопрос так и повис в воздухе. Я немного обиделась. В голову полезли мысли: к чему он это вообще сказал?! Неужели знает, что я его тогда с Сашей обсуждала? Но откуда?! Так он из-за этого больше ни разу не позвонил?

Множество вопросов и ни одного ответа. Но спрашивать я не решилась. Новые отношения были хрупки, и я боялась их разрушить, вспоминая о прошлом.

– Подумай вот о чем: откуда у ваших знакомых адрес дачи и ключи? Насколько я понял, все комплекты ключей на месте. Если Лебедева тебе не врет, тогда они открывали отмычками.

– Квартиру Аделаиды Стефановны открыли отмычкой, – задумчиво произнесла я, а потом затрясла головой: – Нет! Бред. В этот день мы были у них в гостях.

Так до чего угодно додуматься можно!

– Это еще ни о чем не говорит, – возразил Кирилл. – Все равно, на мой взгляд, этот Богдан проявляет чрезмерное участие, и их появление на даче очень подозрительно.

– Уверена, что этому есть разумное объяснение, – упрямо сказала я. Подозревать Богдана категорически не хотелось. – Я же не подозреваю тебя в грабежах только за то, что у тебя хорошее самообладание и вел ты себя как взломщик со стажем.

– Серебрянская! – возмущенно рявкнул Кирилл, и я втянула голову в плечи. – Вот так и помогай людям.

– Я же тебя ни в чем не обвиняю, – заикнулась я и нарвалась на испепеляющий взгляд. Постаралась загладить оплошность: – Потому что знаю, ты – хороший, порядочный человек.

И моя рука как-то сама легла ему на бедро.

Машина резко вильнула.

– Кир!!! – завизжала я.

– Серебрянская, это что сейчас было?!

– Ничего, – заверила я и даже отодвинулась. Кто ж знал, что он такой нервный.

– Если хочешь меня потрогать, делай это, когда я не за рулем.
– Ольховский, твое счастье, что ты за рулем! – сообщила сквозь зубы. Самоуверенность некоторых просто зашкаливало, и я боролась с желанием дать тумака.

– Я это уже понял. Днем ты была менее сдержанна, – нагло намекнул Кир. – Меня еще никогда так с порога не раздевали.

– Ольховский!!! – вот теперь уже я угрожающе зарычала, а этот засранец лишь удовлетворенно посмеивался.

– Не горячись, если будешь себя хорошо вести – разрешу сделать мне массаж.

Как назло, я вспомнила, насколько шикарно Кирюха выглядит со спины. Мысль дотронуться до него, размять пальцами мышцы показалась очень соблазнительной. Это меня еще больше взбесило.

– Идиот! Еще одно слово, и я выйду.

– Боишься не сдержаться? – с сочувствием произнес он.

– О-о-очень! Руки так и чешутся... – Я дождалась, когда он посмотрит на меня, и резко закончила: – Уши надрать!

– Так ты об меня сегодня руки чесала?

– Кир, не доводи до греха!

– Кристина, по-моему, ты чересчур возбуждена.

– Ольховский, включи лучше музыку, или я за себя не ручаюсь.

Посмеиваясь, он выполнил мою просьбу и включил радио. Салон наполнили звуки музыки – «Звезды шоу» певицы Alyosha.

Не хочу скрывать любовь свою к тебе,
Я не хочу молчать, отказывать судьбе.
Мне все равно, что там пишут о нас,
Я хочу целовать тебя как в первый раз.

Припев:

А я хочу прикоснуться губами,
Чтоб исчезла земля под ногами.
Репортеры пусть это фиксируют
И во всех новостях афишируют.
А я хочу прикоснуться руками
И взорвать ожиданий вулканы.
Операторы, не пропустите,
Все, что нужно для шоу, снимите!

– Кир, вы-ы-ключи-и-и! – в голос застонала я, давясь от смеха. Что-то нервы уже не выдерживали, и это стало последней каплей.

– Нет уж, я послушаю. Замечательная композиция!

– Кир-р-р!

– Ух, как грозно, – зубоскалил он.

Я потянулась сама переключить, но Кирилл отводил мою руку, пресекая попытки. Еще, гад, начал вслух подпевать и в строчках: «Я хочу дарить любовь свою тебе, я могу забыть, что я сейчас на сцене» – нагло переиначил последнюю:

– Я могу забыть, что я сейчас в машине...

– Ну, держись!

Мое терпение лопнуло, и, оставив в покое радио, стала щекотать поганца и награждать тычками по корпусу.

Не самое умное решение во время движения, но, несмотря на отвлекающий фактор и попытки отбиться от меня, машина шла ровно. А еще стала увеличивать скорость.

– Ты сумасшедший! – Я откинулась на спинку сиденья, когда взгляд на спидометр воззвал к чувству самосохранения.

– И это говорит та, которая на скорости отвлекает водителя? – насмешливо отозвался Кирилл.

– Ты камикадзе!

– Признайся, что ты от меня без ума, – самоуверенно потребовал он.

– Смотри за дорогой, а то врежемся и точно будем без мозгов, – фыркнула в ответ.

* * *

Поговорив с подругой, Александра повертела в руках телефон. Она надеялась, что Крис сможет вырваться пораньше и побудет с ней. Ведь знает, как ей тяжело. Могла бы и отменить свои уроки, когда тут такое случилось! Но эту предательскую мысль Сашка отогнала, прекрасно понимая, что репетиторством подруга зарабатывает на жизнь.

У самой Алекс преподавательского таланта не было, и она училась ради диплома, чтобы потом выйти из-под опеки бабушки и уехать к родителям. И вот бабушка в больнице, дом ограблен, а у нее самой такое чувство, как будто вся жизнь рушится. Еще и врачи толком ничего не говорят, все, что остается, – это ждать.

Бабушка была стержнем семьи. Сильной, негибаемой, властной.

Саша даже мысли не допускала, что с ней может что-то случиться, и теперь ощущала себя беспомощной. Родной дом опустел. Находиться в квартире стало неудобно, несмотря на то, что все убрали и навели чистоту, Хлюпающая носом Тамара лишь нагнетала обстановку, хотя и ее понять можно. Она много лет работает у них и уже давно стала членом семьи.

Александра боролась с желанием позвонить Богдану. Не хотела быть навязчивой. И так испытывала к нему благодарность за все, что он для нее делал. Пришлось придумывать себе разные дела и терпеливо ждать, когда он освободится. Скорее бы уже родители приехали! Она и ждала их, и в то же время понимала, что с их приездом не сможет уже оставаться у Богдана. Отношения у них неопределенные. Как надолго новый знакомый задержится здесь?! Неизвестно. Хоть он и ухаживал за ней, но в то же время мог в любой момент исчезнуть, а Саша не хотела его терять.

Впервые встретила мужчину своей мечты и собиралась за него бороться. Сегодня был самый удобный момент, чтобы их отношения перешли на новый уровень. Она хотела стать его девушкой, а не просто знакомой. Проходя мимо зеркала и бросив на себя случайный взгляд, замерла. Лицо бледное, в глазах беспокойство, волосы в беспорядке... Нет, так дело не пойдет! Вряд ли Богдана привлечет это пугало. Следовало использовать время с толком и заняться собой...

– Мне завтра приходит как обычно? – спросила Тамара.

– Да, – Александра утвердительно кивнула в ответ. Она отпустила домработницу пораньше, как только приехал Богдан, и из подъезда они вышли вместе.

– Твой знакомый? – не сдержала любопытства женщина, оценив представительного кавалера. – Ты его хорошо знаешь?

После случившегося все новые люди ей казались подозрительными. А ведь перед ограблением к Лебедевым приходили для проверки утечки газа, но Тамара не пустила в квартиру. Звонок в управляющую компанию лишь подтвердил, что в их дом никого не посылали.

– Да. Он и бабушке очень помог. Оплатил все счета. Не знаю, что бы я без него делала. Такая растерянная была.

– Он ее знал?

– Нет, я не успела их познакомить. Тамара, я пойду.

– Александра, не оставайся дома одна. Если хочешь, можешь у меня сегодня переночевать.

– Спасибо, но мне есть где, – тепло улыбнулась Саша и попрощалась, направившись к ожидавшему авто.

Было приятно, что Богдан вышел из машины, как только увидел ее, и

предупредительно открыл дверь.

– Привет! Извини, что доставила хлопот. – Алекс потянулась к нему, поцеловав в щеку и обдав легким ароматом духов.

– Что ты такое говоришь! – галантно возмутился Богдан, забирая у нее сумку с вещами.

На передней панели перед пассажирским сиденьем валялись кожаные перчатки. Явно женские.

– Кстати, это не ты перчатки забыла? – спросил Богдан, усаживаясь. И, видя, как с неприязнью посмотрела на них Саша, предположил: – Мне сегодня секретарша документы передавала, партнеров подвозил. Могли и они...

Александра уже более внимательно присмотрелась к перчаткам и облегченно выдохнула:

– Это Кристины!

– Ты уверена? – удивился Богдан.

– Да. Это точно ее. Мы их вместе покупали. Давай я передам.

Но Богдан быстро убрал перчатки в бардачок.

– Если ты не против, я Кристофу отдам. Он ищет повод с ней встретиться. Хочет извиниться и поговорить. Кстати, ты не знаешь, где она?

– Занятия с учеником. Наверное, еще не закончила, иначе бы позвонила.

– Она вечером будет дома? – как бы невзначай поинтересовался Богдан, заводя машину и выезжая.

– Наверное. Куда еще ей идти?

К удивлению Саши, они уехали недалеко, остановившись возле подъезда Кристины.

– Посидишь? Кристоф ждет ее на лестнице, я предупрежу его, что Кристины не будет до вечера.

– Богдан!

– Что? – оглянулся он, уже выходя.

– Перчатки забыл. Ты же хотел отдать их Кристофу.

– Действительно, – улыбнулся Богдан, доставая перчатки. – Спасибо. Я быстро.

* * *

Перчатки буквально жгли руки, как подозрения – душу. Неужели

девочка вступила в игру?! Зачем она ездила на дачу? Возможно, старушка успела ей все же что-то сказать. Или сообщила, где искать вещь.

Богдан готов был поставить что угодно на кон, что никаких учеников сегодня у Кристины не было. Тогда кто ей звонил? С кем она встречалась? Девушка ему нравилась, и не хотелось, чтобы она попала под влияние скверны. Если успеет натворить бед, тогда им придется разговаривать совсем по-другому.

Выйдя из лифта, Ковальский хотел уже набрать номер Кристофа, не увидев его, но друг сам спустился с верхнего этажа.

– А ты что здесь делаешь?

– Перчатки оставила Кристина. Дождись ее и узнай, зачем она ездила на дачу.

– Интересно, с кем она была? – плохо скрывая ревность, произнес Морено. – Помнишь, у забора мы нашли следы двоих.

– Можно вычислить по телефону. Кристине звонили, когда я подвез наших девушек к дому из больницы, и она спешила на встречу.

– Установить слежку?

– Нет. Не стоит привлекать к ней внимание, пока мы не узнали, кто играет против нас. И телефон проверь по своим каналам. Уверен, Кристина что-то скрывает, и нужно заставить ее сотрудничать с нами.

– Пожалуй, я дождусь ее внутри, заодно и осмотрю квартиру. Скажу, что было открыто, – Кристоф подмигнул.

– Хорошо. Только не забывай, что она должна тебе доверять, а не бояться. Ты и так все испортил, а запугивание – это на крайний случай.

– Не учи ученого. Тебя твоя принцесса не заждалась?

Богдан поморщился от этого сравнения, привыкнув с Ханом так называть свою сестру, и коротко попрощался.

– Из больницы не звонили? – сев в машину, спросил у Алекс, заметив, что та крутит в руках сотовый.

– Нет. Хотела с Крис поговорить, но она не берет. Наверное, занята.

– Вы с ней днем больше не общались?

– Разговаривали, когда она ко второму ученику ехала. Просила меня проверить ключи от дачи и документы на квартиру.

– А зачем ей ключи от дачи?

– Не сами ключи. Просто предположила, что грабители могли взять их, чтобы и дачу ограбить.

– Она была у тебя на даче? – безразличным тоном поинтересовался Ковальский, размышляя о том, что Кристина могла просто приехать туда, проверить, все ли в порядке. Об этом варианте ни он, ни Морено не

подумали.

Следы у забора были свежие. И если Крис видела, как они с Кристофом заходят в дачный дом, то вопрос о ключах обретает смысл. Иначе о чем беспокоиться, ведь напавшие на старушку проникли в квартиру с помощью отмычки.

Неприятный вариант, но не критичный. Можно тоже объяснить свой визит беспокойством.

– Мы каждое лето с ней туда ездим, – по-своему поняла вопрос Саша.

– Алекс, можно тебя попросить? Не нужно говорить Кристине о Кристофе. Ты же о нем хотела ее предупредить? Пусть поговорят. Ничего плохого он твоей подруге не сделает.

На лице девушки возникло смущение. И с трудом скрываемое упрямство.

– Обещаю, – мягко добавил Богдан, и Алекс сдалась, убрав телефон.

Глава 10

Всю дорогу Богдан пребывал в задумчивом настроении, и Александра не лезла к нему с разговорами. Было приятно просто находиться в его обществе. С этим мужчиной она чувствовала себя защищенной, как ни с кем другим. И когда они приехали и Богдан донес Сашины вещи до комнаты, где она останавливалась в прошлый раз, не дала ему уйти.

Шагнула ближе, обняла, прижавшись к груди:

– Богдан, спасибо, что ты рядом.

Она не стала благодарить за то, что он сделал для нее. Ведь был не обязан, знакомы совсем недавно. Не хотела, чтобы он считал ее порыв благодарностью. Запрокинув голову и взглянув в светло-серые глаза, сама потянулась за поцелуем.

К сожалению, он получился коротким, и Саша чуть не застонала вслух от разочарования. Богдан обнял ее в ответ, но сразу отстранился:

– Алекс, ты не обязана.

– Я знаю. Ты не Кристоф и набрасываться не будешь. Я сама этого хочу. Мне это нужно.

Чуть не сказала «пожалуйста», но вовремя прикусила язык. Не хотела просить, но действительно нуждалась в том, чтобы ее поцеловали, обняли. Не хотела сегодня спать одна и сходить с ума от лезущих в голову мыслей и беспокойства за бабушку.

– Ты сейчас так уязвима. – Богдан нежно погладил ее по щеке. – Я не хочу пользоваться твоей слабостью...

– Богдан... – потянулась к нему Алекс, еще больше очарованная проявленной сдержанностью, и мужчина сдался.

Прикосновение мягких, горячих губ было осторожным, но Сашу как будто молнией пронзило. Она сама проявила настойчивость, углубляя поцелуй, и от ответа ослабли колени. Обняв Богдана за шею, чтобы не упасть, забыла обо всем, растворяясь в его ласке, силе и нежности.

* * *

Искренний порыв чем-то подкупил Ковальского. Он понимал, что сейчас Алекс осталась одна, на нее свалилось много тревог и неприятностей, но непритворная доверчивость пробила брешь в его

цинизме. Наверное, потому, что эта девушка еще не успела превратиться в охотницу за богатым спонсором.

Сделав несколько шагов, опустился вместе с Алекс в кресло, усадив ее к себе на колени, и... засмотрелся. С сияющими глазами, чуть припухшими после поцелуев губами – очаровательна...

У него было множество опытных любовниц, но Алекс удалось то, что не получилось у других, – вызвать симпатию. Богдан действительно не хотел ее обижать или играть чувствами. Собирался проверить старушку, если требуется, забрать платок и исчезнуть из жизни Александры. Судя по собранным материалам, ее бабушка вела жизнь тихую, ради корысти вещь не использовала. В прошлом у Аделаиды Стефановны были громкие романы, в свое время карьера покойного мужа шла вверх, но без особых взлетов. Как Палач и Судья Ордена, Ковальский мог сам решать судьбу владелицы вещи и закрыть глаза на некоторые моменты за давностью лет. Внучка со скверной не контактировала и была чиста.

– Я хотел приготовить нам ужин, – пропуская темные локоны между пальцев, произнес Богдан.

– Не хочу никуда тебя отпускать. Даже на кухню. – Саша прижалась к нему, и было ясно – так бы и сидела, даже не шевелясь. Но вдруг обеспокоенно отстранилась. – Ты голоден?

Богдан усмехнулся. Она точно имела в виду еду, и от заботы стало приятно.

– Прости, а я на тебя с поцелуями набросилась. Хочешь, я приготовлю? Меня Тамара научила особому рецепту приготовления мяса – пальчики оближешь.

– Не надо, ты у меня в гостях, и кормлю тебя я, – удержал ее Богдан и поцеловал.

Телефон зазвонил совсем некстати. Кто-то настойчиво желал поговорить. Не глядя, Ковальский достал сотовый и поднес к уху.

– Ну привет. Как ты там? Ничего не мучает?

Несколько зловещий голос друга разрушил идиллию.

– Хан, ты немного не вовремя, – устало ответил Богдан, догадываясь, о чем пойдет речь.

– Да-а-а? – мягко переспросил Зегерс. – Тебе сказать, кто сегодня утром прибыл немного не вовремя? И ладно, я спал один!

– Как будто ты бы ее удивил. Какие проблемы? Ты не рад? Тебе даже не пришлось в аэропорт ехать.

– Я всегда рад твоей сестре. Но у меня небольшие осложнения. Подозреваемая – пустышка, зато, кажется, в городе завелась Хищница. И

вертится вокруг семьи Дрейк. Помнишь Елену Дрейк, на которую ты пускал слюни в пубертатном возрасте?

Богдан поморщился, не желая говорить о делах при Алекс. Отстранившись, помог ей встать и поднялся следом.

– Извини, важный разговор. – Взглядом дал понять, что разговор важный и ему нужно выйти. – Располагайся пока.

– Кто там располагается? Опять кого-то подцепил?

– И это говоришь мне ты?! – иронично отозвался Богдан, выходя из комнаты и плотно прикрывая за собой дверь.

Хан закашлялся и уже более спокойным тоном проговорил:

– Тут возникла девушка... Ева. Мне надо подобраться к ней поближе. А с Ирен это может быть затруднительно. Черт!

– Ты профессионал, я в тебя верю. За сестру отвечаешь головой.

Ковальский не собирался сочувствовать. Уединившись в кабинете, он подошел к окну, устремив взгляд на сосны и яркую луну на небе.

– Отвечу, без проблем. Но почему ты отправил Ирен ко мне? Помнится, она хотела побывать в России.

– Я сейчас сам веду дело. Объект в моих услугах уже не нуждался, но появились новые обстоятельства. Или кто-то подставляет Савицкого, или в игру вступила Хищница, которая нацелилась на новый объект.

– Где ты откопал второй объект? – удивился Хан, будучи немного в курсе задания Богдана.

– Не поверишь – в клубе! Случайно всплыли в разговоре интересные подробности. Похоже на платок.

Хан выдал короткий смешок:

– То есть ты нашел, а Савицкий проморгал? Платок... у меня тоже вроде платок. Их в последнее время многовато.

– Да, настораживает. Я сам веду дело. Не уверен, что первому объекту не помогли, и вокруг второго сейчас бурная активность. Уже есть жертвы.

– Будь осторожен, – попросил Зегерс, потом добавил: – Ирен я постараюсь отправить домой на неделе. Боюсь, тут может стать жарко. Она принцесса Хаоса, еще вляпается куда-нибудь. С ее-то талантами.

– Проследи, чтобы полетела именно домой. Понимаю твое возмущение. Но у меня уже здесь жарко. Не хочу подставлять сестру.

– У нее охрана от отца. Ну сам подумай, кто может от них ускользнуть, – тут Хан поперхнулся и замолчал.

– Я рад, что ты вспомнил, о ком мы говорим, – усмехнулся Ковальский. Прodelки сестры уже стали притчей.

Хан рассмеялся.

– Да. Не волнуйся, все будет в порядке. Я устрою ей пару экскурсий и отправлю на самолете домой.

– Женись на ней, – хохотнул Богдан, – и сможешь тогда приказать сидеть дома и вышивать.

– Мгм... – друг издал неопределенный звук.

Богдан уже хотел уточнить, не является ли это согласием, как Хан не выдержал и выругался. Опять на латыни. На что Богдан отреагировал хохотом и первым разорвал связь. Да, сестренка встряхнет его!

Разговор взбодрил и отвлек. Немного постояв у окна с улыбкой на губах, он вышел из кабинета. Миновав комнату Алекс, спустился вниз, на кухню, и застыл у входа, прислонившись к стене. Думал, что она у себя, а девушка уже что-то нарезала, напевая себе под нос, и складывала в сковороду. Было непривычно наблюдать, как кто-то хозяйничает на его кухне. Богдан любил одиночество, а однодневные пассии никогда не задерживались надолго и не обременяли себя готовкой.

Алекс смотрелась на кухне органично и чувствовала себя уверенно. Он усмехнулся, вспомнив о том, как на Западе ценятся русские жены. Красавицы, хорошо готовят, женственные и не думают ни о какой эмансипации. Сейчас он видел перед собой подтверждение этому. Алекс прекрасно воспитана, красивая, страстная.

Отец давно требовал, чтобы Богдан женился. Даже решил взять это дело в свои руки, найдя подходящую невесту, договорившись без него и поставив перед фактом. Никогда еще Богдан не был в такой ярости, но не подал виду. Всего-то и требовалось, что поговорить с будущим тестем, дав прочитать собранный на него компромат. Желание породниться у того сразу пропало, быстро спихнул дочь за другого. Когда аналогичная история случилась с третьей тщательно отобранной невестой, до старшего Ковальского дошло, что дело нечисто. Он был в бешенстве, но пришлось смириться с тем, что сын вырос и управлять своей жизнью предпочитает сам.

Сейчас, наблюдая за хлопочущей на кухне Алекс, Богдан представил себе лицо отца при виде такой снохи. Тот был бы в ярости.

Девушка, нырнув за чем-то в холодильник, случайно заметила хозяина дома и улыбнулась.

– Освободился? Я подумала, что дела отвлекли тебя надолго, и решила накормить нас ужином. Ты не против?

– Чувствую, ты меня все же угостишь своим фирменным мясом, – сказал Богдан, чуть растягивая слова, и зашел на кухню.

– Можешь отыгаться, угостив меня своим фирменным салатом, –

парировала Алекс.

– Кажется, ты мне просто не оставила выбора.

Ковальский знал, что по его лицу нельзя прочесть, нравится ему это или нет. Да он и сам пока не определился. Тень неуверенности появилась в глазах Алекс.

– Я просто захотела сделать что-то для тебя.

Богдан внутренне усмехнулся. Обычно женщины предпочитали делать это в постели. С непроницаемым видом подойдя к своей гостье вплотную, чем вызвал смятение, улыбнулся:

– Тогда я отвечу тем же.

Было искушение подхватить девушку и, усадив на стол, перейти сразу к десерту, но он взял нож и занялся салатом.

Как женатая пара со стажем, они вместе приготовили ужин и накрыли на стол. Несмотря на расслабляющую атмосферу, о деле Ковальский не забывал. Незаметно расспрашивал Алекс о бабушке и Кристине. Его заинтересовало, что старушка благоволила к подруге внучки.

– Помнишь, ты упоминала, что у твоей бабушки есть любимый шейный платок. Может, стоит принести его в больницу? Часто присутствие рядом любимых вещей благотворно влияет, – закинул удочку Богдан. Ему уже доложили, что искомого платка в доме не найдено. Оставалась надежда, что Алекс что-то известно.

– Мы перебрали с Тамарой все вещи и его не видели. Да хоть бы украли эту тряпку! Бабушка прятала его от меня. Боялась, что я сама его порву или выброшу, – откровенно призналась Алекс. – Жаль только, что браслет бабушкин тоже пропал. Она его любила.

– Какой браслет? – заинтересовался Богдан.

– Из эбенового дерева. Он украшен розовыми топазами, и концы позолочены, но не думаю, что браслет дорогой. Даже не знаю, почему на него позарились. Он давно у бабушки. А в последнее время она его часто надевала. У нее даже приступы астмы легче проходили, когда браслет был на ней.

Последний факт особенно заинтересовал Богдана. Он даже попросил показать этот браслет, и Алекс нашла у себя в телефоне фото бабушки. Увеличив снимок, Ковальский задумчиво рассматривал украшение. В его практике был случай, когда одержимая прятала платок в курительной трубке, коллекция которых висела на стене. Браслет достаточно широк, платок шелковый и много места не занимает. При желании...

Возникло странное чувство, что он что-то упускает или забыл важное.

– Я так боюсь за нее, – неожиданно всхлипнула Алекс. При виде

фотографии здоровой бабушки вспомнилось, как она выглядела на больничной койке.

Богдан отвлекся, отложив анализ ощущений.

– Не переживай. Она обязательно поправится, – сказал успокаивающе.

Незачем Алекс знать, что говорил лечащий врач. Возраст, пережитый стресс, большая потеря крови – и обнадежить нечем. К тому же Ковальский знал, какое привыкание оказывает скверна на женщин. Потеря предмета для владелицы несет негативные последствия. Вещь настолько привязывает к себе хозяйку, что расставание отражается на здоровье.

– Давай я заварю тебе чай, – предложил Богдан, поднимаясь из-за стола.

– А я уберу, – сказала Алекс, тоже вставая.

– Оставь. Отдыхай.

– Мне нужно отвлечься.

Она выглядела немного потерянной и была настолько трогательна в попытке вернуть самообладание, что Богдан подошел к ней и обнял. Алекс тут же прижалась, положив голову на плечо.

– Знаешь, не могу отделаться от чувства, что я ее бросила и во всем случившемся есть часть моей вины. Вдруг, если бы я осталась дома, на нее бы не напали...

Если уж искать виновного, то это он. Не привлеки внимания к ним – и семья Лебедевых жила бы спокойно. Пока нет никаких весомых доказательств того, что Аделаида Стефановна одержима. Все многочисленные улики косвенные.

Конечно, ничего подобного Ковальский не сказал.

– Глупости! – убежденно опроверг слова Алекс. – Уверен, твоя бабушка только рада, что тебя не было и ты не пострадала.

Богдан знал, о чем говорил. Сколько раз он сам использовал членов семьи, шантажируя ими, вынуждая одержимых отдать вещь. Иногда приходилось угрозы подкреплять увечьями, чтобы сломить сопротивление. Что поделать, пусть лучше пострадают дорогие одержимым люди, чем невинные.

В памяти всплыла рыжеволосая зеленоглазая девушка, чьи красота и невинный вид когда-то затуманили ему голову. Из-за нее пострадали несколько человек, чудом избежал опасности Хан, и не останови они тогда одержимую, она бы продолжила творить зло.

Прогоняя воспоминания, он погладил Алекс по голове, а потом потянул за волосы, заставляя взглянуть на себя, и поцеловал. Она с готовностью ответила, обнимая и теснее прижимаясь к нему. На этот раз

Богдан не стал отстраняться. Пусть он не планировал соблазнение, но отзывчивость девушки его завела.

* * *

Александра сразу ощутила изменения. Поцелуй стал властным, требовательным. Запрокинув ей голову, Богдан выводил губами узоры на шее, прикусывая кожу. Сердце радостно забило в предвкушении. Наконец-то удалось прорваться сквозь его сдержанность!

– Я хотел сделать чай, – проговорил Богдан так, словно напоминал это себе.

– Ты хочешь чай? – провокационно спросила Саша и тут же застонала, так как кавалер в наказание укусил, оставляя на коже след, и лизнул место укуса.

– Сними, – отстранился Богдан. Его взгляд потемнел, выдавая желание, а руки вынырнули из-под рубашки, лишая спину тепла.

Александр на миг стало грустно от понимания того, что он не захотел ее сам раздеть. Сколько женщин с готовностью исполняли этот приказ, сказанный негромко, но настолько властно, что до дрожи в коленях хотелось подчиниться?

Не желая легко сдаваться, сделала вид, что не так поняла, и, глядя в глаза, взялась за пуговицы его рубашки. Богдан перехватил руки, сжав запястья.

– Разденься.

Будь это кто-то другой, она бы вспылила. Ничего себе самоуверенность! Так просто? Он захотел. Давай раздевайся, пока не передумал? Но желание, что уже горело в крови, не давало уйти, хлопнув дверью. Саша отступила, не прерывая зрительного контакта. Потом сделала еще один шаг назад и еще. Она хотела Богдана, но на своих условиях и не в столовой.

Расстегнула свою верхнюю пуговицу, и Богдан плавно шагнул вперед, недовольный ее побегом. Она отступила, расстегнув еще одну пуговицу и не давая ему сократить расстояние. Внутри крепла уверенность, что затеяла опасную игру, но отступать не собиралась. Нервы щекотало ощущение, что к ней подкрадывается хищник. Слишком плавно двигался Богдан, и в его глазах появился опасный блеск. Тем не менее Саша пятилась, покачивая бедрами и медленно обнажаясь. Маня за собой.

Они вышли в холл и стали подниматься по лестнице. Избавившись от

рубашки, Алекс швырнула ее в мужчину. Он перехватил у самого лица и сжал в руке. По сузившимся глазам поняла, что дразнит зверя. Куда только подевался европейский бизнесмен? Сейчас она кожей чувствовала исходящую от него опасность, которую подогревало понимание того, что они одни в этом большом доме.

Замерев на ступеньке, потянула вниз молнию юбки. Собираясь в гости, специально подобрала одежду так, чтобы и сегодня выглядеть красиво, но не вычурно, и завтра в институт можно было в этом пойти.

Богдан тоже остановился, проследив взглядом, как ткань скользит по телу, обнажая бедра, и падает к ногам.

Александра перешагнула, поднимаясь выше. Она осталась в чулках и красивом черном белье. Снимать что-то еще не планировала. Высокий каблук попал на край ступеньки, и она пошатнулась, схватившись рукой за перила. Атмосфера тут же изменилась. Никогда еще не чувствовала себя ланью, которую загоняют. Создалось впечатление, что упади она – и подняться не дадут, взяв тут же, на ступеньках. Уж слишком голодным стал взгляд Богдана. Невероятно долгий миг они смотрели глаза в глаза. А потом Саша развернулась и побежала по лестнице.

Он настиг ее на самом верху. Крутанув, прижал животом к перилам, заставляя чуть согнуться и посмотреть вниз со второго этажа. Алекс схватилась за ограждение, чтобы не упасть. Мужское тело сзади не оставило свободного места, и она только сильнее вжималась в него, отвоевывая себе пространство.

– Ты еще не все сняла, – ее ухо обожгло горячее дыхание.

Богдан расстегнул застежку на спине, и грудь получила свободу. Бретельки лифчика оказались растянуты между руками. Саша отцепилась от перил, и ее белье полетело вниз на мраморный пол. Заведя руки за голову, она обняла за шею Богдана, прогнувшись в спине и демонстрируя бюст, по праву гордясь полным третьим размером.

Вопреки ожиданиям, его пальцы не накрыли грудь – хотя она чувствовала, как скользит изучающий взгляд по коже, – а сжались на животе, надавливая и поглаживая. От разочарования хотелось застонать. Казалось, что не прикоснись он к груди – и мир взорвется. Богдан же поддел пальцами трусики и потянул их вниз.

– Расставь ноги.

Она подчинилась властному приказу прежде, чем осознала.

– Они не должны упасть.

– Иначе что? – срывающимся голосом выдохнула Алекс. Она оказалась стреножена. Материя натянулась чуть выше колен, и от этого она

чувствовала себя еще более голой, чем если бы была полностью обнажена.

– Я буду разочарован, – чуть растягивая слова и поглаживая ей живот, произнес Богдан. Его акцент усилился, что еще сильнее возбуждало. – Ты же не хочешь меня разочаровать?

Сволочь! Знал, что не хочет, и играл. Несмотря на осознание этого, Саша понимала: теперь ни за что не позволит чертову клочку ткани упасть. Вспыхнувшая злость лишь усилила желание. Ведь толком еще не ласкал, но она уже была готова кричать от тихих слов и от того, как он рисует пальцами круги вокруг пупка. Грудь налилась, требуя прикосновений и заставляя гореть на медленном огне.

С ней никогда такого не случалось. Она соблазняла, любила играть, сводя с ума, но сама еще не была по ту сторону баррикады и ни разу не ощущала зависимости от другого человека. Понимала, что он намеренно играет, распаляя ее, – и одновременно хотела стать его женщиной, принадлежать ему. Чувствовала, что такого мужчины, именно мужчины с большой буквы «М», может больше и не встретить.

Не было сил оттолкнуть, прекратить творимое Богданом безобразие. Не так она хотела, совсем не так, но он не давал приблизиться и даже любовью предпочитал заниматься, удерживая на расстоянии.

В подтверждение сделанным выводам, Богдан пресек ее попытку повернуться и перегнул через перила, заставив спешно схватиться за них для равновесия.

Алекс протестующе пискнула и тут же застонала, когда мужская рука властно накрыла там, где было уже влажно.

– Не хочешь? – в вопросе звучала преувеличенная забота, больше похожая на насмешку. – Отпустить?

И он начал медленно убирать руку.

– Нет! – презирая себя, воскликнула Саша. Слишком сильно она его хотела, чтобы остановиться сейчас.

– Тогда замри! – опять приказ.

Ладонь он все же убрал и немного отстранился, но это было продолжение игры. Она услышала звук расстегиваемой молнии и шелест фольги. Коктейль противоречивых эмоций захлестнул Алекс. Предвкушение боролось с горечью от того, как именно все это происходит. Она сходила с ума от его близости, желания, а вот он ни на миг не отпускал контроль.

– Богдан... – И осеклась, так как одним движением он оказался в ней. На какой-то миг забыла все, что собиралась сказать. И все же хотела большего, чем просто секс. – Мне этого мало!

– Мало? – удивился он, и несколько резких движений выбили все дыхание. Его стало много. Слишком много. Ноги дрожали от напряжения, удовольствие граничило с болью, а он еще схватил за волосы и накрутил на кулак, заставляя прогнуться в спине.

– Мало! – вопреки всему крикнула хрипло и зло. Эхо слов разнеслось по дому.

– Чего ты хочешь? – наклонился к ней Богдан.

– Тебя.

Он замер, заставив и ее оставаться натянутой, как струна, не только в прямом, но и в переносном смысле. Наплевав на гордость, призналась откровенно, понимая, что второго раза может и не быть:

– Хочу касаться тебя, целовать. Хочу принадлежать тебе. Хочу иметь возможность ласкать.

– Тебе не кажется, что ты слишком многого хочешь? – напряженно и с угрозой поинтересовался Богдан. Он находился в ней, но не шевелился.

– Я хочу тебя, – выделила последнее слово. Пусть сам решает – это много или мало, но не надо трахать, удерживая на расстоянии. Она хотела близости, а не одноразового секса.

* * *

Несмотря на раздражение, Богдан восхитился. Нет, правда, восхитился ею. Эта девочка осмелилась в открытую что-то требовать. На такое не решались более опытные женщины – лишь надеялись, что он изменит свое отношение к ним, со временем. Он же пользовался ими, но никогда не подпускал близко ни в физическом, ни в эмоциональном плане.

Богдан оказался в непростой ситуации, сам загнав себя в ловушку. Откажи ей сейчас, заставь играть на своих условиях – и она может обидеться. Иногда женщине легче дать, что она хочет, чем обидеть и потом просить прощения. Алекс не стоило выпускать из виду, пока не выяснилось, кто стоит за ограблением.

Все еще раздумывая, освободил из захвата волосы и стал медленно отстраняться. До последнего ждал, что она дрогнет, но нет. Получив свободу, Алекс развернулась. Несмотря на затаенный в глазах страх, когда трусики упали на пол, с вызовом через них перешагнула.

– Стоило предупредить, что ты сторонница миссионерской позы.

Он просто не мог не уколоть ее. Все же не каждый день женщина безнаказанно заставляя его идти на уступки. Не дав возразить, подхватил

на руки.

– Если ты привержена традициям, переместимся в спальню.

– Богдан...

– Ты говорила, что хочешь целовать меня, – игнорируя ее смущение, сказал с намеком и направился в комнату. Не свою. К ней. Достаточно уступок на сегодня. – Предупреждаю заранее – я предпочитаю быть сверху.

Дальше было все, как хотела она, но от чего отвык он. И пусть Богдан брал ее в наказание жестко и яростно, Алекс отвечала поцелуями и объятиями, отдаваясь без остатка. На нее было невозможно долго сердиться. После, когда она, утомленная, пригласилась на его груди, Богдан вдруг понял, что последняя девушка, с которой он так лежал, была Лиля.

«Это нужно для пользы дела», – сказал себе. Ведь когда-то давно поклялся, что больше ни одна дочь Евы не проберется к нему в душу.

Звонок мобильного стал поводом отстраниться. Выпустив Алекс из объятий, дотянулся до брюк, что валялись на полу. Номер был незнаком.

– Слушаю.

– Вы просили позвонить, если что-то случится, – ответил приятный женский голос. – Лебедева Аделаида Стефановна скончалась, не приходя в сознание.

Богдан сообразил, что говорит медсестра из больницы.

– Благодарю за звонок, – сказал он и сбросил вызов. Их люди дежурят в больнице, и подробности он узнает позже. Взглянув на сонную Алекс, решил сообщить ей утром.

– Что-то важное?

– Завтра. Спи.

Вопреки первоначальному намерению уйти, когда она уснет, Богдан лег и притянул ее к себе.

Если платок существует и нападавшие его не нашли, Алекс может стать следующей жертвой. Нужно подумать, как быть дальше, а не успокаивать плачущую девушку. Ей ведь тоже должны позвонить и сообщить о смерти.

– Где твой телефон? – поинтересовался как бы невзначай.

– Внизу остался, – пробормотала Саша. – А что?

– Ничего. Спи.

Богдан вспомнил, что сотовый остался лежать на столе в столовой. Алекс показывала ему фотографию бабушки и ее браслет. Из спальни звонки они не услышат.

Когда закрыл глаза, в памяти всплыл один момент: когда случайно взял за руку Кристину, на ней тоже был браслет. Скорее всего, совпадение,

женщины любят побрякушки, но следует проверить.

Глава 11

На столе росла кучка разнообразных лотков из ресторанов с остатками еды, а я с трудом боролась с приступом смеха. Кирилл, предложив перекусить, совсем не рассчитывал, что есть будет нечего. После моей инспекции большая часть еды оказалась забракована из-за просрочки и была выброшена в мусор.

– Может, суши закажем? – предложил Кир, погружаясь в недра холодильника. – Или... хочешь суп с фрикадельками?

На столе возникла кастрюля.

– Твоя Белоснежка умеет готовить?! – изумилась я.

– Она – нет. Суп я готовил.

После такого заявления я с сомнением заглянула под крышку, но все выглядело на удивление аппетитно.

– Сам?!

– Мама имеет привычку неожиданно нагрянуть, и если не обнаруживает в холодильнике первого, почему-то делает вывод, что я голодаю.

– Так это реквизит или съедобно?

– Давай сюда, – потянулся за кастрюлей Кирилл.

– Буду суп! – решила я.

– Как, даже не спросишь, умею ли я готовить? – язвительно поинтересовался одноклассник.

– Сейчас и проверим. – Я встала, поставила кастрюлю на плиту и зажгла газ. – Салат есть из чего приготовить?

– Кристина, не нужно жертв. Можем заказать еду из ресторана.

– Знаешь, я на нее уже насмотрелась и что-то не хочу, – хмыкнула в ответ. – Нужно было ко мне идти. Мне перед отъездом мама столько наготовила, что одной и за неделю не съесть.

– Тебе лучше сегодня остаться у меня.

Я бросила на Кира удивленный взгляд. Мы собирались вместе изучить дневник, а вот о ночевке речи не было.

– Готов поспорить, что твой кавалер заявится проверить, приняла ли ты его букет. Конечно, если ты желаешь с ним встречаться... – прозвучало с неодобрением. – Только помни, что дома у тебя никого нет и защитить при необходимости будет некому.

В словах был резон, а букет у двери указывал на то, что Кристофу

известен мой адрес.

– Предлагаешь мне прятаться?!

– Не прятаться, а проявить осторожность.

– Кир, да мне даже переодеться не во что, а завтра в институт.

– Так и быть, поделюсь с тобой своей футболкой, а за конспектами утром домой зайдешь, – сказал как уже о решенном Кир и повернулся к холодильнику, доставая листья салата, огурец и помидоры.

Я тоже отвернулась. Взяв ложку, помешала суп, не зная, как быть. Встречаться и выяснять отношения с Кристофом не хотелось, но ночевать у Кирилла...

– Ты мне должна массаж, но ладно уж, сегодня не буду требовать долг, – великодушно произнес одноклассник, складывая овощи в мойку.

– Это когда же я успела тебе задолжать?! – возмутилась до глубины души наглостью некоторых.

– Мы когда прыгали, я себе плечо потянул. Тебя ловил, а ты не пушинка...

– Ольховский, у тебя несчастные случаи на кухне были? – угрожающе сузила глаза я, прерывая перечисления и вспоминая, есть ли у него в ящике скалка. А то дождется у меня.

– Вот не надо сверкать глазами! Мне полагается небольшая компенсация.

– Полагается? Если не перестанешь наглеть, обещаю, я тебя приложу и положу отдохнуть, – замахнулась на него ложкой.

– Уже боюсь! Дай лучше на соль попробовать. Кажется, я суп недосолил.

Перестав размахивать ложкой, все же у нас категории весовые разные, тут нужно что-то поувесистее брать, я сняла крышку и попробовала. Потом протянула ложку ему.

– Да нет, вроде бы нормально.

Кирилл придержал мою руку. При этом не отводил взгляд, пока пробовал. В глубине его глаз я увидела хитринку и ахнула:

– Манипулятор!

До меня дошло, что мною ловко управляют. Про массаж заговорил, чтобы я осталась и доказала, что ему ничего не должна, а потом ловко избежал моего возмущения, переключив внимание на суп.

– Ольховский, ты страшный человек!

– А мне все говорят, что я изменился к лучшему, – усмехнулся он, отпуская мою руку.

– Нагло врут!

– Может, ты ко мне просто слишком пристрастна и не хочешь видеть достоинств?

– Ты поэтому всех гостей полуголым встречаешь? – Я подпустила в голос ехидства. – Чтобы сразу все достоинства показать?

– Признайся, ты была настолько впечатлена, что рук оторвать от меня не могла.

– Оторвешь тут, когда ты их к себе прижимал, – хмыкнула я и потянулась за тарелками. Пока мы перебрасывались колкостями, суп закипел.

Странно, но эмоции улеглись. Я решила остаться на ночь у Кирилла. Не для того, чтобы что-то там доказать. Просто рядом с ним мне было комфортно, и возвращаться домой в пустую квартиру не хотелось.

Вполне мирно мы поужинали, и лишь когда убрали со стола, я взялась за дневник. Кир поставил воду на чай и доставал чашки, а я стала листать записи, читая уже более внимательно.

Это был личный дневник. Описывались события жизни, встречи, громкие новости. Видно, что писала молодая девушка. Очень интересно узнать, какой была Аделаида Стефановна в юности. Но, прочитав очередной абзац, я нахмурилась.

– Что там? – спросил Кирилл.

– Скажи, в каком году упал Тунгусский метеорит?

– В начале двадцатого века.

– А поточнее?

Телефон я так и оставила в кармане пальто и не могла проверить. Пришлось ждать, пока Кир на своем посмотрит.

– В июне 1908 года.

– Ки-и-ир, это не Аделаида Стефановна писала! Тут упоминается о падении метеорита в России. Понимаешь? Скорее всего, это дневник ее матери!

Я не помнила, как звали мать Аделаиды Стефановны, а в дневнике имени не было.

– Ты же говорила, что узнаешь почерк?

– Ну, у нас с отцом почерки тоже похожи.

– Серебрянская, какой почерк? Ты пишешь как курица лапой!

– Так у меня отец врач, – привычно ответила я.

Подколы по этому поводу между нами давние. У Кирилла был каллиграфический почерк, буковка к букве, а у меня тихий ужас. Если спешила, то мои каракули мог разобрать только отец.

Я продолжила листать дневник дальше. Передо мной появилась

кружка с чаем, но я лишь сменила положение, забравшись для удобства на стул с ногами, не отрываясь от текста.

– Нашла что-нибудь интересное? О чем хоть речь идет?

– Пока нет. Записи от случая к случаю. Кажется, она была влюблена в какого-то Алана. Приехала кузина Мари, и они сделали набег по магазинам. Похоже, Алану понравилась Мари, и автор дневника ревнует, – хмыкнула я. – Надо же, другой век, а проблемы те же! Она мечтает о нем, он увлечен подругой, а подруга крутит всеми окружающими мужчинами.

Записи стали другими. Спокойное повествование сменилось кипящими страстями. Насколько поняла, кузина Мари не красавица, тихоня, но вдруг стала очень популярна и за ней начали ухлестывать толпы поклонников. Все как с ума сходили. Собственные успехи на таком фоне уже не радовали. Хозяйка дневника помогала отцу в бизнесе, и многие переговоры с ее участием проходили успешно. Упоминалось, что отец стал называть ее своим талисманом.

– Крис, чай остыл.

– Угу... Сейчас, – кивнула я, увлеченная чтением. Как роман, честное слово.

Мари вышла замуж за богатого промышленника и переехала жить в Канаду. Алан чуть не наложил на себя руки, но автору дневника удалось спасти его. Они начали часто общаться. Сначала Алан узнавал через нее о жизни Мари, но потом все чаще они стали говорить на отвлеченные темы. Алан восхищался ее красноречием и умом. В любви он разочаровался, но девушке удалось убедить его, что им будет хорошо вместе, и подвести к мысли о свадьбе. Совсем скоро они поженились.

Замужество не принесло желанного счастья. Отец умер, оставив ей в наследство свое дело, Первая мировая война и все трудности, связанные с этим. Муж все чаще сетовал на то, что многие решения в бизнесе она принимает сама, когда же отдала управление ему, прогорел и чуть не пустил семью по ветру. Родилась дочь Бланш.

Меня смутило это имя. Кто они тогда Аделаиде Стефановне? Перерывы в записях становились все длиннее. Автор дневника стала сама поднимать бизнес. Алан пристрастился к спиртному, и все меньше она его уважала. Мое внимание привлекли слова о шейном платке, ставшем талисманом для нее. Если надевать платок, то все сделки проходили успешно, а выступления перед аудиторией удачно. Также встретилось упоминание о проблемах со здоровьем и развивающейся астме.

– Я про платок нашла!

Я вскинула голову и поморщилась, так как затекла шея. Кирилл уже

допил чай и просто наблюдал за мной.

– Что там? – Он встал и, обойдя стол, навис над моим плечом.

Я прочитала вслух отрывок о талисмане и застонала, когда руки Кира легли на мою шею и стали ее разминать.

– Думаешь, это наш? – спросил он.

– Не знаю, тут нет никакого упоминания о браслете.

Я перекинула через плечо волосы, чтобы не мешали массажу. От движений сильных пальцев готова была замурлыкать. Блаженство!

– Браслет могли изготовить и позже.

– Да-а-а... – простонала я, млея под его руками. Кирилл перешел к плечам.

– Идем в комнату, там удобнее.

– А можно еще шею? – попросила его, раз уж взялся за массаж. В комнате, может, и удобнее читать, но хотелось продлить удовольствие.

– Как давно ты с парнем рассталась?

– Полгода назад, – ответила на автомате.

– Угу, – понимающе хмыкнул он.

До меня даже не сразу дошло. Мозг от приятных ощущений расплылся лужицей и ехидство уловил с запозданием.

– Ольховский, зараза! – произнесла я с чувством и неохотно отстранилась. – Умеешь же удовольствие испортить.

– Не согласен, я его умею дарить, – самоуверенно заявил Кирилл. И не поспоришь. – Между прочим, это ты мне массаж зажала.

– Переживешь!

Сграбастав со стола дневник, я встала. И с сожалением признала, что в чем-то он прав. Прикосновения растревожили, наверняка отсутствие интимной жизни сказывается. Может, и на Кристофа я вчера среагировала лишь поэтому, иначе не зашло бы все так далеко.

– Чай тебе сделать? Твой остыл.

– Ага, – кивнула утвердительно. Правда, лучше бы пустырника для успокоения.

Кирилл задержался, а я пошла в комнату, чтобы замереть в дверях. Нет, я понимала, что ремонт, скорее всего, сделан во всей квартире, но не ожидала, что интерьер изменится настолько. Круглый стол с белой скатертью исчез, как и швейная машина из угла, на которой иногда шила бабушка Кирилла. Машина была старая, ножная, но работала. Продавленный диван сменил роскошный кожаный. Стенка советских времен исчезла, и в комнате стало больше места. Появился искусственный камин, большой телевизор.

Сейчас фото гостиной смело разместили бы журналы современных интерьеров, но раньше отчего-то мне нравилось больше. Несмотря на весьма скромную обстановку, уютнее было, что ли. У Кирилла очень доброжелательная и говорливая бабушка, да и мама приятная. Их присутствие в доме создавало особую атмосферу. Да что говорить, мои родители уехали, и в доме без них пусто!

– Ты чего застыла?

– Здесь все так изменилось. Твоей бабушки не хватает... – Я повернулась к подошедшему сзади Киру. – А куда машину швейную дели? Только не говори, что выбросили!

Кирилл бросил на меня немного странный взгляд, а я перестала стоять столбом и зашла. Немного смутилась. Наверное, мои слова странно прозвучали. И чего я к ней прицепилась? Какое мое дело?

– Нет, конечно. Перевезли в дом к матери. Там больше места.

Я села на диван, который оказался очень удобным, и откинулась на спинку. Кир стоял, наблюдая за мной.

– Давно ремонт сделали?

– Нет. Я занялся после того, как из армии вернулся.

– Было пусто без родных, и решил изменить обстановку?

– Хочешь сказать, что раньше было лучше? – усмехнулся Кирилл, продолжая стоять в дверях.

– У вас было уютно, – постаралась дипломатично ответить я. – Ты почему не заходишь?

– Сейчас чайник закипит, и нужно просмотреть кое-какие документы.

Мне показалось, что он хочет что-то спросить, но нет. Больше ничего не сказав, вышел, а я открыла дневник и продолжила чтение.

Не удавалось сосредоточиться на тексте, так как все мысли занимал Кирилл. Мы доверяем друзьям, можем предугадать их реакцию на любое сказанное слово, вырабатывается свой стиль общения. В нашем же случае мне было легко с Кирилом, как будто и не было этих лет, но в какой-то момент его поведение менялось, и я понимала, что Ольховский сильно изменился и теперь мне нужно узнавать его заново. Только нет уверенности, даст он мне эту возможность или мы расстанемся, как только проясним ситуацию с браслетом. Кирилл помогает мне по старой памяти, и не факт, что захочет поддерживать отношения после.

Поймав себя на том, что уже несколько раз читаю одну и ту же строчку, встряхнулась и сосредоточилась на деле. Постепенно текст снова увлек меня. Хозяйка дневника писала, что приехала в гости кузина Мари. Это накалило супружеские отношения с Аланом. При виде предмета своей

бывшей любви тот совсем потерял голову, что уязвляло жену. А еще она застучала Мари за обыском своей комнаты, и терпение лопнуло. Приказала ей убираться, и тут состоялся примечательный разговор. Оказалось, что кузина искала шейный платок. Говорила о том, что давно заметила, как влияют на мужчин ее панталоны, купленные в ателье мадам Дамаль. Представители сильного пола как один падали к ее ногам. Мари требовала сказать, какими свойствами обладает платок, который они вместе покупали, и предлагала разыскать эту Дамаль, так как ателье ее уже закрыто и сама она исчезла без следа.

Кузина была не в себе. Кричала:

– Они дают деньги? Признайся! Ведь недаром ты так разбогатела. Давай меняться? Ты мне платок, а я тебе панталоны, и твой Алан будет бегать за тобой покорным щенком, глядя влюбленными глазами.

На беду, отношения выясняли слишком громко, и Алан подслушал разговор. С криком, что они ведьмы и разрушили его жизнь, выбежал из комнаты, но, будучи нетрезв, споткнулся и свалился с лестницы, сломав себе шею.

Смерть мужа, несмотря ни на что, стала ударом. После похорон Мари было отказано от дома, но она не уехала из города, ища следы мадам Дамаль и не оставляя попыток заполучить шейный платок. Судьба кузины, несмотря на усиленное очарование, не сложилась. Она была бездетна, супруг завел любовницу на стороне, и там у него росли уже трое детей. Многочисленные любовники не спасали от одиночества. Мужчины теряли к ней всякий интерес, стоило надеть другое белье. Кузина стала одержима желанием заполучить еще какую-нибудь вещь, изготовленную в данном ателье.

После попытки ограбления дома автор дневника положила шейный платок в банковскую ячейку и заметила, как участились приступы астмы. Еще стало казаться, что за ней следят. Не прошло и месяца после похорон мужа, как ей сообщили о гибели кузины. Мари нашли с перерезанным горлом в канаве. Как ближайшей родственнице, ей передали все вещи убитой, но среди них панталон, купленных у мадам Дамаль, не нашлось. Убийцу тоже так и не нашли.

– Чай. – Кирилл поставил на стеклянный журнальный столик чашку и вазочку с вареньем.

– Это то самое? – спросила я и затаила дыхание.

– Да, твое любимое. Вишневое с миндалем, – улыбнулся Кир, прекрасно зная, как я его люблю. У него бабушка сама варит, и я больше нигде такого не пробовала. – Нашла что-нибудь?

Отложив дневник, я потянулась к варенью и лишь после того, как попробовала, стала рассказывать о том, что успела знать.

– Думаешь, это тот самый платок? – заинтересовавшись, Ольховский сел на диван рядом со мной.

Я замерла с ложкой во рту. Читая, настолько увлеклась событиями в дневнике, что об этом как-то не думала.

– Знаешь, Саша говорила, – задумчиво произнесла я, вспоминая наш разговор в клубе, – что, когда бабушка надевает платок, отец не может ей противостоять и соглашается со всем, что она скажет.

– Доставай платок! – решительно произнес Кирилл.

Честно, идея показалась мне глупой. Ну не может какая-то тряпка влиять на людей! Тем не менее я все же неохотно сняла браслет с руки и отдала Киру – пусть разбирает. А сама взяла вазочку с вареньем.

Одарив меня ироничным взглядом, он принялся доставать платок. Положив части браслета на журнальный столик, покрутил в руках кусок шелка с кружевом, а потом обмотал вокруг своей шеи.

– И что дальше? – как бы спрашивая себя, произнес он, а потом посмотрел на меня и убил наповал: – Раздевайся!

Хорошо, что я ела варенье, а не чай пила. Все равно от неожиданности чуть вазочку не уронила. Отставив ее от греха подальше, спросила, глядя на него круглыми глазами:

– Зачем?!

– Не хочешь?

– А должна?

– По идее, если платок работает, ты должна подчиниться.

– Кир, ты нормальный? А если бы он сработал? – моему возмущению не было предела.

– Я должен был приказать такое, чего бы ты в адекватном состоянии не сделала.

– А если бы я стала раздеваться? – не могла успокоиться я, яростно желая придушить некоторых экспериментаторов.

– Ну, ты же меня обнаженным видела, – ничуть не смутился он.

Нет, ну ничего себе?!

– То есть ты бы меня не остановил?! – потрясенно выдохнула я.

Мне ответили неопределенной улыбкой и сняли платок с шеи.

– Попробуй теперь ты, – протянул мне.

Чисто на автомате взяла и обернула вокруг шеи, продумывая месть. Как назло, ничего путного в голову не приходило. Ударь себя по лбу? Как-то глупо. Раздевайся? С него станется, издеваясь надо мной, раздеться. К

тому же он и так совершенно спокойно своей голой задницей утром сверкал. Нужно что-то такое, чего Ольховский в нормальном состоянии никогда не делает.

– Поцелуй меня, – как-то само собой слетело с губ.

Должна сказать, что месть удалась. Кирилл выглядел таким же ошарашенным, как и я после его слов. Собиралась уже съехидничать по этому поводу, как во рту пересохло от его взгляда. Он вдруг стал таким мужским, оценивающим и прилип к моим губам.

– Кир... – хотела сказать, чтобы перестал придуриваться, все равно не поверю, как была сдернута со своего места.

Непостижимым образом оказалась у него на коленях и ахнуть не успела, как мне закрыли рот поцелуем. Я была настолько потрясена, что даже не сопротивлялась. Потеряла способность мыслить и хоть как-то адекватно реагировать на происходящее.

– Сладкая, – шепнул Кирилл, чуть отстранившись.

Конечно, сладкая, я сколько варенья съела! Но сказать об этом не успела. Зарывшись пальцами в мои волосы, он опять приник к губам. В какой-то момент показалось, что меня хотят съесть. В каждом движении его языка чувствовался откровенный голод. Раньше посмеивалась, когда читала в романах сравнения типа «он приник к ее губам, как путник, изнывающий от жажды». Больше смеяться не буду, так как в данный момент меня пили. Страстно, жадно, будто я необходима, как умирающему от жажды глоток воды. А потом сумасшедший напор и неистовые поцелуи сменились бесконечно нежными, бережными. Меня дегустировали, как самое изысканное и дорогое вино.

Я забыла, с чего все началось, и просто таяла в его руках, теряясь в вихре эмоций. В жизни такого не испытывала! Руки сами обвили мужскую шею, притягивая ближе. Невероятно чувствовать себя особенной, дорогой, необходимой. Голова кружилась, и я как будто парила, обнимая Кирилла. Он стал центром моей вселенной. Весь мир исчез, оставив лишь его дыхание, вкус губ и нежность.

В себя я пришла, когда он случайно потянул за один конец шейного платка, сильнее затянув его. Платок! Отрезвило осознание того, что все это его действие. С усилием оттолкнула от себя Кира, отстраняясь.

– Кирилл, стой!

Он замер, а я спешно сорвала с себя кусок шелковой ткани, отбрасывая, как ядовитую змею.

– Это все платок. Его действие.

Хотелось плакать от чувства потери. От того, что все это обман и не

по-настоящему. Никто не знает, чего мне стоило не расклеиться и пересесть с колен Ольховского на диван, разрывая объятия и теряя тепло его тела.

Он даже не сделал попытки меня удержать, подтверждая, что все было навеяно действием платка. Обидно до жути. Сцепив руки в замок, чтобы не было видно, как они дрожат, не глядя на Кирилла, я озвучила вывод:

– Платок работает.

Кир наклонился, поднимая отброшенный мною кусок ткани и оборачивая его вокруг своей ладони.

– Почему ты попросила себя поцеловать?

– Нет, нормально? Ты вообще мне раздеться предложил! – возмутилась я.

И смутилась, натолкнувшись на серьезный, требовательный взгляд.

– Сам же говорил, нужно придумать нечто такое, чего в нормальном состоянии никогда не сделаешь.

– Предложила бы походить на руках, попрыгать на одной ноге... – Кирилл злился, и от этого мне стало совсем тошно.

Хотелось огрызнуться, спросив, чего же он сам мне этого не предложил? Но сдержалась.

– В следующий раз так и сделаю. Хватит беситься! Я понимаю, что это просто действие платка.

Схватившись за чашку чая, как утопающий за соломинку, я сделала большой глоток. Хотелось смыть вкус поцелуя, прогнать из мыслей прикосновения его языка. А еще горький привкус разочарования.

– Предлагай!

Перед моим лицом возник платок.

– Что?! – растерялась я.

– Предлагай. Будем проверять действие.

– Тебе мало?

Кирилл заскрипел зубами и со злостью бросил мне платок. Встал напротив меня:

– Надевай!

Под его испепеляющим взглядом я обернула ткань вокруг шеи.

– Что говорить?

– Предложи мне попрыгать.

– Попрыгай, – вяло повторила за ним.

Кирилл продолжил стоять, и злости в его глазах прибавилось.

– Встань на руки.

– Встань на руки, – послушно повторила я. И ничего, Ольховский продолжал стоять.

– Кристина, ты можешь произнести приказ с желанием? – взбешенно произнес он. – Вот сейчас ты чего хочешь?

– Кир, уйди, – от всего сердца попросила его. Видеть не могла. Было обидно от того, что он бесится. Как будто это я затеяла эксперименты!

Стало еще обиднее, когда он молча развернулся и вышел из комнаты. Я почувствовала себя разбитой и устало стянула платок. Взяв с дивана подушку, обняла ее, уткнувшись подбородком. Вот и думай что хочешь. Он ушел, потому что я попросила, или из-за действия платка? Может, нужно произносить приказ, вкладывая желание? Тогда получается, что я хотела, чтобы он меня поцеловал? Но разве я хотела?! Я даже не верила, что подействует!

Совсем запуталась, но идти выяснять, что и как, у объекта эксперимента не было ни сил, ни желания. И вообще, почему он бесится?! Что такого ужасного произошло? Неужели целовать меня настолько противно?

«Конечно, привык к своим Барби», – зло подумала про себя, вспомнив его высокомерную тощую красотку. Что ж, если он предпочитает таких, то это не мои проблемы. Пусть и под влиянием платка, но это он набросился на меня, а не я на него. И вообще...

Что «вообще», додумать не успела. В комнату вернулся Кирилл, неся постельное белье, и я напряглась, опасливо взглянув на него. Про себя решила, что если опять начнет срывать на мне, то я здесь больше и на минуту не останусь!

Наверное, что-то отразилось у меня на лице, так как Ольховский сказал:

– Извини, что вышел из себя. Давай разложим диван. Уже поздно, отдыхай.

– Наверное, я лучше к себе пойду, – заикнулась в ответ.

– Нет! Мы же договорились, что ты остаешься.

Он произнес это настолько властно и категорично, что на какой-то миг испытала искушение надеть платок и заявить, что ухожу домой, но не стала. На сегодня как-то хватило экспериментов. Вместо этого встала, освобождая диван.

Отдав мне белье, сверху которого лежала сложенная белая футболка, Кирилл подошел к дивану. Взял лежащий на нем платок, убрал на журнальный столик.

Разложив диван, спросил:

– Ты не против, если я отсканирую из дневника места, где рассказывается о действии платка и об ателье, где его пошили. Попробую

поискать информацию в Сети.

– Хорошо, – пожала плечами. Найдет – лишней не будет. – Если уж заговорили об этом, ты можешь сказать, как влияет платок?

– Давай не сейчас, – тут же закрылся Кирилл.

Не стала настаивать. Отложив белье, взяла дневник и заложила страницы с нужной информацией.

– Ты еще будешь сегодня читать?

– Да, хотелось бы.

– Тогда располагайся, я его тебе принесу.

Кирилл ушел, а я тяжело вздохнула. Несмотря на то что он извинился, между нами осталась натянутость.

Глава 12

Утро добрым не бывает. Я металась по комнате, спешно одеваясь. Главное, проснулась раньше времени и лениво нежилась в постели. Ага, ровно до того момента, пока не вспомнила, что мне еще домой возвращаться и в институт сегодня на машине ехать. А это не метро, где пробок нет, и выезжать нужно пораньше.

Взлохмаченная, я выскочила из комнаты, чтобы столкнуться с вышедшим из кухни Кириллом.

– Ты куда спешишь? Время еще есть. Идем завтракать.

Выглядел он отдохнувшим и бодрым. Мне аж завидно стало.

– Я умываться и убегаю. Забыла, что на машине поеду сегодня. Пробки, сам понимаешь, – бросила ему уже по пути в ванную.

– Я тебя отвезу. Позавтракай.

– Не могу. Обещала после пар Сашу в аэропорт отвезти. Ее родители прилетают.

Умывшись, я вернулась в комнату за дневником и браслетом. Чертыхаясь, пританцовывала на месте, накручивая платок вокруг спирали. Ну почему, когда спешишь, ничего нормально не получается? Ткань скользила и не ложилась нормально.

– Лучше оставь его здесь.

– Зачем? – я подняла голову, заметив, что Кирилл сменил домашние брюки на джинсы, а футболку на лонгслив.

– Его может увидеть твоя подруга. Ты же не хочешь ей пока объяснять, откуда у тебя браслет ее бабушки? К тому же у меня его никто не будет искать. Ты понимаешь, что скорее всего охотились за ним?

– Думаешь?

Что-то я с утра из-за спешки плохо соображала. Кирилл посмотрел на меня красноречивым взглядом. Я отложила детали браслета, но почему-то оставить платок было тяжело. Не хотелось с ним расставаться. Уже подумывала вокруг руки его обернуть, как Кирилл опять озадачил:

– И дневник у меня лучше оставь.

– Почему?

– Тебя могут ограбить. Сумку вырвут – и все.

– А у тебя дома может быть пожар, – парировала я.

– Я спрячу их в несгораемый сейф.

– У тебя есть сейф?!

– Да. Давай уберу.

Ольховский протянул руку, а я так и не решилась ему все отдать. Что-то не могла понять – мне опять к нему приходиться? А если будет занят? Не хотелось зависеть от него.

– Кристина, ты опаздываешь, – напомнил Кирилл.

– Да.

Он прав, нужно было бежать, но чувствовала себя так, как будто расстаюсь с ребенком. Отрывая от сердца, отдала Киру браслет с платком и дневник.

– Я побежала. Созвонимся! – крикнула, когда он скрылся у себя в комнате.

– Подожди, я тебя провожу.

– Зачем?

В ответ тишина, и я, надев пальто, наклонилась, натягивая ботинки. Когда разогнулась, обнаружила рядом Кира.

– Я дойду. Не нужно меня провожать, – сделала попытку от него отвязаться. Вчера мы так толком и не поговорили. Он вернул мне дневник и ушел, пожелав спокойной ночи, а я все еще была задета его реакцией на поцелуй.

– Мне так будет спокойнее.

– Как хочешь, – как можно безразличнее бросила в ответ.

Для себя решила, что пусть сейчас спешу, но потом обязательно заберу у него все вещи и буду сама со всем разбираться. Дневник я толком изучить не успела. Узнала лишь, что дочь автора, Бланш, была очень сложным ребенком и доставляла много хлопот своими выходками. Рано выскочила замуж и родила девочку Аделаиду. Тут только я поняла, что держу в руках дневник бабушки Аделаиды Стефановны. С мужем жизнь у Бланш не сложилась, и она еще три раза выходила замуж, оставив ребенка на воспитание своей матери.

Насчет платка удалось узнать, что чем дольше носишь, тем сильнее его воздействие. Никто из мужчин не может сопротивляться прямому приказу. И да, влияет он только на мужчин. А еще шли рассуждения о том, что с вещью нужно обращаться осторожно. Когда снимаешь платок, идет откат. Например, после важных встреч, где блистала красноречием, не хочется больше ни с кем говорить. Испытываешь головные боли, или усиливаются приступы астмы. У матери Бланш были подозрения, что астма стала развиваться именно из-за него. Ведь до покупки шейного платка никаких симптомов болезни не было.

Убийство кузины заставило задуматься о том, что за вещами могут

охотиться. Ведь панталоны пропали. Логично предположить, что не одна Мари решила найти другие вещи, изготовленные в ателье мадам Дамаль. Возможно, кухня привлекла к себе внимание, разыскивая ее следы. Именно тогда бабушка Аделаиды Стефановны и заказала себе браслет с тайником. Не сильно дорогой, но достаточно приличный, чтобы его можно было носить в повседневной жизни.

По пути домой я прокручивала в голове информацию, почерпнутую из дневника, игнорируя идущего рядом Кирилла. После пары моих односложных ответов он больше ко мне не лез. По-хорошему, можно было спросить, нашел ли Ольховский что-либо в Сети вчера, но не хотела.

Я и так из-за него половину ночи не спала, ругая себя за просьбу о поцелуе. Но ведь это было не всерьез! Не ожидала, что все так закончится. Мало того что вынудила себя поцеловать, так еще и растаяла, как последняя дурочка. Не хватало еще, чтобы Кирилл решил, что я на него вешаюсь! Присутствие Ольховского нервировало, и я просто мечтала остаться одна.

Первую попытку распрощаться с ним предприняла у подъезда, но Кир увязался за мной. Потом у лифта. На что он лишь скрипнул зубами и втиснулся за мною в лифт, нажав кнопку этажа. Поднимались в гробовом молчании. Провел до самой двери квартиры! Тут я уже развернулась и немного язвительно поблагодарила за эскорт.

– Мне кажется, – вместо того чтобы уйти, Кирилл оперся одной рукой о дверь, пресекая мою попытку скрыться за ней, – вчера между нами возникло недопонимание.

Внутренне я тут же оцетинилась, не зная, чего ждать.

– Ты попросила о поцелуе...

– Я знаю, что это было не твое желание, – быстро проговорила я, не желая обсуждать болезную тему и мечтая сбежать.

– Ты получила поцелуй. Согласись, будет справедливо, если теперь его получу я.

Выверты его логики повергли меня в ступор. Шокированная, я даже среагировать не успела, как Кир меня поцеловал. Уверенно, будто беря свое по праву. Без капли нежности, каждым движением языка демонстрируя откровенное желание. Требовательно, жадно, властно. Единым махом перечеркивая любой намек на дружеские отношения между нами. После таких поцелуев нужно или бить в морду, или срочно искать место для уединения.

Он отстранился, а я вспомнила, что нужно дышать, и хватала ртом воздух, как будто вынырнула из глубокого омута. Взбудораженная,

смотрела потерянно, не понимая, чего он добивается. Хотел отомстить? Отыгрывается за вчерашнее?

– Теперь мы в расчете, – окинул меня оценивающим взглядом Кирилл. Прозвучало с таким удовлетворением.

– Да?! – с трудом произнесла я, понятия не имея, как вообще относиться к этому произволу. – Странное дело, но оба раза меня целовал ты!

Думала ткнуть его носом в этот факт, но ничуть не смутила. Мне ответили неожиданной, немного хулиганской улыбкой.

– Согласен. Значит, в следующий раз меня целуешь ты!

Я задохнулась, потеряв дар речи. Мой же одноклассник, превратившийся в какого-то незнакомца, слегка щелкнул меня по носу и довольный зашагал к лифту.

– Ольховский...

Я отказывалась верить, что это заявил он. Так и хотелось потребовать у кого-то свыше вернуть мне прежнего друга.

Этот же гад, не оборачиваясь, помахал мне рукой и скрылся в лифте.

Я опаздывала и только потому сумела выйти из ступора, а то так бы и стояла у дверей. Мир сошел с ума! Какие-то загадочные вещи, влияющие на мужчин... Кирилл, который ведет себя как... как...

Не было смысла стараться хоть что-то понять! Достав ключи, я зашла в квартиру, планируя собрать сумку и бежать вниз, но, видимо, сегодня мне не грозило попасть вовремя в институт. На кухне гремели посудой, и, не разуваясь, я пошла туда. Может, и глупо, после разгромленной Сашиной квартиры, но не будут же воры себе готовить.

Не знаю, кого я ожидала увидеть, но уж никак не Кристофа, спокойно жарящего себе яичницу в моей квартире.

– Ты?!

– Вернулась? – обернулся он ко мне. Честное слово, в этот момент я почувствовала себя неверной женой, возвратившейся под утро от любовника!

– А что ты здесь делаешь? – задала я глупый вопрос, на который получила такой же ответ:

– Завтрак готовлю.

Он спокойно достал тарелку и опять обернулся:

– Омлет будешь?

Уже второй мужчина за утро пытался меня накормить.

– Я опаздываю.

– Сядь!

Прозвучало как властный приказ, и это меня возмутило. Показалось, что все мои знакомые мужчины враз охамели.

– Кристоф, как ты сюда попал? – потребовала я ответа. Бесило, что он спокойно ориентируется у меня дома и даже уже знает, где лежит посуда.

– Дверь была открыта, тебя дома нет. На звонки не отвечаешь. Что мне оставалось делать? Решил дождаться, и пришлось ночевать здесь. Ты где была?

Меня насторожило его поведение. Несмотря на спокойные движения, создавалось впечатление, будто он донельзя зол, но при этом сдерживается и старается не показать.

– В гостях.

– До утра? – спросил он, не глядя на меня. Поставил тарелку с омлетом на стол и принялся нарезать хлеб.

– Я не знала, что должна отчитываться в своих действиях перед тобой.

– На звонки ты тоже специально не отвечала? – поинтересовался Кристоф нейтральным тоном.

– Звонки?! – Я полезла в карман пальто за телефоном и с удивлением обнаружила кучу пропущенных вызовов. Саша, но больше всего от Кристофа... – Извини, вчера во время урока отключила звук и забыла.

– Кристина, сядь. Мне нужно тебе кое-что сказать.

Впервые за сегодняшнюю встречу он прямо посмотрел на меня.

– Садиться обязательно? – напряглась я.

– Поверь, так будет лучше.

– Я лучше постою.

Верить ему не собиралась, и все внутри кричало: мне не понравится то, что он скажет.

– Как знаешь. Вчера поздно вечером умерла бабушка Алекс.

– Что?!

Его слова оглушили. По серьезному лицу поняла, что это не шутка. Растерянно посмотрела на телефон, зажатый в руке, и поняла, как виновата перед Сашкой за то, что она звонила, а я была недоступна. Судорожно начала щелкать по кнопкам, чтобы ей перезвонить. Пальцы дрожали. Неожиданно мой телефон забрали, и я непонимающе посмотрела на Кристофа.

– Не нужно ей звонить.

– Отдай!

– Кристина, Алекс не знает. Дозвонились Богдану, он оставлял в больнице свои контакты. Ей еще не сказал. Они едут в институт.

Саша не знает?! Мысли путались. Я не верила, что это правда!

– Ну как же...

– Сегодня прилетают родители Алекс, лучше сообщить, когда рядом с ней будут родные.

– Почему ей не сказали?

– Она уже спала, когда ему позвонили. Свой телефон не слышала. Он не стал ее будить. Тут ничем не поможешь, а ей понадобятся силы. Я сожалею...

Кристоф меня обнял, а я стояла окаменевшая. Горе оглушило. Не хотелось верить, но интуитивно чувствовала, что он, к сожалению, не врет.

Мне все же пришлось задержаться. Кристоф насильно усадил за стол и сварил в турке кофе. Я сидела за столом в прострации, а он говорил о всякой ерунде.

– Вижу, ты ее любила, – поставив передо мной чашку, заметил Кристоф, потеряв надежду разговорить.

– Я ее с детства знаю. Она строгая, но добрая. Была.

– Тяжело терять тех, кого любил.

Я вопросительно посмотрела на Кристофа. Он сел за стол, но так и не стал есть.

– У меня отец неожиданно умер. Прошло уже несколько лет, но его до сих пор не хватает.

– Мне жаль, – я накрыла его руку своей.

Даже не знаю, зачем это сделала. Горе потери объединило, что ли, ведь он до сих пор скорбел. Кристоф посмотрел на меня с удивлением и как-то задумчиво.

– Пей кофе, иначе опоздаешь.

– Да, – кивнула смущенно я и взяла чашку, а он принялся за завтрак.

Из дома мы вышли вместе. Предложила его подвезти, но Кристоф отказался и, засунув руки в карманы пальто, наблюдал, как уезжаю я. Известие о смерти Аделаиды Стефановны меня настолько оглушило, что я даже не озаботилась тем, что моя квартира была открыта. Я точно не помнила, закрывала ли дверь, уходя с Кириллом, ведь спешила. Но возможно, и мою квартиру обыскивали.

Помнится, бабушка Саши перед нападением говорила, что вещи лежат не на своих местах, но ничего не пропало. Даже если и так, дорогих картин у нас нет, как и большой наличности или драгоценностей, а платок с дневником у Кирилла. Так что я не волновалась об этом.

Сложнее всего было молчать. Переложив на мои плечи обязанность сообщить об утрате, Богдан поставил меня в трудное положение. Не знаю, что у них там было с Сашей, но, судя по ее счастливому виду, было все.

Она вся светилась в этот день, и язык не поворачивался сказать ей, что бабушки уже нет. А когда мы встретили ее родителей, то подавно. Не хотелось портить радость встречи, и я трусливо молчала, не желая омрачить момент. Отвезла Лебедевых домой выгрузить вещи, а потом уже в больницу. Там-то они сами все узнали.

* * *

– Ты где? – Богдан не тратил время на приветствия.

Разговор с Савицким разозлил. Как его могли назначить на такую должность?! Прошли сутки, а до сих пор не ясно, чьи люди поработали в квартире Лебедевой. Пришлось нагнать страха, чтобы зашевелились.

– У себя в офисе.

– Не хочешь поужинать?

– Ты разве не со своей крошкой? – чуть насмешливо поинтересовался Кристоф.

– К ней родители прилетели. Сам знаешь, я не силен в утешениях, ей лучше с ними.

– Знакомство откладывается?

– Оно ни к чему.

– Она к тебе сегодня не приедет?

– Нет. Думаю, завтра встретимся. Алекс телефон у меня свой забыла. Если хочешь, сегодня можем посидеть у меня.

Кристоф заколебался. Вечером он планировал нанести визит Кристине. С другой стороны, та может утешать подругу или помогать в организации похорон, и ей будет не до него. Не хотелось давить на девушку. Кристоф не ожидал, что она так привязана к старушке. Утром ее неприкрытая скорбь напомнила о его собственной потере. И после всего, что было между ними, она сама дотронулась до него, выражая участие!

Искреннее сочувствие Крис поразило и что-то тронуло в душе. Теперь Морено был серьезно настроен завоевать ее. Надоели любовницы, которых интересовали только деньги. Да, с такими проще, но они приедаются, и Кристина выгодно отличалась от них.

– Кристоф?

– Да. Я подъеду, – отозвался он, решив сегодня больше Кристину не тревожить. Лучше ограничиться звонком перед сном. – Ты где?

– Уже в ресторане.

– Говори адрес и закажи мне, я голоден.

Закончив разговор, Богдан подозвал официанта. Он как раз делал заказ, когда позвонила сестра.

– Ирен, минуточку...

– Ты занят?

– Нет, я в ресторане.

Ковальский кивком головы отпустил официанта.

– Я тоже. Мы можем поговорить?

– Да. Что случилось?

– Это насчет Хана.

– Ирен, он там работает. Войди в положение.

– Я знаю. Только время на Еву у него есть.

– Ирен...

Богдан выругался про себя, не зная, как объяснить сестре, что это лишь работа. Она ничего не знала об их двойной жизни и тайнах Ордена.

– Богдан, все в порядке. Она мне нравится и лучше всех тех, что у него были. Мне кажется, он к ней тоже относится по-особому.

– Ты с ней знакома? – нахмурился Богдан. Сразу захотелось позвонить Хану и спросить, чем он думал, знакомя их.

– Да, мы случайно познакомились в городе. Это неважно, я хотела поговорить о другом.

– Слушаю тебя.

– Понимаешь, эта помолвка с Ханом... все это неправильно.

– Только не говори, что ты его не любишь!

– Люблю. Только как брата. Вы для меня оба одинаково дороги, и одна мысль о том, что мне придется целоваться с ним, вызывает чувство неправильности. Это все равно что целовать тебя. В щеку можно, но все остальное уже инцест.

– Ирен...

Богдан почувствовал растерянность. Никогда не думал, что придется обсуждать с сестрой интимную жизнь.

– Не надо говорить, что все у нас получится! – в ее голосе слышались раздражение и упрямство. – Пойми, мы пробовали как-то, и это катастрофа.

– Он тебя целовал?!

Немедленно захотелось врезать Хану, несмотря на то, что они с сестрой помолвлены. Одна мысль о том, что тот тянет к Ирен руки...

– Богдан, ты меня слышишь? Наша помолвка – ошибка!!! Мне нужна твоя помощь. Нужно что-то решать с отцом.

– Ирен, это не телефонный разговор. Лучше обговорим при встрече. Ты должна понимать, что проблема серьезна. Мне необходимо убедиться,

что речь идет о вашем с Ханом общем решении, а не о твоём капризе.

– Поверь, Хан тоже осознал проблему и сам не рад нашей помолвке.

– Почему тогда молчал?

– Потому что лишь сейчас свадьба замаячила на горизонте.

Это так. Отец уже знает, как назовет внуков, и на Рождество хотел всех собрать и назначить дату свадьбы.

– Хорошо, я тебя услышал. Поговорим при встрече.

Резко прервав разговор, Богдан невидящим взглядом посмотрел перед собой. Сестра даже не представляет размеров проблемы! Если все так, как она говорит, то это катастрофа. Руки Ирен просили многие, но отец всем отказал, одоблив ее помолвку с Ханом. Если сейчас Зегерс откажется от своих слов, отец не простит. Хуже всего – он примет это как личное оскорбление и начнет мстить.

«Лучше бы им пожениться», – мрачно подумал Богдан.

* * *

Я без сил упала на диван. Ноги гудели, тупая боль в висках делала голову чугунной. Тишина родного дома давила и казалась гнетущей. Мы целый день ездили, организовывая похороны и покупая все необходимое. Хорошо, что у меня машина, иначе не знаю, как бы справились.

Только уже вечером собрались у Саши, планируя дела на завтра. Я видела, как все устали, и ушла, чтобы не мешать им. С утра я выпила чашку кофе, и то благодаря Кристофу, и ничего не ела. Сил встать и что-то себе приготовить не было. Идея просто заснуть на диване казалась все более привлекательной.

Мысли возвращались к событиям дня. Резануло, что мать Саши даже не сделала вид, что скорбит. Уже стала планировать продажу квартиры, уговаривая дочь переехать к ним. К моему удивлению, Сашка пока отказалась, но это пока. Ее мать умеет быть настойчивой.

Уже стала смотреть, что можно выкинуть как ненужный хлам, а что лучше забрать. Больше никогда в доме Лебедевых не будет так, как прежде. Для меня он без Аделаиды Стефановны казался опустевшим. Именно она наполняла его своим сильным духом.

Слезы сами собой потекли из глаз. Сразу вспомнилось детство, уроки французского. Я очень многим была обязана Аделаиде Стефановне, и помочь с похоронами – самое малое, что могла для нее сделать.

Сегодня смотрели одежду, в которой ее будут хоронить. Мать Саши

очень интересовалась шейным платком, желая положить бабушку в нем. Даже перерыла все шкафы. Я чуть не сказала, что он у меня, но вовремя прикусила язык. С нее станется оставить платок себе, а это не та вещь, которую я бы ей доверила.

В кармане зазвонил телефон. Чертыхаясь, достала и не глядя ответила:

– Да.

– Тебя когда ждать? – поинтересовался Кирилл. Я и забыла, что сегодня собиралась продолжить изучать дневник.

– Кир, я не приду.

Молчание и вопрос:

– Это из-за...

Не дав ему договорить, перебила:

– Аделаида Стефановна умерла. Мы сегодня день проездили, организовывали похороны. Я без сил.

– Ты там плачешь, что ли?

– Нет, – шмыгнула я носом, вытирая слезы.

– Я сейчас буду.

– Зачем?! – всполошилась я, но он уже отключился.

Уронив телефон на пол, для себя решила, что просто не открою. Хотя бы потому, что для этого нужно встать с дивана. К сожалению, мне не хватило терпения, когда дверной звонок стал разрываться от трели. Кирилл пришел слишком быстро, как будто звонил, находясь уже у подъезда.

Кряхтя, как столетняя бабка, я слезла с дивана и пошлепала открывать.

– Совести у тебя нет! – сообщила ему с порога.

– Я тоже рад тебя видеть, – оттеснил меня Кир, без приглашения заходя в квартиру и окидывая недовольным взглядом. – Ты выглядишь, как будто тебя пожевали и выплюнули. Серебрянская, ты сегодня хотя бы ела?

– Не до того было. Кирилл, ты не вовремя, я с ног валюсь от усталости.

– Бессовестная! Мало того что втянула меня во всю эту историю, так еще и видеть не рада. Я, между прочим, нашел кое-что интересное.

– Что?

– Не скажу, пока не поешь. И хватит держать меня в прихожей! – Он нахально стал подталкивать меня по коридору, остановив почему-то перед дверью ванной.

– Давай ты примешь душ, а я посмотрю, что у тебя есть съестного.

– От меня что, воняет? – нахмурилась в ответ. Чего иначе он меня так настойчиво туда отправляет?

– Взбодришься, – отрезал Кирилл, открывая передо мной дверь и

буквально запихивая в ванную. – Надеюсь, твой зеленый цвет лица хоть немного смоется.

– Ты не офигел? – Я обернулась, разозлившись на бесцеремонность. Пришел без приглашения, раздает указания.

Ответом стала закрытая перед носом дверь.

– Ольховский!

– Еще одно слово, и я тебя сам раздену и помою, – донеслось до меня.

В немом изумлении уставилась на дверь. Я ослышалась?! С каких пор Кирилл стал таким самоуверенным и наглым? Самое обидное, я даже не знала, шутит он или нет. С него станется выполнить угрозу. Подумав об этом, протянула руку и закрылась. Сразу стало легче дышать. Дожила, уже в собственном доме не чувствую себя в безопасности!

Раз уж оказалась в ванной, решила действительно освежиться, только вместо душа набрала себе ванну с пеной. Гулять так гулять! К тому же из вредности не собиралась подчиняться приказам, а вести себя, как будто дома никого нет. В конце концов, я его не приглашала! Поэтому с чистой совестью намеренно долго нежилась в горячей воде.

«Цвет лица у меня, видите ли, зеленый», – обиженно думала про себя, умываясь. Непостижимым образом все мысли крутились вокруг незваного гостя, который оккупировал мою квартиру. Поневоле прислушивалась, что он там делает, но ничего не было слышно.

Поведение Кирилла выбивало из колеи, а его поцелуи лишали покоя. Если бы не Кристоф с утра с печальными новостями, я бы себе места целый день не находила, стараясь понять, чего добивается мой бывший друг. Ведь ведет себя отнюдь не по-дружески!

– Серебрянская, иди ужинать, – постучали в дверь.

Я замерла, когда предмет моих размышлений напомнил о себе.

– Ты там спишь? Учти, если через минуту не выйдешь, мне придется сломать дверь.

Такой может, но его угрозы бесили.

– Мы не в армии! – возмутилась в ответ.

– Поэтому у тебя минута, а не сорок пять секунд, – отозвался со смешком Кирилл.

– Ольховский, у тебя замашки тирана!

Из ванны я все-таки вылезла. Какое удовольствие сидеть в ней, если расслабиться не дают.

– Время пошло.

– Заметь, ты даже не споришь!

В ответ тишина. Я уже решила, что он ушел, когда до меня донеслось:

– Можешь полотенце не надевать. В конце концов, ты меня голым видела.

– Это когда?

Я укуталась в полотенце, как будто он мог следить за мной.

– Только не говори, что ты не смотрела.

Пусть и смотрела, но не признаваться же! Наспех вытершись, я влезла в банный халат, туго завязав пояс.

– Не льсти себе!

Пригладив волосы, я открыла дверь и натолкнулась на Кирилла, который стоял, прислонившись к стене. Он смерил меня взглядом с ног до головы, а я произнесла ядовито:

– Извини, мне говорили, что скромность украшает. Так что нудизм не по мне.

– А ты всегда слушаешь все, что тебе говорят? – неожиданно яда в его голосе оказалось не меньше.

Стало зябко от его тона, и я невольно поежилась. Как будто между нами прошел холодок. Уже не в первый раз мне слышится в его словах скрытый намек.

– Не всегда, если только говорят разумные вещи.

Мои слова лишь ухудшили ситуацию. Он отвернулся, холодно бросив через плечо:

– Ужин на столе.

Сегодняшний день был слишком тяжел, чтобы я еще над причиной перепадов его настроения гадала. Поэтому молча пошла за Ольховским. На кухне он уже накрыл стол на двоих, достав из холодильника и разогрев грибной суп с фрикадельками и мясо по-французски с картофелем. Еще нарезал салат из свежих овощей. Его точно не было. Хотела поблагодарить, но натолкнулась на колючий взгляд и промолчала, сев за стол.

Не приди Кирилл, и я бы уже спала, скорее всего, так и не переодевшись, но после купания почувствовала зверский голод. Не глядя на мрачного Кира, пожелала ему приятного аппетита и приступила к еде. Лишь через некоторое время поняла, что он не ест, и подняла глаза, обнаружив, что на меня смотрят задумчиво и изучающе.

– Кир, прекращай препарировать меня взглядом и лучше расскажи, что тебе удалось узнать.

– Ты единственная, от кого я терплю это ужасное коверканье своего имени.

– Почему ужасное? – удивилась я. Вот уж не думала, что его это задевает. – Как по мне, звучит красиво и мужественно. Тебе подходит.

– А полностью имя произнести лень?

– Вот чего ты взъелся?! – Психанув, я бросила столовые приборы и в упор уставилась на него.

– Скажи, оно и раньше мне подходило? Ты считала меня мужественным? – В его голосе слышалась насмешка и затаенная обида. Мы все же вернулись к прошлому.

– Да, – ответила совершенно искренне, ничуть не покривив душой. – Настоящего мужчину делают не мускулы – это дело наживное, и ты тому пример, а твердый характер. Он всегда у тебя был, как и внутреннее благородство. Тебе можно доверять, на тебя можно положиться. Ты не способен на подлость и предательство.

– Вот уж не знал, что ты меня настолько идеализируешь, – хохотнул мой одноклассник.

– Я тебя таким видела и вижу, – отрезала в ответ. – И если мы закончили разбирать твой характер, расскажи уже, что интересного ты нарыл.

Вроде бы ничего такого не сказала, но взгляд Кирилла потеплел на глазах.

– Поешь.

– Поем, если ты перестанешь испытывать мое терпение! Рассказывай уже.

Я взялась за вилку с ножом и посмотрела на него с ожиданием.

– Этот Морено довольно занимательная личность. Наследник огромного состояния, после смерти отца не сумел удержать созданную империю. Бизнес у него отжали. Собственность осталась, но по мелочи. Сейчас осел в России. Действительно владелец агентства по охране ВИП-персон.

– Что тебе показалось интересным?

– Слишком много странностей.

– Например?

– Наследник многомиллионного состояния, вместо того чтобы вникать в дела собственной компании, приезжает в Россию и занимается благотворительностью. Отбирает одаренных детей и отправляет их на учебу за границу.

– Утечка мозгов на Запад происходит не первый год, – пожала я плечами.

– Только вот с родителями таких детей потом происходят несчастные случаи: аварии, пожары, самоубийства.

– Со всеми? – Я чуть не поперхнулась.

– Нет, но у многих.

– Это может быть и совпадением.

– Пусть так. Дальше, в Сети слишком мало информации о самом Морено. Как будто кто-то старательно удаляет ее. Даже передел бизнеса произошел поразительно тихо. Мне пришлось потрудиться, чтобы хоть что-то узнать. За ним не гоняется пресса, не пишут о его шумных вечеринках и любовницах. Еще меньше информации о его друге – Богдане Ковальском. Не поверишь, каких трудов стоило узнать хоть что-то о нем. Кстати, часть бизнеса Морено перешла к отцу Ковальского, но при этом они почему-то остаются друзьями. Действительно одноклассники. Учились в закрытой школе, куда так просто не попасть.

– Не понимаю, что тебе так не нравится? Пока ничего крамольного. Ну и что, что мало информации? Не хочешь же ты сказать, что они тайные агенты? Для этого они слишком публичные личности.

– Не могу объяснить. Хотя бы взять для примера школу, которую закончили Морено и Ковальский. Непонятно, по какому принципу отбирают учеников. Ладно бы брали отпрысков только богатых семей, но нет. Там учатся дети из разных стран, и не все они богаты, многие даже сироты. К тому же уровень безопасности в школе зашкаливает. А еще защите их баз данных могут позавидовать многие правительственные учреждения госбезопасности.

– Кир, ты пытался взломать их базы данных?! – в шоке спросила я, смотря на своего одноклассника круглыми глазами.

– Почему «пытался»? Взломал, – спокойно признался он. – Откуда, по-твоему, я все это знаю. Прошелся по верхам. Меня очень заинтересовала защита, что установлена на учебных планах. Лезть пока не стал. Кстати, удивило, что из дисциплин большой упор делается на религию и изучение боевых искусств. Как будто готовят воинов веры.

Меня другое удивило. Даже не так – я была в нокауте! Нет, и раньше знала, что он увлекается программированием и с компьютерами на «ты», но не представляла, что способен на такое.

– Вернемся к вашим знакомым, – между тем продолжал Кирилл. – Не могу понять, что такие личности забыли на даче у твоей подруги? Причем полезли туда сами.

– Предлагаешь спросить? – пошутила я. Впрочем, не увидь их собственными глазами, не поверила бы.

– Предлагаю узнать самим.

– Как?

– Ты же была с Лебедевой в доме у этого Богдана?

– К чему ты ведешь?

– У него должен быть с собой ноутбук, деловые люди с ним не расстаются. Я дам тебе флешку. Твоя задача установить на его ноуте одну программку, а дальше я все сделаю сам и выясню, чем он дышит.

– Ты с ума сошел? Как себе это представляешь? – воскликнула я. Он кем меня считает? Агентом 007 в юбке?

– Придумай какой-нибудь повод воспользоваться его ноутбуком.

– А почему к Богдану, а не Кристофу?

– Разве ты была у него дома?

– Нет.

– Вот и не надо, – мрачно отрезал Кирилл, причем в его голосе прорезались властные нотки.

– Кир, бред. – Я замотала головой. – Я не смогу!

– Послушай, они не просто так вертятся вокруг вас. Единственное, что меня смущает, – Ковальский недавно прибыл в Россию. С семьей Лебедевых знаком не был, и если его интересует платок, то у него не было возможности увидеть его на бабушке Саши или узнать о необычных свойствах.

– Была возможность, – мрачно произнесла я. – В клубе, когда познакомились с ними и болтали о разной ерунде, разговор зашел о вещах, приносящих удачу. Сашка еще убеждала всех, что у ее бабушки необычный платок.

– Вот там они за вас и зацепились! Тебе ничего не показалось тогда странным?

– Да нет. – Я пожала плечами. – Ну, было заметно, что Кристофу понравилась Саша, но он почему-то стал настойчиво подкатывать ко мне.

Я вспоминала тот вечер и последующие встречи, но все равно картинка не складывалась.

– Не понимаю! Ладно, допустим, им что-то известно о таких необычных вещах, и их заинтересовал разговор о платке, но ко мне какой интерес? Зачем было ухаживать, приглашать на свидания? Логичней было сосредоточить все внимание на Сашке.

– Не факт. Через тебя могли планировать узнавать о ней.

– Бред какой-то. – Я встала и поморщилась от боли в ногах. – Чай будешь?

– Ты чего кривишься? Что болит?

Беспокойство и забота в голосе Кирилла были неожиданно приятны.

– Сегодня столько набегалась, ноги отваливаются.

Вспомнив о смерти Аделаиды Стефановны, я загрустила.

– И все равно я не верю, что они причастны к нападению!

– Если о таких вещах знают, то, возможно, за ними охотятся разные люди, – не стал спорить Кирилл. – Поэтому необходимо прощупать этого Ковальского. От них вам может грозить опасность, и под ударом в первую очередь Лебедева. Ты правильно сделала, что не рассказала ей о браслете и оставила его у меня.

Он встал и помог убрать со стола. Грязную посуду мы загрузили в посудомоечную машину. Я поставила чайник, а Кирилл потащил меня в комнату.

– Идем.

В зале ему почему-то не понравился диван, и он развернулся:

– Давай лучше к тебе.

– Зачем?

Я не могла понять, что он задумал.

– Сил нет смотреть, как ты ковыляешь.

– Так не смотри! – обиделась я. Мы уже зашли ко мне, но я вырвала руку из его захвата. К тому же Кирилл затормозил.

– Ты поставила их к себе в комнату?

– Кого?

Выглянув из-за его плеча, обнаружила корзину с розами у самой кровати. Я ее туда точно не ставила!

– Кристоф, наверное, перенес, – озвучила свое предположение, взглядом обшаривая комнату. Меня больше волновало, чтобы вещей разбросанных не было.

– И когда это он к тебе заходил? – сузил глаза Кирилл.

Пришлось рассказать об утренней встрече.

– Ты понимаешь, что это он мог открыть дверь и обыскать здесь все, пока тебя не было? – разозлился Кир.

– Зачем тогда он остался ночевать? Ушел бы, и я ничего не узнала.

– Чтобы дождаться и выяснить, где тебя носило! – буквально рыкнул он и без всякого перехода: – На кровать ложись!

Это прозвучало настолько властно, что я тут же рухнула на постель и лишь после этого задалась вопросом, с какой стати это делаю.

– Зачем?! – непонимающе посмотрела на Кирилла.

– Масло есть?

– В шкафу, – кивнула я.

Взгляд его задержался на корзине с розами, и он поморщился:

– Воняет, как в цветочном магазине. Я вынесу, – уведомил меня, подхватил корзину и вышел, чтобы вернуться через минуту. Даже не знала,

как реагировать на его самоуправство. Не то чтобы мне были дороги цветы от Кристофа, но сам факт – чего это он распоряжается?

С деловым видом Кир открыл шкаф, перебрал несколько баночек, достал одну и направился ко мне, сев в ногах.

– Может, объяснишь, что собрался делать?

– Массаж. У тебя же ноги болят.

Кажется, у меня некрасиво отвисла челюсть. Даже не нашлась что сказать, но мысль о том, что под банным халатом у меня ничего нет, напрягла. Я же не успела одеться. Когда вышла из ванной, он меня сразу на кухню есть отправил, и вот сейчас я почувствовала себя очень неуверенно.

– Кир, не надо. Я в порядке, правда, – попыталась поджать под себя ноги, но Ольховский поймал одну и подтянул к себе.

Я ойкнула, поправляя разъехавшиеся полы халата.

– Поздно. Не отвертись. Расслабься.

Думала, в сложившейся ситуации это нереально сделать, но когда его пальцы властно сжались на моей ступне и стали уверенно разминать и разогревать кожу, я сдалась и упала на постель. Это было блаженство. Нирвана! Плевать на все, я попала в рай!

Он тщательно массирует каждый пальчик, каждую косточку. Закончив со ступнями, стал подниматься выше, до колена. Непередаваемо приятно! Я ходила на общий массаж тела, но ничего общего с испытываемым сейчас удовольствием не было. От рук Кирилла исходило тепло, которое проникало мне под кожу, расслабляя натруженные мускулы и даря телу приятную истому. Но больше всего согревала его забота. Вот так просто, без просьб, без намеков с моей стороны он делает мне массаж.

«У тебя же ноги болят», – звучали его слова, как будто все объясняя. И вот такое отношение подкупало лучше сотни комплиментов или подарков. Неприятно это признавать, но никто из моих бывших не проявлял ко мне столько внимания, как Кирилл, хотя мы с ним и не встречаемся.

Мысли текли вяло, разомлевшая, я готова была уснуть, тем более что сильное нажатие пальцев сменилось легкими, успокаивающими поглаживаниями. Правда, ровно до того момента, как его руки стали подниматься выше колена, разводя полы халата. Лишь мысль о том, что на мне нет белья, заставила встать и сжать колени.

– Кирилл!

Он усмехнулся и вытянулся рядом со мной, подложив под голову руку, а вторую – мне на колено.

– Я думал, что ты заснула.

– Это не повод меня лапать, – огрызнулась лениво. Рука на коленке

продолжала легкий массаж, и пылать праведным возмущением не было ни сил, ни желания.

– Если ты не заметила, я тебя уже минут пятнадцать лапаю.

– Ки-и-ир! – простонала я, чтобы он перестал хохмить. Все, что он делал, было настолько приятно, что не хотелось опошлять.

Не знаю, до чего бы мы договорились, но звонок моего сотового из соседней комнаты прервал наш разговор.

– Принесешь? – просительно посмотрела на Ольховского. Встать самой было лень.

– Ты из меня веревки вьешь.

– Не-а, ты сам вьешься.

Вообще-то хотела сказать, что невиновна, но с языка слетело это и прозвучало некрасиво. Я поняла, что обидела. Взгляд изменился. Не дав мне больше ничего сказать, он отстранился и встал с постели. Коленка лишилась тепла ладони, и я почувствовала, что и сама по дурацки теряю тепло его отношения к себе. И привстала.

– Кирилл...

Не обернувшись, он вышел, а я упала на постель. Вот ду-у-ура!!!

Телефон смолк, а потом опять зазвонил. Кирилл вернулся, передал мне сотовый. Взглянув на номер, готова была застонать – Кристоф. Откуда он взялся на мою голову! А тут еще один застыл перед постелью и смотрит так внимательно. С другой стороны, мне нечего скрывать. Вздохнув, ответила на звонок:

– Да, Кристоф.

– Ты занята?

Зная, что мне нужна практика, по привычке он заговорил на испанском, и я перешла на него.

– Нет, только ложусь.

– Ты уже дома? Как ты?

– Дома. Устала, проехала целый день. Возила родителей Алекс, организовывали похороны.

– Сочувствую. Кстати, об Алекс. Она оставила свой телефон у Богдана. Он хотел узнать, когда она сможет заехать за ним или лучше ему привезти?

– Не знаю. Давай я у нее завтра спрошу.

– Хорошо. Позвони мне тогда, я ему передам.

– О'кей.

Повисла пауза. Лично я не знала, о чем еще с ним разговаривать, ведь о дружеском общении для меня больше не могло быть и речи.

– Ты устала. Отдыхай, – все понял Кристоф, но не собирался сдаваться. – Желаю тебе сладких снов, душа моя.

– Спасибо.

Я сбросила вызов и посмотрела на Кирилла.

– Что он хотел?

– Сказал, что Алекс оставила телефон у Богдана. Хотел, чтобы я узнала, она приедет за ним или лучше Богдану привезти.

– Ты всегда говоришь с ним на испанском?

– По возможности, мне нужно практиковать язык.

– Что-то еще спрашивал?

– Спросил, дома ли я.

– Ты понимаешь, что он мог спрашивать это не просто так и сегодня ночью к тебе нагрянут гости?

– Что ты предлагаешь? Скрываться и убегать из собственного дома?! – воскликнула я.

Кирилл задумчиво смотрел на меня, а потом решительно сказал:

– Сегодня я останусь у тебя.

Я удивилась, а потом и вовсе округлила глаза – Ольховский стал раздеваться.

– Ты что делаешь?!

– Снимаю одежду. Не привык в ней спать, знаешь ли. Ты переодеваться будешь? Хотя ты устала, даже встать не можешь, – поддел меня, – ложись так.

– Слушай, это не очень хорошая идея, – занервничала я, когда он взялся за пряжку ремня.

– А как по мне – замечательная!

– Кирилл!

Но мой приглушенный писк совпал со звуком расстегиваемой молнии, и он снял джинсы.

– Ты что-то хотела? – прозвучало насмешливо. Нет, он просто специально дразнил и провоцировал меня!

– В зале есть мягкий диван.

– Замечательно. Перенести тебя туда? – с преувеличенной заботой спросил Кир. – Учти, спать я сегодня буду рядом. Знаешь ли, не хочу, чтобы тебя придушили, когда я лежу в соседней комнате.

Ой, что-то мне тоже этого не хотелось, но и вид Кирилла в одних боксерах спокойствия не внушал!

– А можно... чаю? – произнесла первое пришедшее в голову. Все что угодно, лишь бы потянуть время.

– Серебрянская, если ты что-то задумала... – сузил глаза Кир.

– Пожалуйста!

Я постаралась сделать само невинное выражение лица.

– Вот только встань с кровати... Отшлепаю! – пригрозил он и, сложив аккуратно свою одежду на стул, вышел из комнаты. В одних трусах!

Мой взгляд заметался по комнате. Что делать?! Выставить Ольховского я точно не в силах, разные весовые категории все же, но спать с ним?! Я села на постели, собираясь встать и переодеться. Валялась у меня пижама с брюками. Удобная, ни капли не эротичная. Я спала в ней, когда в доме было холодно. Чуть не встала с кровати за ней, но замерла. В памяти всплыла угроза Кирилла, и перед мысленным взором предстала яркая картина того, как с меня стаскивают пижамные штаны, чтобы отшлепать. Картинка почему-то имела эротический окрас, и у меня запылали щеки.

У-у-у, демон! Глухо застонала, осознав, что не буду провоцировать его. Убрала покрывало с кровати и, расстроенная, залезла под одеяло. Повернувшись на бок, задом к двери, улеглась поудобнее, мечтая заснуть до его прихода, а там уж трава не расти.

Когда вернулся Кирилл, я усиленно старалась задремать и на его появление никак не отреагировала.

– И кому я делал чай?! – проворчал он.

Прозвучало совершенно беззлобно, как будто чего-то подобного и ожидал. Я с трудом подавила улыбку. Чай был лишь поводом удалить Кира из комнаты. Я получила передышку и время успокоиться, но все оказалось напрасно. Свет погас, и постель прогнулась. Мое сердце пустилось вскачь. Ольховский в моей постели – с ума сойти!

Я напряглась, прислушиваясь к каждому его движению. Одеяло натянулось, и Кирилл лег. От волнения вся сонливость слетела с меня, и приходилось следить за дыханием, чтобы оно было ровным. Поверить не могла, что это происходит со мной!

Кирилл лежал без движения, но расслабиться не получалось. Напряжение лишь возрастало с каждой прошедшей минутой. Положение было пикантное. Я боялась каких-либо поползновений в свою сторону, так как понятия не имела, как реагировать на них, но при этом ждала их. Не верилось, что он вот так просто заснет. Ситуация усугублялась тем, что я не видела его и ориентировалась только на слух.

Когда прошло порядочно времени и я уже стала убеждать себя, что он просто спит, Кирилл повернулся на бок и придвинулся ко мне, положив руку на талию. Недовольно замычала, вроде бы спросонья, стоило ему прижать меня к себе.

– Спи, я сегодня приставать не буду.

Сегодня?! Такое заявление совсем не успокоило. Так и хотелось спросить: «А когда будешь?» Мысль о том, что он все же планирует приставать, крайне взволновала. Кирилл как будто подслушал и продолжил шокировать.

– Я возьму тебя утром, когда ты еще будешь разомлевшая после сна.

Возбуждение мощной волной прокатилось по телу. Сразу стало жарко. Злость на реакцию собственного тела и возмущение от его самоуверенного заявления заставили меня нарушить молчание.

– Ольховский! – зашипела я и предприняла попытку вырваться.

– Спи, – рассмеялся он, без труда удерживая меня. Не удалось разжать хват его руки, а он еще и ногу навалил, полностью пленяя.

– Считаешь, что я засну после такого заявления? – возмутилась я, продолжая извиваться.

– Считаю, что ты хрюшка и бессовестно пользуешься моим хорошим отношением к тебе.

И он положил мне подбородок на макушку. Я замерла, так как в его словах была доля истины. Он носитя со мной, помогает. Сегодня накормил, сделал массаж, вон даже чай пошел заваривать. Испытала облегчение от того, что он просто дразнил меня, и с его стороны это была маленькая месть. А легкое разочарование предпочла проигнорировать, чувствуя себя глупо из-за того, что поверила.

– Спи, – повторил Кирилл, и я расслабилась. Прозвучало успокаивающе, мне даже почудилась нежность в голосе.

– Ногу убери, – все же ворчливо попросила его. Между нами был мой плотный халат, а вот ноги соприкасались кожа к коже.

Кирилл убрал ногу, а насчет руки на моей талии я промолчала. После того как расслабилась, лежать в его объятиях оказалось неожиданно приятно. Он больше не лез с разговорами, и сама не заметила, как пригрелась и провалилась в сон.

Глава 13

Богдана разбудил настойчивый звонок телефона, и он с трудом открыл глаза. Вчера они с Кристофом засиделись допоздна, вспоминая прошлые деньки, и голова трещала невероятно. Взглянув на дисплей сотового и увидев время – два часа ночи – и имя звонившего, забористо выругался на латинском. Отца никогда не заботила разница во времени. Если он не спит, то и другие не должны.

– Слушаю.

– Что у вас там творится?

– Ты не читал мой доклад? – ровным тоном спросил Богдан, и никто бы не догадался по его голосу, что он недавно спал и у него трещит голова. Как всегда предельно собран и холоден. Копию своего отчета он отправил отцу, как и докладную записку насчет работы Савицкого.

– В том-то и дело, что читал, но не понимаю, почему ты сам решил заняться этим делом. Оставь охоту ищейкам.

– Так получилось, что я сам вышел на след скверны и хочу довести дело до конца.

– Эта работа давно не твоего уровня. Ты торчишь там, когда дела компании требуют твоего внимания.

– С каких пор бизнес у нас на первом месте? – парировал Богдан. – К тому же я инспектирую работу фонда. Не мне объяснять, как важна кристальная репутация, а имя нашей семьи тесно связано с благотворительностью.

– Я рад, что ты помнишь про семью, – язвительно ответил Вацлав Ковальский, но изменил тон. Впрочем, это всегда происходило, когда он говорил об Ирен. – Тебе сестра звонила?

– Да, недавно, – напрягся Богдан. Неужели она не послушалась и вывалила все свои сомнения насчет брака на отца?!

– Мне она с момента отъезда не звонила.

Богдан облегченно выдохнул. Даже не заметил, что не дышал после отцовского вопроса.

– Наверное, считает, что ты и так все знаешь о ней через охрану.

– Пусть злится. Я и так пошел у нее на поводу и уменьшил число охранников. С каждым годом она становится все больше неуправляемой. Отказывается понимать, что ей нельзя выходить без сопровождения. Замуж ей пора! – заключил Вацлав. – Ты не знаешь, они дату свадьбы назначили?

– Отец, не мне тебе объяснять, как Хан сосредоточен, когда ведет дело. Неподходящее время для романтики.

– Думаешь, я не заметил, насколько редко он бывает дома? Посылая к нему Ирен, я надеялся напомнить ему о том, что у него есть невеста. Можешь передать, что, если они не назначат дату свадьбы, за них это сделаю я на Рождество!

Богдан поморщился, как от зубной боли, и был рад, что отец не видит его лица. Время поджимало, и он не представлял, как Хан с Ирен будут выкручиваться.

– Я устал ждать внуков. Тебе тоже давно пора подумать о семье.

– Предлагаешь привезти невесту из России?

– Я уже согласен на любую. Лишь бы не черная и не еврейка, – со вздохом уточнил Вацлав, будучи тем еще расистом.

– Ладно – черная, но евреи тебе чем насолили?

– Мне не нравятся их гены, – отрезал отец и прервал звонок.

Богдан отложил телефон и потер виски. На него всегда угнетающе действовали разговоры о свадьбе. Он понимал, что, устроив судьбу Ирен, отец вплотную возьмется за него и лучше иметь на примете подходящую кандидатуру в невесты.

Мысли услужливо подсунули образ Алекс. Воспитание, красота, страстность, достойные родители. Отец дал понять, что даже закроет глаза, если невестка будет не из их круга. Все хорошо, кроме одного – Богдан не хотел жениться. Но, зная настойчивость и коварство отца, не исключал возможность того, что придется это сделать.

Ничего, выкрутится. Лег обратно в постель и попытался заснуть. Всегда решал проблемы по мере их поступления, но продумывал и готовил ходы заранее.

* * *

Мне снилось море. Спокойное, ласковое, теплое. Я лежала на воде, и мое тело покачивалось на волнах. Нежась под жаркими солнечными лучами, ощущала каждой клеточкой приятную истому и... возбуждение. Ноги были раскинуты, и вода касалась потаенных уголков, дразня и искушая.

Окружающее пространство укутывали тишина и покой. Чувствуя себя легко и свободно, приглушенно застонала и раскинула ноги шире, отдавая себя на волю волн. Как будто в благодарность, вода усилила натиск, лаская

кожу. Щекотала шею, ключицы, плечо, ластилась к груди. Наполняла меня, подобно мужчине, овладевающему женщиной. Я буквально ощущала внутренними мускулами, как она входит и выходит, даря телу пронизывающее наслаждение и заставляя желать большего.

Я стонала, двигая бедрами в ритме волн и жалея, что он так неспешен. Тело наполнялось сладкой мукой, желая большего.

– Пожалуйста, – просяще прошептала я и проснулась от звука собственного голоса.

Хватило мгновения, чтобы осознать происходящее. Я млела под реальными ласками, и отнюдь не воды!

– Ки-и-ир! – в моем голосе прозвучало обвинение пополам с возмущением.

Одеяло сползло к ногам, а сама я хоть и проснулась на боку, как и засыпала, но теперь между моих ног вклинилась мужская, халат практически снят и прикрывает только ту руку, на которой я лежу. Можно и замерзнуть, но не тогда, когда сзади к тебе тесно прижимается горячее мужское тело, и одна рука сжимает грудь, а вторая ласкает между ног. Прикосновения были донельзя откровенные, окончательно ставя крест на дружеских отношениях.

Резкое изменение формата нашего общения меня напугало. Да что сказать, пробуждение основательно выбило из колеи. Я рванулась от бывшего друга, но не смогла даже на чуть-чуть отстраниться. Наоборот, меня лишь сильнее сжали в объятиях.

– Куда сбегаете?

– Кирилл!

Я возмущенно обернулась к нему, одновременно стараясь остановить его руку у меня между бедер, которая продолжала ритмичные движения. Теперь понятно, на каких волнах я покачивалась!

Мне подарили быстрый поцелуй и лишь после этого ответили:

– Я же тебя предупреждал, что будет утром.

Скрестила ноги, сжимая его руку.

– Я думала, ты шутишь!

И отвела вторую от своей груди. Слишком легко он поддался, но лишь для того, чтобы поймать мою ладонь и прижать к груди, поглаживая запястье.

– Разве таким шутят. Помнишь, что я обещал? – прошептал мне в губы. Взгляд зеленых глаз был мягким, но я видела в нем желание.

– Кир... – кажется, у меня закончились все слова.

– И не проси. Ты сама пришла ко мне.

– Это месть за прошлое? – выдохнула я. Казалось крайне важным докопаться до мотивов его поступков.

– Месть? – Кирилл даже удивился. – Нет. Я оставил тебя в прошлом и сам бы никогда не искал встречи. Но ты появилась на моем пороге, и я понял, что чувства никуда не делись.

У меня перехватило дыхание от признания. Даже не так – исчез весь воздух, оставляя в вакууме. Оглушенная, я замерла, не зная, что сказать, и смотря на него во все глаза. В нашу первую встречу у меня вообще создалось впечатление, что он не рад меня видеть.

– Серебрянская, в чем-то я тебе благодарен, но ты все равно должна мне. Я предупредил, что утром у нас все будет. Решай, пока я даю тебе эту возможность, будет это один раз или мы станем встречаться.

– Ухаживания решил опустить?

– Ты чего-то обо мне не знаешь? – усмехнулся Кирилл, дразняще касаясь моей нижней губы, от чего тут же быстрее забилось сердце.

Вообще-то не знала. Эти несколько лет его сильно изменили, и хотелось бы понять, как он жил. Да что сказать, мне было интересно все, что его касалось.

– Признайся лучше, что навсегда записала меня в свою френдзону и не хочешь менять отношение. Тут нужны шоковые методы. Согласен стать твоим парнем, любимым, любовником, но друзьями нам больше не быть.

Сказал как отрезал. Стало больно от понимания того, что дружбу не вернуть. Действительно, шоковый метод, когда лежишь обнаженной и руки того, кого считала другом, касаются самых интимных мест, а сзади упирается весомое доказательство желания.

Наверное, от волнения, но почему-то последний факт развеселил. Ощутила себя подростком, притащившей в дом парня, когда родители отсутствуют, и познающей радости секса. Вообще-то, у меня никто из парней не ночевал, Кирилл первый, а тут родители уехали, и я пошла вразнос.

– Решай. Мне нужен твой ответ, – поторопил Кир.

– Отчего сейчас? – было страшно решиться.

– Мне нужно знать. Если это единственный раз, я сделаю так, чтобы он был запоминающимся, фееричным.

Честно, поверить не могла, что мы обсуждаем с ним на полном серьезе предстоящую близость!

– Если же встречаемся, я буду любить тебя, познавая... не спеша...

Я изогнулась, заглядывая ему в лицо, отмечая отросшую за ночь щетину, делающую Ольховского еще более привлекательным, а потом

вообще повернулась на спину. Даже собственная обнаженность в этот момент не смущала. Вообще с ним я чувствовала себя раскованно и свободно. Это же Кирилл! Несколько лет назад он признавался мне в любви, а сейчас прямо сказал, что чувства живы.

Мы опять вернулись к тому, на чем расстались. Чего я тогда боялась? Потерять дружбу? Так уже потеряла, и если скажу «нет», мне больше не будет места в его жизни. Не могла с уверенностью сказать, что хочу с ним встречаться, но зато твердо знала, что больше не хочу его терять.

Он все еще прижимал мою ладонь к груди. Я высвободила ее и дотронулась до его лица, кончиками пальцев обводя черты. И призналась:

– Мне тебя не хватало.

– И твой ответ... – с напряженным взглядом Кирилл склонился надо мной, и в глубине его глаз горело лихорадочное нетерпение.

– Да.

Я все же это сказала! Но Кир не шелохнулся.

– Что «да»?

– Все «да». Ты нужен мне. Прости, что тогда испуга...

Договорить мне не дали. Кажется, после слов «Ты нужен мне» он больше ничего не желал слышать. Поцелуй был просто сумасшедший. Внутри все затрепетало от его нескрываемой радости, от доказательства того, что я ему до сих пор дорога. Обняла – теперь уже официально своего парня – и с жаром ответила на поцелуй. И последние сомнения отпали. Я дам нам шанс, потому что если не использую его, буду жалеть об этом всю жизнь.

Хотелось убедиться, что вправе называть его своим. Теперь уже мои руки лихорадочно изучали его тело, зарывались в короткие волосы на затылке, гладили литые мускулы. Все это вперемешку с пьянящими поцелуями, кружащими голову и переполняющими сердце чувствами.

– Уверена? – Кирилл отстранился, заглядывая в глаза. – Я тиран и деспот.

– Если будешь зарываться, воспользуюсь платком, – беспечно произнесла в ответ.

– Не стоит его надевать, пока мы не изучим воздействие, – предупреждение прозвучало серьезно.

– Тогда не зарывайся.

Я не стала ничего обещать. Меньше всего в этот момент хотелось обсуждать шейный платок.

– Покусаю, – он прихватил зубами подбородок.

– А кто-то обещал любить.

– Все для тебя...

Место укуса лизнули и стали прокладывать дорожку поцелуев по шее, ключицам, губы поиграли с грудью, а потом стали спускаться ниже.

– Почему «для меня»?

Я схватила его за плечи, останавливая. Порыв оценила, но в первый раз хотелось разделить удовольствие на двоих, глаза в глаза, а я бы точно сорвалась, коснись он меня там.

– Я не взял резинку. Как-то не планировал, спеша к тебе. Поэтому сейчас летать будешь ты.

– Что?! А как же фееричный единственный раз? Ты себе это как представлял?!

Ничего не понимала, а Кирилл вернулся и навис надо мной.

– Серебрянская, мне есть кого поиметь, а заниматься любовью с той, которой не нужен, я бы не стал.

Наслаждаясь моей растерянностью, он улыбнулся и поцеловал. Нежно, бережно, смешивая наше дыхание и кружа голову. От понимания, что прими я другое решение и он бы ушел, обняла крепко-крепко, не желая отпускать. А потом для верности еще и ноги скрестила за его спиной. Но признание о том, что я на таблетках, решила сделать чуть позже. Не только ему быть коварным.

* * *

Наблюдать, как Кир в одних джинсах хозяйничает на моей кухне, было странно. Вроде бы это я хозяйка и должна его угощать, а получается, что просто сижу и палец о палец не ударю. Кирилл нашел в холодильнике приготовленные мамой блинчики с творогом и разогрел, достал сметану, расставил тарелки, сделал нам кофе. Мне только и оставалось, что следить за его передвижениями и любоваться, как перекачиваются мускулы под кожей, задаваясь вопросом, не специально ли он остался с голым торсом. Впрочем, я не имела ничего против.

Он прекрасно ориентировался, что у нас где. Ведь ремонтов мы не делали, и все осталось по-прежнему. Вот когда Кристоф варил нам кофе, меня коробило, что тот лазит по шкафчикам, с Кириллом же ничего подобного, он чувствовался своим человеком.

Ирония судьбы, я так опасалась близости между нами, а на деле вышло, что еще ни с кем мне не было так хорошо. Подтянув к себе колено, мечтательно улыбнулась, склонив голову и прикрыв глаза. Спать хотелось

неимоверно. Если бы не звонок Саши, которая сказала, что мы встречаемся через час, я бы еще дрыхла. Учебу мы пропускали, так как оставалось много вопросов насчет похорон, которые следовало решить. Саша уже позвонила нашей старосте и предупредила о причине отсутствия. Проблем не должно быть.

Лежать в объятиях Кирилла оказалось неимоверно приятно и уютно, а зная, какой тяжелый день предстоит, хотелось продлить мгновение. В душе царило умиротворение и покой, и я старалась не думать о грустном. Хотя в голову лезли мысли насчет того, что смерть и любовь всегда рядом. Не случись несчастья с Аделаидой Стефановной, и я бы никогда не пришла к Ольховскому.

После звонка Сашки пришлось вставать и плестись под душ, а Кирилл занялся нашим завтраком. Как же с ним легко! Наверное, потому, что знаем мы друг друга сто лет. С утра меня напрягло его жесткое заявление о том, что между нами все будет. Такое поведение противоречило характеру Кира, которого я знала. Приятно убедиться, что он изменился не настолько круто, и все это было для того, чтобы я увидела в нем мужчину.

«Ага, увидела и даже пощупала», – хихикнула про себя.

– Будешь так улыбаться, и я утащу тебя в постель.

Лениво приоткрыв глаза, обнаружила его обнаженный торс буквально перед носом. Обняв, прислонилась щекой, пробормотав:

– Не нужно о постели. Я спать хочу. – Возмущаться о том, что будят тут всякие в несусветную рань, не стала. Вот на это жаловаться совсем не хотелось. – Если бы не Сашка, сама бы тебя туда утащила.

– Ты расскажешь ей о нас? – спросил он, обнимая меня.

– Нет.

Если бы к нему не прикасалась, никогда бы не поняла, что он напрягся, так как вопрос был задан совершенно ровным тоном:

– Почему?

Открыв глаза, подняла голову, взглянув на Кирилла снизу вверх. Взгляд зеленых глаз был спокоен, а вот выражение лица непроницаемо.

– Не хочу говорить о том, что счастлива, когда у нее горе. Потом, ей сейчас не до меня.

Провела рукой по его спине и боку, погладив. Пальцы нащупали шрам. Я обратила на него внимание еще раньше, но тогда было не до вопросов.

– Откуда это у тебя? – обвела рубец.

– Долгая история. Пей кофе, остынет, – отстранился Кирилл.

Нехотя отпустила его и потянулась к чашке. Кофе точно не помешает. Может, взбодрит.

Кир сел за стол, но я не собиралась отступать. Хотелось узнать о нем как можно больше.

– И все же. В армии?

– Нет, еще до нее. Прицепились отморозки и порезали, – спокойно сообщил Кирилл, орудуя ножом и вилкой, разрезая на кусочки блинчик.

– Ты лежал в больнице?! – сообразила я. Путем недолгих подсчетов стало ясно, что это случилось после выпускного, но перед тем, как он ушел в армию. Возможно, все произошло после его признания мне, и он именно поэтому не искал со мной больше встреч.

– Да, пришлось немного поваляться.

– Но почему никто мне не сказал?! – Я не могла понять. – И ты молчал.

– Я никому не говорил. Стоило представить, как мне начнут всем классом таскать апельсины и бананы, так начиналась аллергия на фрукты, – пошутил Кирилл, но потом бросил на меня острый взгляд. – Если б ты позвонила – сказал бы, а звонить самому – нарываться на жалость.

Представила, как он лежал в больнице и его никто не посещал, кроме родных, и сжалось сердце. Знала бы я тогда! Стало совестно.захотелось объяснить свое поведение. Получалось, что меня не было рядом, когда была нужна. Мы же дружили. Какой из меня тогда друг?

– Дуралей! Ты ошарашил меня и пропал. Я понимала, что нам нужно поговорить, рука много раз тянулась тебе позвонить, но потом приходила мысль, что ты, возможно, уже жалеешь о своих словах, раз больше не пришел. Если бы я узнала, что ты в больнице, – обязательно бы навестила. И совсем не из жалости!

Да что теперь об этом говорить. Расстроенная, повертела в руках вилку, наблюдая за тем, как ест Кирилл. У самой от волнения аппетит пропал и кусок в горло не лез. Раз уж мы заговорили о прошлом, решила задать еще один вопрос.

– Не понимаю, почему ты не стал поступать и пошел в армию. Из-за нападения?

– Частично, – ответил Ольховский. Чуть помедлил, а потом прямо посмотрел на меня и продолжил: – Пока валялся в больнице, у меня было много свободного времени.

Он сделал паузу, и я почувствовала, что сейчас услышу нечто важное.

– Я не знал, как у тебя дела, ты не позвонила ни разу, и я... взломал твои аккаунты в соцсетях.

Вилка выпала из рук, звякнув по тарелке. С ужасом уставилась на Кирилла. Нет, напугало не то, что он меня взломал, – я просто вспомнила, о чем мы в то время с Сашкой переписывались. Она довольно нелицеприятно

отзывалась о Кирилле и долгое время не могла успокоиться, ехидно проезжаясь на его счет и подкалывая меня.

– Вижу, ты помнишь, что я там прочитал, – резюмировал Кирилл, а у меня пересохло во рту. – Впрочем, в чем-то Лебедева была права. Я был настоящим ботаником и тебе не пара. В какой-то момент понял, что, окажись ты рядом со мной при нападении, я бы не смог тебя защитить. Настоящий слабак.

– Желая стать сильнее, люди идут на курсы самообороны. Зачем было идти в армию?

– Мне захотелось круто изменить свою жизнь и сменить обстановку, – равнодушно пожал плечами Кирилл. – Сейчас понимаю, что это было правильное решение.

– Не хотел случайно встретиться со мной?

– А что мы могли друг другу сказать? Я был смешон.

– Нет! – кажется, меня прорвало. – Лично мне смешно не было. Я сто раз пожалела, что поделилась с Сашкой, и хотела, чтобы она поскорее об этом забыла. Что я могла ей сказать? Начни я с ней спорить, и она бы еще долго не угомонилась, высмеивая меня.

Выдохнула, стараясь взять себя в руки, и заговорила спокойнее, подбирая слова. Как объяснить то, что сама толком сформулировать не могла?

– Стоило заикнуться о том, что ты мне дорог, и она бы и дальше продолжила топтаться по больному в желании прочистить мне мозги, по ее мнению. Я никогда не считала тебя слабаком, восхищалась умом, нравилась наша легкость в общении. Просто была растеряна. Боялась, что, начни мы встречаться, если не получится, то потеряю друга.

Совру, если скажу, что не чувствовала симпатию с его стороны, но он никогда не выходил за рамки дружеского общения. Если между нами и были прикосновения, то самые невинные.

– Но за все время ты даже не спросила, как дела.

Я опустила глаза, взяв вилку и ковырнув блин.

– Несколько дней после нашего разговора я была в замешательстве и считала, что ты даешь мне время подумать, но время шло, ты не объявлялся. С каждым прошедшим днем позвонить самой или просто послать сообщение становилось все труднее. – Подняв голову, встретила его внимательный взгляд. – Насколько успела изучить, тебе присущи настойчивость и упорство. Раз так легко исчез из моей жизни, я сделала вывод, что все не всерьез и ты не хочешь со мной больше общаться.

Несколько долгих мгновений мы смотрели глаза в глаза. На душе

стало легче. Была рада, что поговорили об этом. Вся эта история тяготила меня. Казалось, что я смалодушничала, не сделав в свое время попытки найти Кирилла и поговорить с ним.

– Ты же понимаешь, что теперь я не отпущу тебя? – медленно проговорил Кир, а меня накрыло облегчением.

Он не уйдет, потому что не простил мне прошлого! Он вообще не уйдет! Готова была провалиться сквозь землю от того, что он читал все Сашкины слова о нем. Я ведь не защищала Кирилла, а старалась перевести тему, не вступая в дискуссию. Каково ему было видеть мое отношение в переписке, когда сам валялся в больнице? Хорошо, что сейчас все выяснили!

Я почувствовала необычайную легкость и в притворном возмущении воскликнула:

– Только попробуй! Ты сказал, что согласен быть моим парнем, любимым, любовником. Так вот – я согласна на все три пункта.

– Сразу на три? – приподнял бровь Кирилл, а в глазах зажегся веселый огонь.

– Ага, беру оптом! – ткнула в него вилкой для убедительности.

– Иди сюда, чудовище, – фыркнул Кир, сдерживая смех.

– Ты совершенно не умеешь обращаться с женщинами. – Тем не менее я встала с места и обошла стол. – Теперь понимаю, почему так коротко стрижешься. После таких нежностей можно без волос остаться. Учись! Можно называть меня незабываемой...

Я ахнула, так как Кирилл отодвинулся и сграбастал меня, усадив к себе на колени.

– Восхитительной... – продолжила, обнимая его за шею.

– Любимой, – закончил за меня и поцеловал. Нет, он определенно быстро учится!

Глава 14

У Лебедевых уже с утра скандалили. Насколько поняла, Инесса Павловна, мать Саши, собиралась пригласить нужных людей на поминки, а сама Сашка психовала, прося собрать лишь близких друзей и не устраивать цирк.

– Пойдем выпьем кофе, – пригласил меня в гостиную Валентин Павлович.

В ссору жены и дочери он предпочитал не вмешиваться.

– Тамара, кофе, – попросил домработницу.

Судя по мученическому выражению лица Тамары, препирательства шли уже давно. Сама домработница выглядела не очень. Покрасневшие глаза выдавали недавние слезы. Все же они с Аделаидой Стефановной вместе не один год.

– Кристина, мы очень благодарны тебе за помощь.

– Что вы! Я любила Аделаиду Стефановну и рада, что могу быть полезна.

– Валентин, вот записная книжка твоей матери, нужно решить, кого следует известить, – в комнату стремительно вошла мать Саши.

– Мама! – следом влетела и сама Александра.

– Не обсуждается! – отрезала старшая Лебедева, обернувшись на дочь.

– Дорогая, уверен, ты прекрасно справишься с этим сама. Извини, нам пора ехать, а мне следует переодеть рубашку, – заявил ее муж, тыча пальцем в несуществующее пятнышко на манжете, и встал, спеша ретироваться от чересчур взволнованной жены.

– Саша, ты готова? – отвлекла я внимание подруги, тоже поднявшись.

В доме царила такая атмосфера, что задерживаться не хотелось.

– Почти, не могу свой телефон найти.

– Я знаю, где он. Пойдем, подождем внизу.

– Я его что, у тебя в машине оставила? – удивилась она.

Тут вернулась домработница с чашкой.

– Кофе!

– Тамара, спасибо, но мы уже уходим, – поблагодарила я.

– Заварите лучше мне зеленый чай, – попросила мать Саши, а я в это время уже незаметно подталкивала подругу в сторону выхода.

– Сил моих больше нет, – пожаловалась Сашка, когда мы загрузились в лифт. – Мама перегибает, а отец не делает ничего, чтобы ее хоть как-то

вразумить. Они меня просто бесят!

– Что с учебой? Будешь переводиться?

– Нет, собираюсь доучиться здесь. Тамара останется, продолжит вести хозяйство. Хоть что-то будет по-прежнему! Ты же слышала вчера, что мать хочет продать квартиру? Ничего, я еще поговорю с отцом. Нужно еще уточнить у нотариуса, может, бабушка оставила завещание. Дома мы ничего не нашли, но это пока ни о чем не говорит.

– Нам сегодня еще к нотариусу?

– Нет, это не к спеху. Нужно сначала свидетельство о смерти получить.

На этих словах голос дрогнул, и подруга устало привалилась к стенке лифта, закрыв глаза.

– Саша... – потянулась я к ней, но в этот момент двери открылись.

– Ничего, я в порядке, – встряхнулась Алекс, вытирая набежавшие слезы. – Только я такая дура! Столько лет мечтала вырваться из-под бабулиной опеки, а теперь понимаю, что она была самой адекватной в нашей семье. Мать меня вообще не слышит! Я понимаю, что она не любила бабушку, только нужно и совесть иметь, а то готова уже сейчас все вещи ее из квартиры выбросить.

Меня это, кстати, тоже покорило, но кто я такая, чтобы лезть в их семью.

– Ты свой телефон у Богдана забыла, – сменила тему, выйдя на улицу. – Кристоф звонил. Сказал, Богдан хотел узнать, ты заедешь за сотовым или тебе его завезти?

– Точно! А я голову ломала, куда его засунула. Крис, давай съездим потом к Богдану? – умоляюще посмотрела Сашка. – Если я дома с родителями останусь, то просто взорвусь!

– Хорошо. Ты телефон Богдана помнишь?

Я достала свой сотовый. Перезванивать Кристофу не хотелось. Лучше напрямую с Богданом связаться.

– Нет, – поникла подруга.

– Посмотри номера. Он мне звонил как-то, но я не записала его в контакты. – Я протянула ей свой телефон.

Саша стала листать историю звонков и почти сразу спросила:

– А что это за Кирилл тебе звонил?

– Ученик, – соврала не задумываясь. Рассказывать о встрече с Ольховским я не спешила. Уже один раз поделилась с ней. Наши отношения с Киром только начинались, и не хотелось больше рисковать.

Потеряв интерес, Сашка углубилась в поиски номера, а я, чуть прикрыв глаза, вспоминала наши поцелуи и как Кирилл потом кормил

меня, сетуя, что я ничего не ела и голодной он меня не отпустит.

Время поджимало, и пока я носилась по дому, собираясь, он сходил за флешкой. Подключив к моему компу, показал программку, которую следует запустить, и объяснил, как стереть следы своей деятельности. Я перекинула для конспирации на флешку несколько учебных пособий, которые обещала отправить на почту своему ученику. Будет повод воспользоваться компьютером Богдана.

Тихий голос совести, вещавший, что Богдан не имеет отношения к нападению на Аделаиду Стефановну, проигнорировала. На даче они были? Были. Калитку и входные двери открыли без ключей, ведь все комплекты на месте. К этому стоит добавить появление Кристофа у меня дома. Нет, может, кто-то и до него в мою квартиру вломился, но также и Морено был способен сделать это. Поэтому я была согласна с утверждением Кирилла, что их следует проверить.

Мой телефон пискнул, уведомив о полученном сообщении.

– Твои родители, – вернула мне сотовый Саша.

Открыв сообщение, выяснила: родные беспокоятся о том, что меня не застать в скайпе. Некстати вспомнила, как обещала маме каждый вечер связываться с ними. Кто ж знал, что все так закрутится. Ответила, что все в порядке, была занята. Тут же пришло еще одно сообщение – они надеялись вечером со мной поговорить.

Родители знали, что в это время я на лекциях, и больше писать не стали, но я понимала – если не свяжусь сегодня с ними, мама отцу плешь проест от беспокойства.

– Нашла номер? – со вздохом посмотрела на Сашу.

– Нет.

Из моей груди вырвался еще один тяжелый вздох, и я набрала Кристофа.

– Доброе утро, душа моя, – практически сразу ответил он.

Меня удивило такое обращение. Раньше, когда мы перезванивались, он был игрив, флиртовал, но без всех этих нежностей.

– Привет! Я сказала Алекс насчет телефона. Ты не мог бы скинуть мне номер Богдана, чтобы она ему позвонила.

– Алекс с тобой?

– Да.

– Богдан тоже рядом. Дай ей трубку.

Я передала сотовый в нетерпении глядящей на меня подруге. По одному тому, как изменилось выражение ее лица от звука голоса Богдана, поняла, что влюбилась Сашка по самые уши. От этого решимость узнать

подноготную Богдана лишь окрепла. Не хочу, чтобы он играл чувствами подруги или причинил боль. Не позволю кому-либо ее обижать!

Договорившись, что мы приедем к нему вечером, Саша отдала мне трубку, а я скинула вызов. Не успела ничего сказать, как телефон зазвонил вновь. Кристоф. Вернула сотовый подруге, думая, что это Богдан забыл что-то.

Улыбка пропала с Сашкиного лица, и она протянула трубку обратно, одними губами прошептала: «Кристоф».

– Да?

– Мы не попрощались, – укоризненно произнес испанец.

– Извини. Удачного тебе дня.

– Хотел бы ответить тебе тем же, но знаю, какие тяжелые хлопоты вам предстоят. Могу я вам чем-нибудь помочь? Может, прислать машину с водителем? На каком кладбище собираетесь хоронить? Вам помочь договориться?

– Спасибо, но с этим проблем нет. Когда умер муж Аделаиды Стефановны, она купила место рядом с ним.

– Вы уже заказали ресторан? Могу скинуть телефон одного приличного заведения в центре, вам сделают хорошую скидку.

– Еще нет, но не хотелось бы тебя утруждать.

– Никаких проблем. Сейчас пришлю тебе номер. Скажи, что от меня.

– Спасибо.

– Рад помочь. Ты сегодня дверь квартиры закрыла?

– Да, и даже проверила, – поспешила заверить я. Еще не хватало повторно его у себя застать.

– Жаль. Мне бы хотелось накормить тебя вкусным ужином, – с сожалением произнес Кристоф. – К вечеру ты устанешь и вряд ли согласишься пойти со мной в ресторан.

Я молчала, пока он рассуждал, так как никуда идти с ним точно не собиралась.

– Хотя... вы же сегодня вечером будете у Богдана! – тут же вспомнил он, воспрянув духом. – Решено! С меня ужин. Я приготовлю паэлью с морепродуктами по своему фирменному рецепту.

– Кристоф, не надо! – спохватилась я, понимая, что теперь и он к Богдану вечером зайвится.

– Не спорь! Вы такой ни в одном ресторане не попробуете. Семейный рецепт. До вечера, душа моя.

Он отключился, а я выругалась сквозь зубы. Хотелось что-нибудь попинать. На присутствие Кристофа вечером я как-то не рассчитывала.

Думала, пока Саша будет с Богданом, попрошу его разрешения воспользоваться компьютером. А теперь как?

– Что? – с беспокойством посмотрела на меня подруга.

– Вечером Кристоф приготовит нам паэлью, – мрачно ответила я.

– Оу, он серьезно настроен тебя покорить.

– Саша! – возмутилась я.

– Крис, мне кажется, он хочет извиниться за свое поведение. Нет, я его не оправдываю, – поспешила заверить Алекс, когда я испепелила ее взглядом. – Просто... он же испанец, горячая кровь, а ты ему явно нравишься. Не хочешь с ним встречаться – не надо, но прими пальмовую ветвь. В нашем случае – паэлью, – грустно улыбнулась она.

– Эй, ты чего?

– Просто подумала, что у вас с Кристофом больше шансов, чем у меня с Богданом. У Кристофа здесь бизнес, он никуда не уедет, а Богдан...

– Саша, было бы желание, а возможность найдется. Будете с ним по скайпу общаться. К тому же он не бедный студент, и билеты на самолет для него не проблема, – попробовала успокоить ее.

Из подъезда вышел Валентин Павлович, и наш разговор прервался.

* * *

– Я правильно понимаю, что сегодня ужин готовишь ты? – усмехнулся Богдан, поигрывая ключами от машины. Звонок застал их выходящими из дома. – И настроен серьезно, раз делаешь упор на морепродукты.

– Надеюсь, ты не против?

– Только «за», если обойдешься без особых специй. Кристина не дурочка и сразу спишет внезапное влечение на их действие.

– Нет, – протянул Морено, прищурился взгляд, устремленный на хмурое небо, – ее я завоюю честными методами.

– Надеюсь, военные действия будешь проводить не на моей территории? Не повторяй прошлые ошибки.

– Сегодня просто ужин. Я хочу, чтобы она почувствовала себя со мной в безопасности.

Богдан не стал демонстрировать свой скептицизм. Не в его правилах было лезть в чужие отношения. Они распрощались до вечера, и каждый сел в свою машину. Правда, вспоминая самоуверенность Кристофа, Ковальский про себя посмеивался. Эта девушка еще преподнесет ему сюрпризы. Сам же Богдан хотел проверить, носит ли Кристина браслет. Непонятно почему,

но его это цепляло, а он привык прислушиваться к своим ощущениям.

Правда, после визита к Савицкому хорошего настроения поубавилось. Полиция вышла на след, опрашивая жильцов. Напавшие на квартиру Лебедевой засветились на камере видеорегистратора одного из жильцов. Тот как раз высадил жену с пакетами у дома и искал, где бы припарковаться. Двоих крепких мужчин, вышедших из подъезда, он запомнил и сопоставил с ограблением.

И сейчас, просматривая копию видеозаписи, Богдан отметил, как слаженно двигались нападавшие. Определенно военная подготовка. Лица лишь на несколько секунд попали в кадр, но и этого хватило. Теперь неизвестных искали и полиция, и их люди. Савицкому не поздоровится, если его опять опередят.

Не нужно объяснять, как важно определить, на кого эти двое работают. Программисты уже искали их по базам, но пока результатов не было. Ясно только, что к Ордену они никакого отношения не имели, а это наводило на мысль, что в городе завелась Хищница. Среди одержимых довольно часто появлялись желающие собрать несколько предметов и обрести еще большее могущество. Но больше всего настораживало, что нападавшим было известно о наблюдении за квартирой Лебедевых. Это указывало на утечку информации, и Богдану происходящее нравилось все меньше и меньше.

Такие же эмоции одолевали и Кристофа после звонка с неопределившимся номером абонента.

– На нашем месте в два.

Всего несколько слов изрядно подпортили ему настроение. Как несвоевременно. Пришлось перекраивать планы на день и переносить деловую встречу. Тем не менее ровно в два он подъехал на набережную и, включив аварийку, остался ждать в машине. Минут через десять впереди него остановился Lexus LX с тонированными стеклами.

Морено вышел. Одновременно с ним вышел и водитель подъехавшего авто. Обогнув машину, он открыл заднюю пассажирскую дверь и остался стоять на улице.

Кристоф догадывался, зачем понадобилась эта встреча. Ему и самому было что сказать без лишних ушей. Губы растянулись в хищной улыбке, стоило увидеть в полутемном салоне сцепленные в замок руки в перчатках.

Волнуется. И правильно делает.

Мы поехали посмотреть ресторан, который посоветовал Кристоф. Близилось время обеда, и было решено там перекусить, заодно оценив кухню. Я высадила Сашу с отцом и направилась искать место парковки. В центре всегда с этим проблема, а у ресторана тем более все забито.

Мне повезло найти свободное местечко неподалеку. Быстро поставив машину, взяла документы и телефон. Взгляд задержался на нем. Я была одна и решила воспользоваться этим, набрав Кирилла.

– Соскучилась?

От одного его голоса по коже побежали мурашки.

– Ольховский, скромнее нужно быть. Скромнее.

Знал бы он, насколько прав. В течение дня мысли нет-нет да возвращались к нему, нам. До сих пор не верилось, что мы вместе.

– Серебрянская, не знаю, как ты, а я до нашей встречи и не подозревал, насколько сильно мне тебя не хватает.

Губы сами собой разъехались в улыбке от уха до уха.

– Осторожнее, а то загоржусь.

– Ничего, если задерешь носик, мне будет лишь удобнее его целовать. Как ты?

– Звоню предупредить, что мы сегодня вечером едем к Богдану. Не знаю, когда вернусь. Мы пока с Сашкой это не обсуждали. Возможно, она останется там с ночевкой.

– Ничего, я буду ждать твоего возвращения. Ты сегодня обедала или тебя опять впроголодь держат?

– Как раз приехали перекусить в ресторан. Я тут паркуюсь. Ты сам-то ел?

– Нет, пока дела.

– Тогда не буду отвлекать.

– Лучше отвлекай, а еще лучше заканчивай пораньше и приезжай ко мне.

– А массаж сделаешь?

– Сделаю. Эротический.

– Кир!

– Серебрянская, хватит меня дразнить.

– Кто кого еще дразнит, – вздохнула я и отключилась.

В животе забурчало от голода. Хорошо еще, Кирилл не слышал этих завываний. Не мешало бы плотно поесть, а то бегать сегодня много. Не успела выйти из машины, как телефон зазвонил вновь.

– Не понял, а где «я тебя целую»? Уверения, что я лучше всех и ты с ума по мне сходишь?

– Ольховский, ты с ума меня сводишь! – абсолютно искренне произнесла я. – А из-за того, что утром я больше внимания уделяла поцелуям, чем завтраку, мой желудок устроил забастовку и требует срочно его накормить.

– А кто меня уверял, что в нее больше ни кусочка не влезет?

– Это было давно и неправда.

– Лиса! Пожелания насчет ужина будут?

«Только не паэлья!» – чуть не слетело с языка, но вовремя сдержалась. Вряд ли Кирилл обрадуют кулинарные порывы Кристофа.

– Я, скорее всего, поужинаю у Богдана.

– Остаться на ужин не обязательно, – с неудовольствием произнес мой новоявленный парень.

– Да? И как ты себе это представляешь? Мне с порога заявить, что нужен его компьютер, и, сделав дело, испариться в тумане?

– Не язви. У тебя от голода портится характер.

– Тогда радуйся, что к тебе я приеду сытая и соскучившаяся. Все, пошла есть! Целую.

Я щелкнула сигнализацией и потопала в сторону ресторана. Вот только телефон в моей руке зазвонил вновь.

– Ты забыла сказать, что я лучше всех.

– Не знаю, не знаю, – задумчиво протянула в ответ, усиленно подавляя коварную ухмылку. – Предлагаешь мне встречаться с другими и сравнивать?

– Серебрянская, ты играешь с огнем. Иди ешь, чудовище, а я придумаю, как тебе отомстить за одни такие мысли.

Прозвучало совсем не страшно и даже многообещающе. У меня точно в голове помутилось от голода, раз он меня чудовищем называет, а я улыбаюсь.

– Мне понравился массаж ног, если что, – скромно ответила я.

– Это единственное, что тебе понравилось? – со смешком спросил Кирилл, стараясь звучать грозно.

– Не только, я просто предлагаю с него начать.

– Наказание ты мое, – вздохнул он и уже серьезно добавил: – Будь осторожна.

– Буду, – пообещала ему. – Целую.

– И я тебя.

Кирилл отключился, а я испытала легкое чувство вины, что не сказала о Кристофе. С другой стороны, знай он о нем, точно бы запретил мне ехать, а такого удачного момента попасть к Богдану может больше и не

представиться.

* * *

Звонок в дверь вытащил меня из душа. После мотаний по городу, вернувшись домой, я решила освежиться.

– Ты быстро, – удивилась я, обнаружив за дверью Сашку.

Мы договаривались, что она придет, отпросившись у своих на ночевку ко мне. Но не ожидала, что вырвется так быстро.

– Мать довела, – поделилась злющая подруга прямо с порога. – Представляешь, пока нас не было, она уже прошла по шкафам и собрала в мешки одежду бабушки. Как еще в мусор не выбросила!

– Ну... – Я даже не знала, что на это сказать.

– Ничего не оставила!

– Наверное, она не хотела, чтобы ты этим занималась.

Саша скорчила скептическую гримасу.

– Меня бесит ее бесчувствие! Не могу дома находиться. Бабушку еще не похоронили, а она... – Махнув рукой, подруга посмотрела на меня: – Мы едем?

– Да, сейчас одеваюсь. Звони Богдану.

Пока ехали, я старалась как могла поддержать Сашу. На завтра назначены похороны, и она была сама не своя. Мне было тяжело, что уж говорить о подруге. Постепенно каждая из нас погрузилась в свои мысли. Я волновалась, не зная, получится ли добраться до компьютера Богдана. Да еще с родителями не поговорила, их не было в сети, и если вечером с ними не свяжусь, они забеспокоятся. Зато еще один повод попросить у хозяина дома доступ к компьютеру.

Встречать нас вышел один Богдан. Если бы не вторая машина во дворе, то я бы решила, что Кристоф не приехал. Выразив соболезнования Саше, хозяин пригласил нас в дом. Наблюдая, как он обнимает подругу за плечи, а она льнет к нему, я лишь укрепилась в своем намерении воспользоваться выданной флешкой, что буквально жгла карман джинсов. Если Богдан ничего не скрывает, я буду первой, кто порадует за эту пару.

– Вы вовремя приехали. Еще немного, и мне бы пришлось устранять Кристофа. Запахи по всему дому умопомрачительные, но он отказывается меня кормить, а еще выгнал из кухни, чтобы я не мешал. Надеюсь, вы голодны?

– Я тебя выгнал, когда ты, вместо того чтобы помочь, стал бессовестно

уничтожать ингредиенты, – сдал друга вышедший к нам навстречу Кристоф. В руках он держал поднос, на котором стояли коктейли. – Надеюсь, вы не против аперитива? Как доехали?

– Спасибо, хорошо, – ответила Саша, беря коктейль. – Кристоф, спасибо большое за ресторан. Они нам сделали очень хорошую скидку.

Кстати, да. Не знаю, в чем дело, но упоминание Кристофа Морено оказало магическое действие, и с нами обращались как с VIP-персонами, да и скидка на заказ ресторана и все услуги получилась существенная.

– Я рад, что смог помочь. Если нужно что-то еще, только скажи.

– Спасибо, – еще раз поблагодарила Саша.

– Привет. – Кристоф подошел ко мне, и я взяла с подноса бокал, стараясь не показать свою нервозность от его близости.

– Привет.

Чуть пригубив, почувствовала алкоголь и поморщилась.

– Неужели крепкий? – забеспокоился Кристоф.

– Нет. Мне же еще обратно ехать, я не буду.

– Как обратно? – удивился Богдан.

Взгляды всех присутствующих скрестились на мне, а я не могла понять, с чего такая реакция. Я посмотрела на Сашку, так как этот аспект мы с ней не обговорили, и я не знала, планирует ли подруга здесь остаться. Да какая, собственно, разница?! Утром есть кому ее домой отвезти.

– Кристина, зачем тебе возвращаться по ночи в город? В доме много свободных комнат, – радушно произнес хозяин дома.

– Если это из-за меня, то даю слово... – начал Кристоф.

– Нет-нет! – перебила его, не желая вспоминать прошлый инцидент. – Просто я обещала сегодня с родителями вечером по скайпу связаться, да и ученику не успела перебросить некоторые материалы. Занятие отменила... Мне нужен компьютер.

Вот! Я сказала это и с извиняющимся видом посмотрела на Богдана.

– Богдан? – Морено перевел вопросительный взгляд на приятеля.

Мне показалось, что тот не в восторге, но, чуть помедлив, он любезно предложил воспользоваться его компом. После ужина.

Я согласно кивнула, скрывая ликование. Не думала, что все получится так просто, но радость померкла, когда Кристоф отсалютовал мне бокалом и посмотрел с ожиданием. Только тогда до меня дошло, что я сама себя загнала в ловушку – уехать не получится, так как больше нет весомого повода спешить обратно. А меня ждет Кирилл!

– Мне не хотелось бы вас стеснять, – сделала я последнюю попытку.

– Ничуть, – отмахнулся Богдан. – Пойдемте в столовую. Надеюсь, вы

голодны?

– Мы не ужинали, – произнесла Саша, а я в расстроенных чувствах отпила из бокала. Чуть-чуть. Не стоило исключать возможность того, что удастся уехать.

Кристоф сначала расслабился, но, заметив изменение моего настроения, придержал меня за руку, тихо сказав:

– Если хочешь, ради твоего спокойствия я уеду после ужина.

Его слова стали сюрпризом, как и то, что он планировал остаться с ночевкой. Богдан с Сашей, и если Кристоф не собирался держать им свечку, то рассчитывал провести время со мной?

Неужели он думал, что я захочу остаться с ним наедине?! Я с сомнением искоса посмотрела на испанца. В то же время язык не поворачивался выставить его из дома после того, как он в качестве извинения готовил ужин. К тому же я и сама на правах гостьи, чтобы командовать. Ох, а можно лучше мне уехать?

Мысли неслись вскачь, а пауза затягивалась.

– Ты не простила... – помрачнев, сделал вывод Кристоф.

Вообще-то и не собиралась, но пришлось одернуть себя, напомнив, зачем я здесь. Уж явно не для того, чтобы выяснять с ним отношения! В то же время врать и убеждать, что все в порядке и его не виню, не было ни сил, ни желания.

– Просто не хочу вспоминать, но обстановка располагает. Ты обещал приготовить паэлью... – произнесла с намеком, сменив тему.

– Да, и я всегда держу свое слово, – принял мою подачу Кристоф, и мы пошли за скрывшейся парочкой.

В его словах мне послышался скрытый подтекст. Только не поняла, что он хотел этим сказать. Что могу ему доверять? Смешно. Разбитую чашку не склеить. Вроде и общаемся как прежде, но все уже не то.

Было заметно, что к нашему приезду готовились. Свет в столовой приглушен, горели свечи, создавая романтическую атмосферу. За накрытым столом уже сидели Саша с Богданом. Предупредительно отодвинув мне стул, Кристоф ушел за главным блюдом.

– Вина? – предложил Богдан.

– Благодарю, – кивнула Саша.

Я тоже разрешила себе налить. В конце концов, пить меня никто не заставляет. Пригублю, и все.

Вернулся Морено с паэльей. Она выглядела довольно аппетитно и красочно: золотистый рис, устрицы, креветки, кусочки лимона и перца. Я скрыла улыбку, так как, судя по голодному блеску глаз хозяина дома, его

действительно держали впроголодь. Да и мы с подружкой проголодались. Некоторое время все занимались дегустацией.

– Как тебе? – склонился ко мне Кристоф. Кажется, ему было важно мое мнение.

– Божественно! – совершенно искренне ответила я, чем заметно ему польстила. Расцвел буквально на глазах, лаская меня взглядом темных глаз.

– Кристина, не передать, как я рад, что вы приехали и заманили на кухню этого мерзавца, – отсалютовал мне бокалом Богдан и перевел взгляд на приятеля. – Поделись рецептом с нашим поваром.

– Фирменное семейное блюдо, не могу! Но если Кристина позволит, я буду счастлив готовить для нее.

Я сделала вид, что не поняла намека, уделив внимание еде. Завязалась легкая беседа. Богдан грозился выведать тайну и обещал изощренные пытки, пикируясь с Кристофом и заставляя нас улыбаться. Было заметно, что они давно и хорошо знают друг друга.

Удивительно, но ужин прошел в приятной атмосфере. После морально тяжелого дня мы с Сашей отвлеклись и расслабились. Я даже на время забыла цель своего визита. Богдан сам напомнил, предложив подняться наверх, в свой кабинет.

Кирилл оказался прав – у Богдана был именно ноутбук. Закрыв все свои контакты, он уступил мне место за столом. Все оказалось легче, чем я думала. Хозяин оставался рядом, пока я заходила в скайп, но стоило мне увидеть в сети родителей и позвонить им, ушел, чтобы не мешать.

С родными я планировала поговорить напоследок, но ничего не поделаешь. Они ответили практически сразу. Глядя на загоревшие и улыбающиеся лица, остро позавидовала им.

– Дочка, а ты где? – удивилась мама.

Они сразу увидели, что я не дома. У нас не было такого кожаного кресла с высокой спинкой, в котором я сидела.

– Ты хоть дома ночуешь? – поинтересовался из-за плеча матери отец.

– Пап! – возмутилась я, стараясь не покраснеть.

Пока они меня не замучили вопросами, сообщила им о смерти Аделаиды Стефановны, опустив подробности, и о похоронах. По-моему, они решили, что я у Лебедевых, так как больше не спрашивали, почему я не дома. Тем более мама спросила:

– А где Саша?

– На кухне. Мы недавно поужинали. Прилетели ее родители. Мы сегодня целый день проездили, все организовывая.

– Молодец, что помогаешь.

Я стала расспрашивать, как им отдыхается, где были. Помня о том, что нельзя терять время, свернула разговор, попросив не беспокоиться обо мне и пообещав звонить чаще. Достав флешку, первым делом установила программу Кирилла, но больше ничего не успела сделать. Открылась дверь, и зашел Кристоф. Вот как чувствовала, что стоит торопиться!

– Ты закончила?

– Сейчас. С родителями поговорила, но нужно еще письмо отправить, – ответила я, свернув окно.

– А я за тобой – пригласить на десерт.

Кристоф подошел к столу и, обогнув его, встал за моей спиной. Я выругалась про себя. Ситуация – хуже не придумаешь. Мне нужно удалить следы своего вмешательства, но как это сделать при нем? Стараясь не показать, что нервничаю, я открыла почту и вздрогнула. Руки Кристофа как бы невзначай легли на мои плечи.

– Ты бледна. Устала? – с сочувствием спросил он и стал разминать мне шею. Довольно профессионально.

Вот только когда это делал Кирилл, было приятно. Сейчас же я щучкой вывернулась из мужских рук, ближе наклоняясь к ноуту, не желая прикосновений.

– Я в порядке. Учебные пособия скинуть нужно ученику. Ждет, – оправдалась я и стала вводить логин в почтовый ящик. Могла и через скайп скинуть файлы, но нужно было заставить Кристофа отойти. Поэтому при введении пароля я замерла и обернулась на стоящего позади испанца.

Тот понял причину моей заминки и отошел, сев в кресло. Улыбнувшись ему, ввела пароль и, оставив почту, полезла зачищать за собой следы.

– А что у нас на десерт? – спросила, следя за Кристофом краем глаза.

– Груши в вине и мороженое.

– Ух ты!

Мои пальцы порхали над клавиатурой, и чувствовала я себя помесью хакера с тайным агентом.

– Если мы не поспешим, нам ничего не оставят.

– Не знаю, как тебе Богдан, а мне Саша точно оставит.

– Ты поделишься со мной, если что?

Голос Кристофа приобрел бархатные нотки, и он подался ко мне всем корпусом.

– Не знаю, все зависит от того, насколько вкусно ты готовишь.

Я закончила и мысленно вытирала испарину со лба, закрывая лишние окна на рабочем столе.

Усмехнувшись, Кристоф встал и пересел на край стола. Я взглянула на него:

– Если десерт не хуже ужина, то ничего не обещаю.

– Тогда позволь еще раз вкусить сладость твоих губ, – произнес он на испанском.

Я даже мысленно прокрутила несколько раз фразу, убеждаясь, что правильно все поняла. Пусть и звучало все это довольно романтично, но от такой наглости опешила и откинулась на спинку кресла, увеличивая между нами расстояние.

– Ладно, уговорил, – ответила тоже на испанском. В глазах Кристофа отразилось недоверие и преждевременная радость. Без капли жалости я закончила на русском: – Я поделюсь с тобой десертом.

Вернувшись к ноуту, уже никуда не торопясь, отправила, наконец, своему ученику пособия и вышла из почты и скайпа. Забрала флешку, но ноутбук оставила открытым. Лишь после этого посмотрела на Кристофа, который не сводил все это время с меня глаз.

– Ты меня так и не простишь?

Я встала, засовывая в карман флешку и решая, насколько стоит быть откровенной. Все изменилось – я теперь встречаюсь с Кириллом, и мне дороги эти отношения. Да даже если бы его не было, все равно бы не дала второго шанса Морено.

– Кристоф, о чем речь? У меня нет никакого желания вспоминать то, что случилось на вечеринке. Мы общаемся. Сегодня я по достоинству оценила ужин. Правда, спасибо тебе! Какого еще прощения ты ждешь? Чего добиваешься? Я не понимаю твоих намерений.

Испанец сидел на краю стола, скрестив длинные ноги и преграждая мне путь. Выглядел неопасно, но с ним ни в чем нельзя быть уверенной. Не знала даже, как оценивать его серьезный и внимательный взгляд.

– Я думал, все и так ясно – хочу встречаться с тобой. Ухаживать, баловать, засыпать и просыпаться рядом.

Надо же, то ни одного парня долгое время, а то сразу двое подряд предложили мне встречаться! На миг даже стало забавно, но я отрицательно покачала головой, прекращая этот фарс. Говорит красиво, а на деле еще не забылось, как меня чуть не изнасиловал.

– Предлагаю остаться просто знакомыми и не усложнять.

– Я тебя сильно обидел? – Кристоф даже не спрашивал, а утверждал, понимающе глядя на меня.

– Просто не хочу еще раз оказаться в ситуации, когда ты срываешься и не обращаешь внимания, отвечают тебе или нет.

– Ты мне нравишься. Моя грубость тогда была обусловлена тем, что я совершенно потерял от тебя голову и не сразу осознал, что ты – нет.

– Вот видишь, у нас разные темпераменты, – быстро встала я, не желая слышать никаких признаний. – Кристоф, лучше пойдем есть десерт, а то нам действительно ничего не оставят.

Когда я поравнялась с ним, он поймал меня за руку.

– Я тебе еще докажу, что ты ошибаешься. Обещаю, что не буду спешить.

Кристоф поднес руку к губам и поцеловал, не отводя взгляда от моего лица. В темных глазах я увидела мягкость и обещание. Я не знала, какую игру затеял испанец, но ему действительно не стоило спешить – он уже безнадежно опоздал со своими признаниями и был в пролете. Правда, об этом я благоразумно пока не сказала.

Десерт нас дождался. Богдан с Сашей были больше увлечены друг другом, чем сладостями. Глядя на них, мне еще сильнее захотелось к Кириллу. Я в который раз попыталась раскланяться и уехать, но меня даже не захотели слушать. Когда Кристоф ушел на кухню, унося посуду, я сбежала на улицу, попросив у Богдана разрешения прогуляться по участку.

Воспользовавшись одиночеством, быстро набрала сообщение Киру, что мне все удалось, и предупредила о том, что меня не отпускают ночью обратно. Его ответ разочаровал: «Рад, что Лебедева в кои-то веки думает не только о себе. Я безумно хочу тебя видеть, но она права. Отдыхай, а я поработаю. Может, найду что-нибудь интересное к твоему приезду».

На миг испытала искушение написать о том, что здесь, помимо Богдана, еще и Кристоф присутствует, чтобы не был таким спокойным, но подавила порыв. Пожелав спокойной ночи, убрала телефон в карман и пошла бродить по территории. Воздух за городом не сравнить с городским, но небо заволокло облаками, звезд не видно, и желание слоняться по двору быстро испарилось. Это не лето. Свежо, и я быстро продрогла.

Подходя к дому, встретила с Кристофом, который шел навстречу.

– Тоже решил прогуляться?

– Нет, иду попрощаться. Я уезжаю.

– Что-то случилось?

– Лучше поеду к себе. Мне кажется, тебе будет так спокойнее.

– Так это из-за меня?!

Если честно – удивил. Не ожидала от него такой душевной тонкости. Или это расчет на то, чтобы произвести впечатление и вызвать чувство вины? Ведь он приехал, приготовил ужин, а теперь тактично уезжает.

– Скорее из-за себя, – усмехнулся Морено. – Не уверен, что смогу

заснуть, зная, что ты рядом.

Мы подошли к его машине. При мысли о том, что он может завалиться ко мне ночью, желания удерживать его не возникло.

– Спасибо за вечер, – вежливо произнесла я.

– Я надеюсь, ты не откажешься его повторить? Мне бы хотелось пригласить тебя к себе и показать свой дом.

«Ага, посмотреть коллекцию марок, послушать музыку и угостить утренним кофе в постель», – закончила про себя.

– Кристоф, спасибо, но в ближайшее время я буду занята. Учеба, придется наверстывать пропущенные занятия, ученики...

При виде идущего к нам Богдана я испытала огромное чувство облегчения.

– Я все понимаю и сейчас не настаиваю, но предупреждаю, что не дам забыть о своем приглашении.

От его слов я поежилась и, сославшись на то, что замерзла, сбежала в дом.

Глава 15

День похорон выдался дождливым. Казалось, само небо оплакивает усопшую.

Проститься с Аделаидой Стефановной пришли многие. Круг знакомств у нее был очень обширный. Большинство общались с семьей Лебедевых еще с советских времен, да и у отца Саши было много знакомых, которые пришли выразить свое соболезнование.

На поминки я не поехала. Как бы подруга ни злилась на мать из-за пафоса, но приехало много высокопоставленных людей, даже журналисты, и я не вписывалась в эту компанию. Сашка умоляла меня остаться и поддержать ее, но я была тверда. Ей сейчас лучше быть рядом с семьей.

По дороге домой набрала Кирилла – сообщить, что еду к себе, но он непререкаемо потребовал явиться пред его очами. Пришлось немного изменить маршрут. Мелькнула мысль, что перед приездом родителей нужно обязательно разобраться в холодильнике. Зря мама столько всего наготовила, есть дома мне некогда, я там почти не бываю.

Квартира Кирилла встретила меня аппетитными ароматами.

– Пообедаешь со мной? – спросил мой парень, после того как сграбастал в крепкие объятия и поцеловал. Приятно, черт возьми! Настроение сразу улучшилось на несколько пунктов.

– И почему все стараются меня накормить? – Я шутливо стукнула его кулаком в бок. – Я так плохо выгляжу?

– Кто это – все? – требовательно поинтересовался Кирилл.

– Вчера Кристоф организовал ужин в качестве извинения.

– Ты ужинала с ним? – изменился в лице Ольховский.

– Не только я, но еще Сашка и Богдан. Кристоф вчера у него готовил.

– Ты об этом как-то забыла упомянуть.

Мне польстило, как напрягся Кирилл, одни ревнивые нотки чего стоили.

– Не хотела волновать.

– И как прошло примирение? – проскрежетал мой ревнивец.

Я сжалилась и перестала его дразнить:

– Ужин был вкусный, но мне больше нравится, как ты готовишь. Только, Кир, я не люблю горелое.

Чертыхнувшись, Кирилл отпустил меня и поспешил на кухню спасать наш обед. Улыбаясь от уха до уха, я пошла следом. Он достал из духовки

противень, наклонившись, и я заглянула ему через плечо. Ничего страшного, немного пригорело в одном углу, а картофель с мясом по-французски выглядел очень аппетитно.

Поставив противень, Кирилл оперся о столешницу руками и, не глядя на меня, спросил:

– Когда ты вчера ехала за город, ты знала, что он там будет?

– Да, – не стала юлить я. – Он позвонил. Сказал, что хочет пригласить меня в ресторан, но знает, что я устала и откажу, поэтому приготовит ужин к нашему приезду у Богдана. Он не дал мне даже возможности слова против сказать.

– И ты поехала?

– Другого повода попасть к Богдану домой в ближайшее время могло и не представиться.

– Хорошо, – скрипнул зубами Кирилл, все еще избегая смотреть на меня. – Это я могу понять, но почему ты осталась ночевать?

– Кир, – я обняла его, прижавшись сзади, – после ужина он уехал.

– Вот так просто?

– Нет, – пробормотала я, уткнувшись носом в его футболку и с удовольствием вдыхая запах мужской туалетной воды, смешанный с его собственным ароматом. С удивлением отметила, что очень соскучилась. – Думаю, это была рекламная акция. Хотел показать, какой он хороший.

– И ты этому веришь? – в голосе слышалось напряжение, как у высоковольтных проводов.

– Мне он безразличен. У меня есть ты. Скажу при случае, что место моего парня занято, а если что, ты с ним разберешься.

Кирилл развернулся и взглянул на меня:

– Почему ты вчера о нем не сказала?

– Кир, вот заявись к тебе твоя Барби. За помадой, забытой, но очень нужной, или сережкой потерянной, к примеру. Ты мне об этом скажешь? – провела я аналогию. – Ну, выставишь ее – и все дела. Вряд ли захочешь меня нервировать подробностями визита. Разве не так?

Кирилл на мгновение отвел взгляд, а я ахнула:

– Да ладно?! Уже приходила?

– Я ее выставил.

Мне даже стало смешно оттого, что ему пришлось оправдываться. Нет, ну какова!

– Ольховский, – я грозно посмотрела на него, давая улыбку, – я тебе, конечно, доверяю, но если она еще раз явится – спущу с лестницы. Лучше предупреди, что у тебя ревнивая девушка, ноги переломает без сожаления.

И в твоих интересах, чтобы прониклась, а то так и будет таскаться.

– Какая ты воинственная, – расплылся в улыбке Кир.

– Я, конечно, отобью ей все надежды на продолжение ваших отношений, но учти, потом достанется тому, кто эти надежды подал, – предупредила я, чтобы не мечтал о боях без правил за свою персону. – Так что постарайся быть о-о-очень убедительным.

– Очень? – и он сжал меня в объятиях.

– О-о-очень, – выдохнула ему в губы, и Ольховский наконец-то меня поцеловал.

– Ты нашел что-нибудь интересное? – спросила, когда мы сели обедать, оставив тему бывших.

– Этот Богдан совсем не прост. Защита данных серьезная. Интересная подборка программ. Хотел бы я посмотреть на того, кто настраивал ему компьютер.

– Так все было зря? – с неким разочарованием произнесла я. Столько усилий – и ради чего?

– Нет, ты как раз молодец! – похвалил Кир. – Без тебя к нему подобраться было бы весьма сложно, а так у нас есть ключ, и скоро мы узнаем его тайны.

– И как скоро? Я думала, ты уже что-то нашел у него на компьютере.

– Нашел, но там много всего. Пока изучал досье с подробной информацией на разных людей.

– Он бизнесмен. – Я пожала плечами, задумчиво жуя мясо. – Партнеры?

– Не похоже – разные социальные статусы, профессии и страны. Почти все женщины.

Я чуть не подавилась от такого уточнения и во все глаза уставилась на Кирилла.

– Любовницы?

– Некоторые в возрасте, и таком, что для Ковальского подобная связь была бы затруднительна. Среди них я нашел информацию о Лебедевой, нашей Лебедевой, ныне покойной.

– Как же так?! – обомлела я. Верить, что Богдан злодей, категорически не хотелось.

– Кристина, не делай такие глаза. Пока говорить о чем-либо рано. Может, он собирает всю подноготную о родственниках своих пассий.

– А остальные из этого списка живы?

Кирилл замер, посмотрев на меня, а потом вскочил и быстро вышел из кухни.

После таких новостей аппетит пропал. Отодвинув тарелку, я пошла за ним. Села на диван, поджав ноги под себя, и с тревогой наблюдала за тем, как он работает. Не выдержав ожидания и не желая мешать вопросами, вернулась на кухню, заняв руки уборкой.

Кир вернулся, когда я заварила себе чай и вертела чашку, ожидая, пока остынет.

– Фамилия Лебедевой среди тех, кого уже нет в живых, – сообщил он и рухнул на стул.

– Остальных тоже убили?

– Не только. Есть несчастные случаи, суициды, пропавшие без вести.

– Получается, ты был прав? Это он убийца! – я вскочила с места, заметавшись по кухне.

– Подожди, не торопись с выводами. Сама говорила – они были с вами, так что Лебедеву не трогали, но это могли сделать их люди. Вопрос в том – зачем? Ты уже все убрала? – без перехода спросил он, заметив, что на столе пусто.

– Разогреть? Тебя час не было, все остыло.

– Извини, увлекся... – Кирилл растерянно провел рукой по волосам. – Давай я тоже с тобой чай выпью.

Он встал за заваркой, а я подошла к нему, достав из шкафчика чашку.

– Что ты думаешь насчет всего этого?

Кирилл взял протянутую чашку и хмыкнул:

– Вариантов немного. Или он маньяк, убивающий уже не первый год, или вор, или...

– Или?..

– Или он охотится за вещами.

– Вещами?!

– Да. Смотри, среди погибших женщины разного возраста и социального положения. Я проверил, за семьей Ковальских стоят серьезные капиталы, и дело не в деньгах. На маньяка он тоже не похож, те действуют однотипно. Остается только это.

– Но зачем ему вещи? В руках мужчин они не действуют, – не могла понять я, что-то туго соображала.

– Не знаю. – Кирилл налил себе чай и с задумчивым видом обхватил чашку руками. – Но я обязательно это выясню. К тому же отец Богдана женат, и у него, помимо сына, еще и дочь.

На мой непонимающий взгляд, к чему эта информация, он пояснил:

– Женщины в семье есть. Только представь, какое влияние окажет платок, надень его сестра Богдана и отпрайся с отцом на переговоры. Это

уже реальная власть и деньги. Ради этого можно пойти и на убийство.

– Нужно изучить дневник до конца. Может, там найдутся какие-то ответы, – решила я.

– Давай, а я продолжу копать.

На том и порешили. Кирилл прилип к монитору, погрузившись в виртуальный мир, а я засела на диване с дневником. На невнимание Ольховского не обижалась. Он любит решать сложные задачи. Если чем-нибудь увлечется, даже землетрясения не заметит.

Когда позвонила Саша, я просто вышла в другую комнату, чтобы не мешать. Как оказалось, правильно сделала, что не поехала в ресторан. Подруга еле выдержала там, а еще бушевала из-за того, что один из высокопоставленных гостей, дядечка в возрасте, лапал ее за задницу, принося соболезнования.

Поболтав с ней, я так и осталась в спальне. Приватизировала у Кира футболку и, переодевшись, залезла в постель, устроившись со всеми удобствами. Когда телефон зазвонил повторно и я увидела номер Кристофа, долго раздумывала, брать трубку или не брать. Он и до этого доверия у меня не вызывал, но после того, что вскрылось о Богдане... Не стоило забывать, что на даче в Малаховке они были вдвоем!

И все же я ответила, решив, что, игнорируя звонки, лишь вызову ненужные подозрения.

– Да, – голос мой был хрипловатый, как будто спала.

Морено оказался догадлив:

– Кристина, я тебя разбудил?

– Угу.

– Извини. Знал, что сегодня похороны, и не беспокоил днем. Устала?

– Угу, – мой ответ разнообразием не отличался.

– Отдыхай, душа моя. Я завтра позвоню.

«Как завтра? Зачем?» – забеспокоилась я, так как не планировала с ним больше общаться.

– Ты что-то хотел?

– Боюсь, ты сейчас не в том состоянии, чтобы слушать о моих желаниях, – усмехнулся испанец. – Приятных снов, и мечтаю, чтобы в них оказался я.

– Мечтай, – процедила в ответ, глядя на потухший дисплей телефона.

Нет, с этим кавалером определенно нужно что-то решать! Все внутри требовало прямо ему сказать, что общаться с ним не желаю, но здравый смысл подсказывал – делать это пока не стоит. Возможно, имеет смысл проверить и компьютер Кристофа, но стоило представить, что для этого

придется ехать к нему домой, давая повод надеяться на более близкие отношения между нами, как в душе все переворачивалось.

Я не знала, как быть. Возможно, стоит устраниваться из их компании и оставить Сашу с Богданом в покое. Если он охотится за платком, то скоро убедится, что у Сашки его нет, и уедет. А если он убийца и это его люди пытали Аделаиду Стефановну? Мерзко, если я промолчу и не скажу подруге о том, что она встречается с виновником гибели бабушки. С другой стороны, у меня пока и доказательств никаких нет. Она попросту не поверит и обвинит, что я несу бред.

Споря с собой, я листала дневник и чуть не пропустила важную информацию. Речь шла о знакомстве с некой Адель. Жена богатого промышленника, она помогала мужу в делах. Бабушка Аделаиды Стефановны познакомилась с ней на каком-то приеме, и они стали общаться, подружившись. Имя Адель мелькало часто, и я сначала не обратила внимания на упоминание о ее корсаже. Начав читать о том, что именно он придает упорство и стойкость, споткнулась на словах «позволяет долгое время обходиться без сна и еды».

– Не поняла?! – пробормотала вслух и стала перечитывать.

Постепенно картина сложилась: женщины сдружились, стали друг другу доверять, и как-то выяснилось, что они обе обладают вещами из ателье мадам Дамаль. Адель была убеждена, что именно благодаря корсажу смогла покорить мужа. Тот был тем еще трудоголиком. Она работала у него помощницей. До нее мало кто выдерживал его бешеный ритм жизни, частые перелеты, путешествия и работу допоздна. Они много времени проводили вместе, сблизились, и промышленник оценил пусть и не красивую, далеко не юную, но умную и трудолюбивую помощницу.

Именно Адель познакомила автора дневника с другими владелицами вещей и поручилась за нее перед членами тайного женского клуба. Они называли себя сестрами, обменивались информацией, составляли список вещей и их свойства. Поиски самой мадам Дамаль не вели. Ходили слухи, что всех, кто ею интересовался, вскорости находили мертвыми. Среди дам шептались, что существует Орден, который уничтожает вещи и их владелиц.

Помимо этого, были еще такие же, как и кузина Мари, – одержимые идеей могущества и желающие собрать как можно больше вещей. Их называли Хищницами, ибо они не останавливались ни перед чем в желании добыть вожаделенную вещь. Шли на воровство, шантаж, убийство. Именно поэтому в клуб можно было попасть лишь после множества проверок, поручительства, когда сестры убеждались, что новый член не жаждет

заполучить себе новые вещи, а довольствуется тем, что имеет.

К сожалению, я так и не встретила перечня существующих вещей, да и имен других членов клуба, кроме Адель, в дневнике не было. Нашла запись о том, что внучка выходит замуж за русского. Предполагаемый зять одобрения родни не получил. Шли размышления о том, как бы расстроить этот брак, но новость о трагической гибели одной из сестер затмила все. Когда же бесследно пропала другая, в дом к третьей забрались воры, а у еще одной сгорел дом вместе с ней и несколькими слугами, среди оставшихся сестер испуганно прозвучало: «Орден!»

Брак Аделаиды Стефановны был неожиданно одобрен. Дневник заканчивался прощальным письмом внучке и напутствием помнить об осторожности.

«Я не обрела семейного счастья. Искренне желаю тебе сберечь свое», – были последние слова.

Отложив дневник, я выключила свет и укуталась в одеяло. Без Кирилла было холодно, а еще стало грустно. Бабушка Аделаиды Стефановны, опасаясь нападения, передала ей платок, а та, отводя опасность от внучки, отдала его мне. По-хорошему, это необходимо прочесть Саше, но пока она с Богданом и мы не знаем его намерений, возвращать ей дневник с платком опасно.

Заснула я с мыслью о том, что хорошо бы найти еще владелиц вещей. Если существовал женский клуб во Франции, то должен же быть такой и в России? До революции между нашими странами были тесные отношения, и вполне возможно, что некоторые вещи из ателье мадам Дамаль попали к нам.

Спала урывками, просыпаясь от кошмаров. Снился то полыхающий дом, то монахи в темных плащах, от которых я убегала, а то Аделаида Стефановна в крови, что-то пытающаяся мне сказать. Сквозь сон почувствовала, как улегся Кирилл. После того, как он крепко обнял и притянул к своей груди, кошмары отступили.

Утром на пары меня разбудили очень нежно. Несмотря на то что лег позже меня, Кир умудрился раньше встать и приготовить завтрак, который действительно в меня запихнул, пригрозив, что иначе из дома не выпустит.

– Тиран!

– Теперь ты знаешь все мои недостатки, – усмехнулся Кир, со светлой улыбкой наблюдая, как я с заспанным видом потягиваю кофе.

– Я вполне могла обойтись без завтрака. Теперь мне в прямом смысле еще домой бежать, чтобы успеть переодеться и сумку в институт собрать.

– Кстати, об этом. Как ты смотришь на то, чтобы переехать ко мне?

– Эм-м... – проямлила я. Тут Ольховскому удалось застать меня врасплох.

– Глупо каждый раз бегать домой переодеваться, и утром будет возможность дольше поспать, – коварно привел он веский аргумент.

«Родители будут в шоке, – мелькнула мысль. – В кои-то веки выбрались в отпуск, приедут, а дочь съехала и с парнем жить начала. Хорошо, что отец врач – будет кому маму откачать от инфаркта».

– Кир, мы же только встречаться начали...

Несмотря на предполагаемую реакцию родных, мысль о том, чтобы жить с ним, показалась привлекательной. У Ольховского я чувствовала себя как дома: уютно, комфортно. В самом деле, приедут родители, и с ночевкой уже так просто не останешься. А я уже привыкла засыпать в кольце его рук, как будто делала это всегда.

– Серебрянская, а чего тянуть? Или ты хочешь всех этих предварительных ухаживаний, с походами в ресторан, посещениями театров, концертов и выставок?

– И что плохого в культурной программе? Я бы с тобой еще под луной погуляла, – мечтательно добавила я.

– Культурной? Ты меня дачу взламывать потащила! Можем повторить на бис под луной. Мы же еще ключи на место не вернули.

– Тьфу на тебя! – обиделась я.

– Так как тебе мое предложение? Или начнем с ресторанов? – настойчиво допытывался Кирилл.

Испытующим взглядом посмотрела на него. Тиран, как пить дать тиран, но... мой. Уютные вечера с ним дома не променяю ни на какие рестораны.

– Ты лучше готовишь, – усмехнулась над собой, понимая, что пропала.

– Это «да»?

– С родителями будешь объясняться сам, – ткнула в него пальцем. – А то они у меня из отпуска приедут, и им после таких известий реабилитация понадобится. Уезжали – я ни с кем не встречалась, а приехали – уже с парнем живу.

– Когда они возвращаются?

– Они только в эти выходные уехали на две недели, так что пока готовь речь.

– Без проблем! – Сияющий Кирилл выглядел как кот, налакавшийся сливок. – А сегодня после лекций съездим за твоими вещами.

Вопрос переезда решился быстро. Все возможные протесты с моей стороны прервал телефонный звонок. Звонила Сашка с вопросом, смогу ли

я отвезти ее родителей сегодня в Малаховку за машиной. Она у них на даче в гараже стоит. Отец Саши ей ключи не доверяет после того, как она ему крыло помяла, вот и пылится там без движения. Договорившись, через сколько встречаемся, повесила трубку.

– Прогулка под луной отменяется. Сегодня с Сашинными родителями на дачу едем, как раз ключи незаметно на место верну, – сообщила я.

– Но потом собираешь вещи и ко мне.

Кирилл слышал разговор, и вопросов не возникло.

– Есть, шеф! – отсалютовала ему чашкой. Сделав последний глоток, встала. – Я побежала.

Тут мне пришла в голову одна мысль:

– Кир, дай платок. Проверю его воздействие в институте.

– С ума сошла? А если Лебедева увидит браслет?

– Я без браслета его вокруг руки намотаю.

– Нет, слишком опасно. Могут увидеть.

– Да ладно тебе! Тогда в лифчик засуну. Там его точно никто не увидит, кроме тебя, – игриво подмигнула я. Идея взять с собой платок нравилась все больше и больше. – Обещаю, вечером собственноручно вернешь его на место.

Уговаривая, я приблизилась к нему и была схвачена и усажена на мужские колени.

– Ты из меня веревки вьешь, – сообщил он. При этом его рука шаловливо накрыла мою грудь и сжала.

– Ты что творишь? – притворно возмутилась я в ответ.

– Проверяю место дислокации платка.

– Ки-и-ир! – Я рассмеялась и поцеловала его. – Я опоздаю. Идем, выдашь мне оружие массового воздействия, и я побежала.

– Я провожу. С такой ценной вещью тебе нужна охрана.

Живо вспомнилось, как он меня в последний раз провожал... и наш поцелуй на площадке.

– Ага, а потом долгие прощания, ты еще решишь, что никуда не хочешь меня отпускать, мне не захочется никуда идти, и, как следствие, очередной прогул в институте. И будет у тебя девушка неуч! Превращусь в глупую блонд...

Мне заткнули рот поцелуем.

Глава 16

Два дня пролетели как сон. Я переехала к Кириллу и постепенно обживалась. Приходилось делать над собой усилие, чтобы не выглядеть слишком счастливой, а то Сашка на меня уже подозрительно косилась и ненавязчиво интересовалась, как у меня дела с Кристофом. На самом деле испанец мне продыху не давал, звоня или присылая СМС не реже Ольховского, но мне удавалось держать его на расстоянии, ссылаясь на занятость в институте и учеников. Оттягивала решающий разговор с ним до того момента, как скажу все подруге. Она мне не простит, если Морено узнает об этом первый.

Я пока так и не решилась рассказать Сашке о нас с Кириллом, ждала подходящего момента. О моем переезде к нему она тем более не знала. В то же время подспудно я не хотела, чтобы ее ворчание замутило безоблачное счастье. Ведь отзовись она об Ольховском плохо – и мы точно поругаемся.

К счастью, подруге было не до меня. Контроль родителей и невозможность поехать к Богдану занимали все ее мысли. Вот и сегодня я зашла к ней в гости после института и выслушала жалобы о том, что в выходные придется ехать на дачу в Малаховку. Мать была непреклонна, сказав, что раз Саша устроила скандал из-за бабушкиных вещей дома, то пусть помогает с их разбором на даче. Я же, слушая это, прятала улыбку от мысли, что мы проведем с Кириллом наши первые совместные выходные, и не нужно будет врать подруге, почему я не дома, а то за эти дни прецеденты уже были.

– Крис, может, ты с нами поедешь? – нарушил мои радужные планы вопрос Саши. Вот как почувствовала!

От необходимости отвечать избавил звонок на домашний телефон.

– Да. Узнала, Вера Игнатьевна... Спасибо...

– Кувшинцева? – одними губами спросила я, и Саша утвердительно кивнула.

Известная художница и скульптор. Мы с Сашей посещали все ее выставки. Они давно знакомы с Аделаидой Стефановной и встречались в каждый приезд Кувшинцевой. Наверное, узнала о смерти.

– Встретиться? – между тем общалась Саша. – Вы в Москве? Проездом? Сегодня...

Саша растерянно посмотрела на меня, а я глазами спросила, в чем дело. Прикрыв трубку рукой, она прошептала:

– Встретиться хочет.

И с не очень счастливым лицом продолжила:

– Да... Да, конечно, смогу... Хорошо. До свидания.

– Что? – спросила я, когда подруга положила трубку.

– Не знаю зачем, но хочет увидеться. Поговорить, – тяжело вздохнула Сашка и с надеждой посмотрела на меня: – Поехали со мной, а? Наверняка хочет узнать подробно, что и как случилось, а у меня уже сил нет говорить об этом.

При этом подруга смотрела так жалобно, что я сдалась:

– Ладно, горе мое. Я тебя даже отвезу, но за это ты завтра едешь на дачу без меня и даешь мне поработать.

– Что, опять занятия? Что-то они у тебя слишком часто.

– Я взяла еще одного ученика.

Практически и не соврала – с Кириллом мы занимаемся по отдельной программе. Ага, для взрослых! С трудом удержала серьезное выражение лица. Неожиданная тайна от подруги просто распирала, но Саша вроде ничего не заметила, а после ее слов улыбаться перехотелось.

– Это из-за телефона? Между прочим, Кристоф звонил и спрашивал, какую бы модель айфона ты себе хотела.

– Надеюсь, ты сказала, что я от него ничего не приму?

– Сказала, – вздохнула подруга, – что ты у нас принципиальная и пусть не тратится. Как у вас с ним?

– Никак. Он звонит, но мне не до него. А у вас с Богданом? – поспешила перевести тему.

– Из-за моих только и остается, что перезваниваться, сама видишь. Днем он занят делами, а вечерами мне из дома не выйти. Родители считают, раз они приехали ненадолго, то я должна проводить вечера с ними. Как будто мне пять лет!

– Вот увидишь, не успеют они улететь, как ты заскучаешь без них!

На мою попытку приободрить Саша ответила кислым выражением лица, но спорить не стала.

– Мы во сколько встречаемся? Где?

Подруга ответила, а я полезла смотреть пробки, заодно набросав сообщение Кириллу, что сегодня буду поздно.

* * *

Вера Игнатьевна, как всегда, выглядела безукоризненно. Что-что, а

чувствовались у них с Аделаидой Стефановной общие корни и порода. Мать художницы по происхождению тоже француженка, но жили они в Риге. Отец был известным архитектором, а вот их дочь прославилась еще в советские времена, став популярной и одержав много побед в конкурсах. Наверное, именно тогда они с Сашиной бабушкой и подружились.

Художница никак не выдала своего удивления из-за того, что мы пришли вдвоем. Пока мы присаживались за стол, я старательно отводила взгляд от ее изувеченных артритом пальцев. Обычно она носила перчатки, скрывая следы болезни, но сегодня была без них, и я с сожалением отметила, что болезнь прогрессирует.

Она извинилась, что нарушила наши планы, и настояла на том, чтобы в качестве компенсации угостить нас ужином. Пока ждали заказ и ели – говорили на общие темы, обсудили недавно состоявшуюся выставку в Германии, из-за которой Вера Игнатьевна не смогла приехать на похороны и очень сожалела. Лишь потом Саша попросила меня рассказать о случившемся, сославшись на то, что ей тяжело говорить об этом.

Конечно, я постаралась смягчить картину произошедшего, но Вера Игнатьевна не сдержала слез и полезла в свою сумочку за платком. Ища его, она выложила на стол белые шелковые перчатки. Если Саша не обратила на это никакого внимания, то мой взгляд прилип к ним, и я осеклась. Готова была поклясться, что кружево, украшающее перчатки, было в точности такое же, как и на шейном платке Аделаиды Стефановны! Я досконально изучила кусок материи, стараясь понять, что в нем такого необычного, и рисунок кружева узнала бы из тысячи. Мой обескураженный взгляд поднялся выше и встретился с внимательным взглядом художницы, устремленным на меня.

«Она тоже владелица?!» – единственное, о чем могла думать. Во рту пересохло от волнения. Рука потянулась к бокалу с водой, и я жадно выпила.

Перчатки продолжали лежать на столе, притягивая меня как магнитом. Через силу возобновила рассказ, размышляя про себя насчет догадки. Все сходилось! Почему бы не предположить, что перчатки могли дать Кувшинцевой талант в искусстве, а оборотной стороной стал артрит. Так же, как у Аделаиды Стефановны астма. Оставалось понять, к какому виду владелиц отнести Веру Игнатьевну?

Эта элегантная пожилая женщина никак не вязалась с образом Хищницы, но в моей жизни произошло столько потрясений, что доверять я не спешила. После подозрений насчет Богдана и Кристофа уже никому не верила. Кирилл пока изучает информацию о них, не спеша делиться со

мной выводами. Хотя чуть ли не ежедневно я слышу восторги насчет установленной защиты данных, и он увлеченно занят взломом, попутно отслеживая все действия Ковальского за ноутбуком.

У Саши зазвонил телефон, и она встала:

– Извините, мама.

К этому времени я уже закончила говорить, и с уходом подруги за столом повисло молчание. Не могла не отметить, как Вера Игнатьевна на меня внимательно смотрит и как будто на что-то решается. Интуиция не обманула.

– Кристина, в последнюю нашу встречу с Аделаидой... – Художница сделала паузу. – Мы говорили с ней о вас.

– Обо мне? – искренне удивилась я.

– Да. Она хотела оставить вам в подарок одну вещь... Скажите, она успела сделать это?

– У меня дневник ее бабушки, – сказала я, не собираясь рассказывать о платке.

– Мари?

– Мари была кухней, – поправила я, поняв, что меня проверяют. – Ее же имя напрямую не упоминается, но там рассказывается о событиях ее жизни. Скажите, ваша болезнь... это из-за перчаток? Плата? Как астма у Аделаиды Стефановны?

– Ты все знаешь? – с облегчением произнесла она. Взглянув поверх моего плеча, быстро произнесла: – Возьми мою визитку. Здесь адрес отеля и номер, где я остановилась. Нам нужно обязательно встретиться и поговорить!

Убрав со стола перчатки, она достала из сумки визитку. Я только успела спрятать прямоугольник картона, как вернулась Саша.

– Все в порядке? – спросила, заметив, как подруга оживилась, даже глаза заблестели.

– Да, все хорошо.

Я не стала задумываться о причинах ее хорошего настроения, а зря. Стоило обратить внимание на то, как Сашка вертит головой и слишком часто посматривает в сторону входа. Вскоре она расплылась в улыбке, и я оглянулась посмотреть, кого подруга там увидела.

– Это ты им позвонила? – Я с неудовольствием лицезрела идущих прямо к нам Богдана с Кристофом. – Зачем?

– Нет, Богдан мне. Они были неподалеку, и мы договорились встретиться.

– Кто это? – несколько напряженно спросила Вера Игнатьевна, и я с

удивлением отметила, как ее лицо покинули все краски.

– Наши друзья, – ответила Саша, ничего не замечая, кроме своего любимого.

Они подошли к нашему столику и представились.

– Позвольте засвидетельствовать свое почтение, – кланялся Морено. – Рад неожиданной встрече!

– Был на вашей выставке в Гамбурге. Восхищаюсь вашим талантом, – вторил Богдан и хотел поцеловать руку художнице, но она спешно убрала пальцы, и было заметно, что чувствует себя не в своей тарелке. Мне показалось, что дело совсем не в том, что руки у нее обезображены артритом.

– Не будем мешать вашему разговору. Мы подождем вас, – произнес Кристоф.

– Нет-нет, присоединяйтесь к нам, – пригласила Саша, а я готова была придушить подругу, понимая, что ничего интересного узнать теперь не получится.

– Да, присоединяйтесь, – овладела собой и художница. – Тем более мне уже пора. Я проездом в Москве.

Наши знакомые не заставили себя упрашивать и присели.

– Вера Игнатьевна была подругой моей бабушки и приехала выразить свое соболезнование, – пояснила Саша.

– Вы дружили? – с интересом спросил Кристоф, Богдан же больше наблюдал.

– Много лет. Бабушка любила творчество Веры Игнатьевны. Мы не пропустили ни одной выставки! – вставила подруга.

– Как интересно, – вежливо улыбнулся Кристоф.

Подошел официант, и мужчины заказали себе кофе, а художница попросила счет.

– Александра, Кристина, спасибо, что встретились со мной, но мне пора, – засобиравшись Вера Игнатьевна. – Завтра с утра самолет...

– Может, вас подвезти? Где вы остановились? – спросил Богдан.

– Нет! – несколько нервно воскликнула женщина. Только слепой не увидел бы, как она горит желанием поскорее покинуть наше общество. – Спасибо, но я хочу немного прогуляться.

– Тогда позвольте мы оплатим счет, в честь преклонения перед вашим талантом, – вмешался Кристоф.

– Благодарю, – Вера Игнатьевна выдавила из себя вымученную улыбку и заспешила на выход.

– Странная она. Никогда ее такой не видела, – пожала плечами Саша,

глядя вслед.

– Она и правда подруга твоей бабушки? – задумчиво уточнил Богдан.

– Да. Они в каждый ее приезд встречались. С самого моего детства, сколько себя помню.

– Рад тебя видеть, – Кристоф накрыл мою руку своей.

Я натянуто улыбнулась и встала, сказав, что на минутку отойду. Не придумала ничего лучше, как еще освободить свою конечность. Приход Богдана с Кристофом спутал все планы. И вообще – странно все это! Создавалось впечатление, что они за нами следят.

Уединившись в дамской комнате, позвонила Кириллу и обрисовала ситуацию. Если Вера Игнатьевна завтра уезжает, то мне кровь из носу нужно встретиться с ней сегодня.

– Я тебя одну к ней не пуцую! – услышала категоричный ответ.

– А при тебе она говорить не захочет.

– В каком она отеле? Я тебя подстрахую.

– Как?

– Будешь на связи, чтобы я вас слышал. Если что, смогу вмешаться. Не смей туда идти, пока я не приеду! Подожди, я сейчас посмотрю по пробкам, сколько нам добираться.

– А что я Богдану с Кристофом скажу?

– Передай им, что твой парень против их компании.

– Кир, я серьезно!

– Я, между прочим, тоже. Придумай что-нибудь. Скажи, что ученик срочно хочет позаниматься английским.

– Так поздно?

– На выходные они едут на дачу, а в понедельник контрольная, например. В общем, мне до отеля добираться дольше. Я тебе напишу, когда выезжать. Сиди и тяни время, но не вздумай никуда с ними ехать! В ресторане этот будущий труп Кристоф руки к тебе тянуть не станет.

Если бы! Я вовремя прикусила язык. Не стала нервировать лишний раз. И так у Ольховского эта нежданная встреча восторга не вызвала. Впрочем, как и у меня. Помыв руки и взглянув на себя в зеркало, прогнала с лица кислое выражение и вышла.

Наверное, мне это удалось не полностью, раз, только увидев меня, Саша сразу спросила:

– Все в порядке?

– Не совсем. – Я присела за столик и решила скормить придуманную Кирилом легенду: – Ученик звонил. Слезно просит с ним позаниматься, у него в понедельник контрольная, а на выходные они уезжают на дачу.

Богдан, ты подвезешь Алекс?

– Да, конечно. Тебя подвезти?

– Я подвезу, – вмешался Кристоф.

– Спасибо, но я на машине. А вы знаете, – обвела всех взглядом и улыбнулась, – пожалуй, я закажу себе десерт!

– Вечером сладкое есть вредно! – наставительно произнесла Сашка.

– Зато чертовски приятно, – парировала я, подзывая официанта.

Кофе уже принесли, и дразнящий аромат витал над столом. Я решила заказать и себе чашку. Настроение изменилось. Злость на возможную слежку смешалась с неким куражом. Не знаю, что за игру затеяла эта парочка, но больше всего хотелось их обыграть.

– А вы здесь как оказались? – спросила их, после того как сделала заказ.

– Недалеко бизнес-центр. Встречались по работе, – ответил Богдан.

– Так у вас же разный бизнес, – уличила я.

– Ну почему же, Кристоф активно участвует в благотворительности.

Мы обговаривали некоторые вложения.

– Кристина, ты не рада меня видеть? – шутливо спросил испанец, но взгляд оставался серьезным.

– Просто неожиданно. Город большой, а вот так встретились, – натянуто улыбнулась ему.

– И ты опять меня покидаешь. Жаль, мы как раз обсуждали, где продолжить вечер.

– Кристоф приглашал всех к себе, – сдала испанца Саша.

– Как видите, я не могу.

– А твой ученик не хочет получить урок испанского? Я могу отдать ключи Богдану, и они подождут нас у меня.

С трудом проигнорировала умоляющий взгляд Сашки. Конечно, Кристоф знал, чем соблазнить, – прекрасная возможность для парочки побыть наедине несколько часов. Ага, вот только, заманив меня к себе, он вряд ли собирается отпустить раньше утра. Поэтому ответила твердо:

– Не самая лучшая идея. Я же сказала, что нам нужно подготовиться к контрольной. Так что вы как хотите, но я на занятие и домой. – И отдельно повторила для испанца: – Я не знаю, на сколько придется задержаться. Меня не стоит ждать.

– Я бы поспорил, душа моя, – такую девушку стоит ждать, – произнес Кристоф на своем родном языке.

Ага, мягко стелет, да жестко спать! Надо же, никогда не думала, что меня начнет бесить испанский. Впрочем, не стала спорить, уделив

внимание десерту. Создавалось впечатление, что Кристофу давно не отказывали и для него стало делом принципа затащить меня в постель. А еще во время разговора отметила, что Богдана интересуется больше наша беседа, чем Сашка, сидящая рядом с ним. Довольно странно, если они встречаются, ведь не виделись несколько дней.

Поэтому со спокойной совестью не заметила, как она наступила мне под столом на ногу, просто отодвинулась, чтобы больше не дотянулась. И случайно коснулась колена Кристофа, который заметно приободрился, приняв за знак внимания. Пусть я и села тут же ровно, но его это не остановило. Честное слово, захотелось поджать ноги и закричать: «Мама!», когда с одной стороны Сашка пыталась припечатать мне ступню, а с другой Кристоф ластился к моей лодыжке. И все это под изучающим взглядом Богдана!

Понятное дело, что с такими соседями мне стало не до десерта, а тянуть время было смерти подобно. Не дожидаясь сигнала от Кирилла, быстро захихнула в себя сладкое, залпом выпила кофе и потребовала счет. Мне кажется, Богдан все это время надо мной тихо посмеивался.

– Кристина, надеюсь, ты завтра не занята? – обратился ко мне Кристоф.

– У меня уже есть планы, а что?

– Я хотел бы пригласить тебя к себе.

Час от часу не легче! Он все же не оставил эту идею.

– У меня занятия, да и по учебе нужно реферат подготовить. Я планировала поработать.

– Да ладно тебе! Поулыбаешься, как Данилову на днях, и тебе его благополучно простят, – сдала меня Сашка в отместку за то, что игнорирую ее намеки.

Как назло, она вспомнила тот случай, когда я тестировала платок в институте.

– И что это за Данилов? – с ревнивыми нотками в голосе поинтересовался Кристоф.

– Вредный старикан, наш препод. Кажется, это был единственный случай, когда он посмотрел сквозь пальцы на не вовремя сданный материал. Да, Кристина иногда бывает в ударе. Ей даже Адам с нашей группы в тот день отдал ключи от своего нового байка и разрешил сесть за руль покататься. А он всегда говорил, что место женщины сзади!

Я бросила удивленный взгляд на Сашку. Вот уж не думала, что ее задело это. Просто все знали, как трепетно Адам относится к своему новому байку, и я решила испытать силу воздействия платка.

– Мне просто повезло. Когда ты рядом, Адам не может ни в чем отказать, – парировала я.

К моему счастью, она скривилась при упоминании о своем поклоннике и не стала больше развивать тему. А в тот день, когда взяла с собой платок, я действительно отличилась, и было еще много чего вспомнить.

Стараясь не обращать внимания на ставший излишне внимательным взгляд Богдана, обратилась к Кристофу:

– И все же я не могу ничего обещать. Завтра будет видно. Было приятно увидеться. Извините, покину вас, мне пора поспешить.

Я так хотела уйти поскорее, что даже спорить не стала, когда оплату счета они взяли на себя. Быстро распрощалась и сбежала, не дав Кристофу проводить. Он бы увязался за мной, но повезло – позвонила моя ученица с просьбой перенести завтра время занятий. Я так и ушла, договариваясь с ней, и специально затягивала разговор, спрашивая, повторила ли она слова из прошлой темы.

* * *

В отель я шла взъерошенная и с горящими губами. Кирилл умудрился приехать чуть раньше меня и провел инструктаж, настаивая, чтобы была осторожна и ни в чем не признавалась. Наставления он чередовал с поцелуями, и создавалось впечатление, как будто мы не утром расстались, а год не виделись!

Я беспокоилась, что Веры Игнатьевны еще нет в отеле, но ей было не до прогулки по городу. Когда пришла в номер, там царил хаос. Чемоданы открыты, вещи разбросаны, и посреди всего этого художница, нервно заламывающая себе руки.

– Что случилось? – спросила я, в шоке от разгрома в номере. Первая мысль: ее ограбили.

– Не нужно мне было приезжать! Не нужно. Зачем я только приехала?! Теперь все. Они убили Аделаиду, теперь и за мной придут! Нужно срочно уезжать.

– Кто они?

– Богдан Ковальский! – крикнула она. – Дурочки, знали бы вы, с кем связались.

– Во время нападения мы были в гостях у Богдана за городом. Так что это точно не он.

– Глупая, – с жалостью посмотрела на меня Вера Игнатьевна. – У

Ордена много последователей, а я точно знаю, что Ковальский из них.

Я подошла к графину и, налив в стакан воды, протянула ей.

– Вам нужно успокоиться. Расскажите все по порядку.

– Откуда мне знать, что вы с ним не заодно?

– Вера Игнатъевна, это я – Кристина. Мы с детства с вами знакомы.

Мне Аделаида Стефановна доверилась перед смертью. – Я формулировала обтекаемо, говоря спокойным тоном. – Я хочу разобраться, кто виноват в нападении на дорогого мне человека и тоже не доверяю Богдану.

– Откуда вы вообще его знаете?

– Случайно познакомились с Сашей в клубе.

Вера Игнатъевна скептически посмотрела на меня, всем своим видом показывая, что думает о всей этой «случайности». Но не стала спорить.

– Расскажите, почему вы так уверены, что Богдан из Ордена?

– Ты уже знаешь об Ордене?

– Я читала дневник. Знаю о Хищницах и о негласном клубе владелиц.

Мне кажется, к первым вы отношения не имеете. Вы дружили с Аделаидой Стефановной много лет. Наверное, и прилетели сюда, чтобы поддержать Сашу и помочь советом насчет платка, если что.

– Я была не уверена, кому именно она его оставит. Давай присядем, – пригласила Кувшинцева. Было видно, что женщина уже взяла себя в руки. Мы опустились на диван.

– Ты знаешь, что за дар нужно платить?

– Да. У бабушки Аделаиды Стефановны была тоже астма, которая стала развиваться после обретения платка.

– У меня страдают руки, – подтвердила она. – Это зависимость. Умом понимаешь, что безопаснее пользоваться как можно реже, но с вещами мадам Дамаль все меняется, чувствуешь себя другим человеком. Говорят, что, собрав костюм из всех вещей, обретешь власть над миром. Но и несколько предметов, надетых вместе, обладают поразительными возможностями.

Тут я с ней согласилась. Не знаю, как насчет всех вещей, но до сих пор помню ощущение всемогущества, когда в институте экспериментировала с шейным платком.

– Меня больше всего на свете влекло творчество, я посвятила всю себя ему, и мечты о призрачной власти меня не прельщали. Но несколько предметов, надетых вместе, снимают последствия от использования вещей. Меня в последние годы мучают сильные боли, я не могу не только писать без перчаток, но и в повседневной жизни обходиться без них. Думала, попрошу у тебя или Александры платок на время. Сколько мне осталось, –

грустно улыбнулась она. – После своей смерти я бы завещала платок и перчатки, а также все свое имущество. Я даже документы уже составила, осталось только вписать имя и заверить нотариально.

– Щедрое предложение.

– Я надеялась, вы не откажете. К тому же вы молодые девчонки, вам еще жить и детей рожать. А вещи действуют так, что у тех, кто ими долго пользуется, редко рождаются дети. Поверь, я знаю, что говорю. У Аделаиды один сын, ее мать тоже была единственным ребенком в семье. У меня детей нет... Думала, все успею, да что теперь, – махнула она рукой.

– А про Богдана вы откуда узнали?

– Случайно. Устав от города, я люблю выезжать в живописные уединенные места на природу. Пишу этюды, заряжаюсь энергией, отдыхаю от общества. Как-то сняла коттедж на берегу реки Гауя. Там очень красивые места. Из соседей поблизости была приятная молодая женщина, русская. Она тоже приехала отдохнуть. Рисует для души, на этом и сошлись. Мы сдружились, я даже дала ей несколько уроков и советов. Так получилось, что однажды она увидела мои перчатки и узнала кружево – это отличительная черта всех вещей мадам Дамаль.

– Она тоже владелица?

– Бывшая. У Лили были чулки. В юности она занималась танцами, училась во Франции. Ее ждала прекрасная карьера, но все рухнуло, когда она с подругами поехала на горнолыжный курорт. Ей не повезло встретиться с Богданом Ковальским. Он вскружил ей голову, влюбил в себя, а когда обнаружил у нее чулки, заменил кружево. Девочка каталась на скейтборде, ввязалась в местные соревнования, выполняла рискованный трюк и получила серьезную травму. О танцах пришлось забыть, долго лечилась. Потом вышла замуж, увлеклась живописью. Я видела ее мужа, они хорошая пара, но детей нет.

– Почему она уверена, что виноват во всем Богдан?

– А кто еще? Только у него была возможность, и только знающий человек понимал, как незаметно испортить вещь. Она лишь в больнице обнаружила, что на чулках другое кружево, а потом их вообще выкрали из ее вещей. И несмотря на то что Богдан клялся ей в любви, он так и не навел ни разу, исчезнув из ее жизни навсегда.

Не сомневалась, что Богдан при желании может быть холодным и жестким. Такой человек способен на многое. Вот и Сашей он играет, влюбив в себя.

– Я после этого стала внимательно следить за этим семейством, и, скажу тебе, странностей там много. Знай я, что он крутится поблизости,

никогда бы не прилетела! Теперь все пропало – я попалась ему на глаза. Возможно, мои вещи уже сегодня обыщут, мой дом... – заволновалась Вера Игнатьевна.

Кажется, истерика выходила на новый виток.

– Мне кажется, вы преувеличиваете. Нет ничего странного, что вы приехали и выразили соболезнование.

На меня посмотрели, как на неразумное дитя. Вера Игнатьевна лишь покачала головой:

– Ты даже не представляешь, что за люди в Ордене. Они уже много веков уничтожают обладательниц вещей. Шовинисты, считающие женщин вместилищем греха! Они стояли за инквизицией, и по их вине полыхали костры.

Я вспомнила свой сон с участием Богдана и Кристофа, и у меня мороз прошел по коже. Я же тогда видела их в одежде монахов! Как сразу не сообразила, приняв темные балахоны за плащи.

Вера Игнатьевна неожиданно встала и с решительным видом стала что-то искать в дорожном несессере.

– Возьми! – протянула мне небольшую записную книжку.

– Что это?

– Все, что мне удалось узнать. Я по крохам собирала информацию насчет вещей, записывая все факты и слухи. Здесь нет имен других владельцев, это опасно, но все равно не хочу, чтобы эта информация досталась Ордену.

– Спасибо! – от души поблагодарила ее, хотя после всех новостей желание пользоваться платком поубавилось.

– Перчатки тоже возьми на время и спрячь, – неожиданно произнесла она. – Меня сейчас начнут проверять, и их не должны найти. Я пока уеду поправить здоровье, а потом вернусь за ними.

– Вы мне доверяете? – удивилась я.

– Аделаида выбрала тебя, а она разбиралась в людях.

– Я просто была с ней рядом. Я планирую потом отдать платок и дневник Саше. Она наследница, пусть и решает, что со всем этим делать.

– Нет! Разве она просила тебя передать его внучке? – Я покачала головой. – Вот видишь. Аделаида сделала свой выбор.

– Да зачем он мне нужен? Я не хочу болеть, не хочу проблем, с ним связанных.

– Ты можешь найти себя в политике, бизнесе.

– Конечно, а потом испортится здоровье, и в довершение привлеку внимание Ордена.

– Тут ты права. Многие попадались, когда слишком высоко взлетали, теряли осторожность и упивались своей властью. Говорят, среди обладательниц вещей были Мата Хари, Мэрилин Монро, принцесса Диана, Ахматова. История показывает, что судьбы их сложились трагично. Но никто не заставляет тебя ими пользоваться. Спрячь, оставь на крайний случай.

С трудом отдав перчатки, Вера Игнатьевна стала меня выпроваживать. Кажется, она попросту боялась передумать. Оглянуться не успела, как оказалась выставленной за дверь. К машине шла в растерянных чувствах и под завязку загруженная информацией.

Глава 17

Алекс отлучилась в дамскую комнату, а мужчины, оставшись наедине, обменялись взглядами.

– Нет, это маловероятно, – не выдержал Кристоф. – Бабка отдала бы все внучке, а не чужой девчонке, и она была не в том состоянии, чтобы что-то ей рассказать. К тому же нам так и не удалось подтвердить существование этого дьявольского платка! И квартиру я обыскал – у нее чисто, на компьютере никаких запросов в Интернете.

– Тем не менее чутье подсказывает, что он существует. Квартиру Кристины следует поставить под наблюдение. Возможно, всплывет что-нибудь интересное.

– Хорошо, я позвоню Савицкому, – согласился Морено. Он и сам был не против понаблюдать, чем занимается Кристина в свободное время дома, и проверить, так ли уж сильно она занята. К тому же знает, как устроить, чтобы записи из ванной и спальни ложились только ему на стол. При мысли, что на нее будут глазеть посторонние, внутри все протестовало.

– Нет. Пусть работают твои люди, – возразил Богдан, одним махом допивая кофе. – Мне не нравится ситуация с бабкой. Внимание к ней привлекли мы, и утечка произошла у Савицкого. Не хочу, чтобы кто-то еще знал о наших подозрениях насчет Кристины. А вот о художнице Савицкому сказать можно. Пусть проверят и возьмут под наблюдение, а твои люди посмотрят, будет ли крутиться вокруг нее кто-то еще. Сделаем из нее живца.

– А если она ни при чем?

– Сам-то в это веришь? Кувшинцева явно чего-то боится, и у нее была довольно странная реакция на нас. Требуется выяснить, что именно она знает. Мне нужна полная информация о ней. Ты ее руки видел? Следует проверить: это просто болезнь или она отмечена скверной? Сам знаешь, как бы они ей ни сопротивлялись, в старости отчетливо видны последствия.

Кристоф согласно кивнул. Отметив, как изменилось выражение лица Богдана, становясь более расслабленным, обернулся – возвращалась Алекс.

– Так, говоришь, у тебя городская квартира неподалеку, – не сводя с нее взгляда, произнес Ковальский.

Вздыхнув, Морено достал ключи и подтолкнул их Богдану.

– В холодильнике шампанское и фрукты. Развлекайтесь, а я прослежу за установкой видеонаблюдения, пока моей дикой розы нет дома.

– Уже считаешь своей? Не хочешь дождаться результатов проверки?

– Зачем? Если все подтвердится, мои люди напугают, отберут тряпку, а я распахну ей утешающие объятия. Соприкасалась со скверной она недолго, и ты, думаю, будешь не против, если в отчете не будет фигурировать ее имя.

– Будешь должен.

– Какие долги между братьями? – хитро улыбнулся Морено, прекрасно видя, что тот и сам симпатизирует девчонке.

– О каких братьях речь? – вернулась за стол Алекс.

– Я вот говорю, что мы с Богданом как братья, сколько лет друг друга знаем.

– Понимаю. Мы с Кристиной как сестры, с детства дружим.

– Жаль, что она в последние дни так занята.

– Мы действительно наверстываем пропущенные пары, и она зарабатывает на новый телефон взамен утерянного. Даже нового ученика взяла, – стала оправдывать подругу Алекс.

– Может, тебе удастся уговорить ее принять от меня подарок? Или давай я куплю, а ты ей отдашь как бы от себя, – закинул удочку Кристоф. Знал бы он, что потеря телефона обернется для Кристины работой по вечерам, придумал бы иной способ удалить фото Богдана.

– Бесполезно, она гордая. Я предлагала ей одолжить денег, но она уперлась и ни в какую.

Алекс уже почувствовала отсутствие подруги, которая в последнее время пропадала на дополнительных уроках с учениками, и сама была бы рада исправить ситуацию.

– Жаль. Очень жаль, – вздохнул Морено.

Телефон можно было бы начинить и отслеживать все ее передвижения и разговоры. В то же время такая принципиальность у девушки являлась для него чем-то новым и еще больше выделяющим Кристину из общего числа знакомых женщин. Он сам не заметил, как задетое самолюбие и желание выиграть спор переросли в искренний интерес. Кристина каждый раз лишь сильнее его распаляла, ускользая.

До этого все его пассии сменялись с завидной регулярностью, и ему не было нужды устраивать за ними слежку, а вот за передвижениями этой девушки он бы следил с особым интересом. Вот куда она сейчас поехала? В их кругу было принято оберегать своих женщин, никуда не отпуская без сопровождения, и сейчас он понимал разумность таких устоев.

Кристоф усмехнулся про себя – подсознательно он уже воспринимал ее своей, пора переходить к решительным действиям.

Они расплатились и покинули ресторан. Провожая взглядом Богдана и Алекса, Морено не испытывал раздражения, что пришлось отдать ключи и на его постели будут предаваться страсти. Городская квартира предназначена именно для таких встреч, куда он водил всех своих баб, а вот загородный дом был лишь его территорией. Кристина оказалась одной из немногих, кого он захотел туда пригласить.

* * *

Звонок сотового резко вырвал из сна.

– И кому нейдется? – спросонья проворчал Богдан, потирая переносицу. В глаза как будто песок насыпали. С учетом того, что вернулся домой поздно, а потом еще работал, спал Богдан совсем ничего. Нужно завязывать с ночными бдениями над документами.

Часы показывали шесть утра, а на дисплее телефона высветилось имя Ирен.

– Слушаю.

Ответив на звонок, он упал на подушку, прикрыв ладонью глаза.

– Ирен, не молчи! Что-то случилось?

– Богдан, мы можем поговорить?

– Что-то срочное?

– ...

– Ирен! Что ты натворила?

– Почему сразу натворила? – излишне эмоционально возмутилась сестра, и, зная ее, можно было спорить: точно что-то уже учудила. – Я хотела поговорить с тобой о нашей ситуации с Ханом.

– Послушай меня, я думал о твоих словах, и мой тебе совет – смирись, иначе сделаешь себе только хуже!

– Вот так, значит?

– Да! – рявкнул Богдан.

И сам поморщился от своей резкости. Продолжил уже мягче, но в голосе все равно слышались стальные нотки. Он хотел, чтобы сестра четко осознала все последствия своих поступков. Капризы кончились, и нужно здраво посмотреть на свое будущее.

– Пойми, если вы с Ханом не одумаетесь и заявите о своем решении расстаться, отец примет это. Только он столько лет шел у вас на поводу, что больше со свадьбой тянуть не станет и в отместку выдаст тебя за первого, кто посватается. Больше у тебя выбора не будет – это во-первых. Во-

вторых, если не думаешь о себе – подумай о Хане. Его отказ на тебе жениться отец воспримет как личное оскорбление и откажет ему от дома, а также постарается вывести из бизнеса.

– Богдан, я все понимаю, но мы не любим друг друга. Вернее, любим, но как брат и сестра. Ты это понимаешь?

– Понимаю, но пойми и ты, что твои чувства к новому жениху никого интересовать не будут. И тебе придется с ним жить, разводов у нас нет. Хана же ты знаешь с детства, с ним ты всегда сможешь договориться. Ты же хотела свободы! Выйдешь замуж – вырвешься из-под опеки отца, и за тебя станет отвечать муж. Хан, как и я, тебя всегда баловал, прикрывал выходки, помогал. Не дай ему совершить ошибку! Говорю совершенно серьезно – если вы расстанетесь, разрушите жизни друг друга. Отец тебя просто выдаст замуж за другого, а вот платить всю оставшуюся жизнь за нарушенное слово станет Хан. Ты знаешь характер нашего отца – он не простит.

Сестра молчала, а Богдан выдохнул, надеясь, что она его услышала и осознала всю серьезность ситуации.

– Спасибо, – тихо произнесла она.

– Что?!

– Спасибо, что избавил от сомнений, – уже более уверенно и громко произнесла Ирен. – Я люблю тебя. И Хана люблю. Извини, мне пора. Целую!

Богдан убрал руку с глаз и с недоумением посмотрел на сотовый. Сестра любила долгие прощания, а тут первая резко закончила разговор. Отбросил телефон на покрывало и закрыл глаза, собираясь еще поспать. Ничего, Ирен образумится, Хан перебесится, и самые близкие ему люди еще будут счастливы вместе. Он верил в это. Или хотел верить.

Только Хану он мог доверить сестру. Представил на миг, что Ирен выдадут замуж за другого и она уже в браке позвонит ему в слезах... Он же на куски порежет ублюдка за каждую ее слезинку, кем бы ее муж ни был!

Усилием воли Богдан разжал кулаки, сжавшие простыню. Нет, Хан единственный приемлемый вариант ее замужества. Он точно не станет ломать Ирен и будет относиться к ней с уважением. Не обидит и не ударит, в этом Ковальский был уверен.

Успокоившись за сестру, лег на бок, отвернувшись от окна. Шторы вчера не задвинул, и утренний свет бил в глаза. Загородный дом, конечно, хорошо, но добираться до него по пробкам неудобно, отнимает много времени. Пока отвез после свидания Алекс домой, пока к себе добрался – уже и ночь.

Богдан собирался выспаться, но спокойно поспать сегодня была не судьба. Казалось, только-только уснул, но жужжащий звук телефонного звонка назойливой мухой ворвался в его сон. Чувствуя, что как никогда близок к убийству, на ощупь нашел на постели трезвонящий сотовый и, даже не глянув на звонившего, цветисто и от души выругался по латыни. Мало кто знал этот язык и мог понять, о чем речь, а так хоть какое-то моральное удовлетворение за прерванный сон.

– Я тоже рад тебя слышать, – сообщил Хан. – Что, неприятности?

– Да! – зло рявкнул Богдан. Он тут его шею и будущее спасает, и никакой благодарности. – Я пытаюсь спать! Я лег не так давно, но вы явно задались целью свести меня с ума. То Ирен, теперь – ты. Это прикол такой?

– Она тебе звонила? Давно?

Ковальский посмотрел время.

– Где-то часа два назад, а что?

– Ирен опять сбежала от охраны, не могут найти.

– Как давно сбежала?

– Как раз примерно в то время, что тебе звонила, – огрызнулся Хан.

– Она с тобой не говорила?

– Нет!!! – судя по голосу, друг достиг предельной точки кипения.

Такое редко случалось, и Богдан понял, что Зегерса тоже успели все достать, как и его. Чувство солидарности помогло подавить собственное раздражение и взять себя в руки. Ответил уже более спокойно:

– Мы с ней поговорили. Я подозреваю, она просто захотела побыть одна и обдумать мои слова насчет ее будущего. Хан, ты же знаешь сестру. Иногда ей просто необходимо личное пространство, а охрана ходит по пятам. Вот и взбрыкнула. Уверен, она сама вернется. Поверь, в кои-то веки Ирен решила взяться за ум.

– Думаешь? – с надеждой уточнил Хан. – Знал бы ты, как все это не вовремя. У меня интересное дело, а тут ее охрана дергает раз за разом, Вацлав уже звонил.

– Отцу доложили?

– А то! Они же потеряли ее на целых два часа! – сарказм так и сочился через трубку. – Уверен, Вацлав уже придумал этим недоумкам и Ирен изошренные наказания. Приказано беглянку вернуть и всех запихнуть в ближайший самолет.

– Хан, Ирен непросто. Будь мягче с ней. Знаешь, что она сказала, прощаясь?

– Что?

– Что любит тебя.

- Богдан, я ее тоже люблю, но иногда...
- Хочется снять ремень и хорошенько отшлепать. Только вспомни, что даже в детстве у нас рука не поднималась наказать эту мелкую заразу с лицом ангела и характером чертенка.
- И, чувствую, теперь мы платим за свое мягкосердечие.
- Сам виноват – баловал ее больше всех, – хмыкнул Богдан.
- Знал бы я, к чему это приведет...
- Это тебе наказание за то, что высмеивал в школе преподавателей, утверждавших, что женщины – зло.
- Клянусь, я вернусь и покаюсь в своих заблуждениях! – с чувством пообещал успокоившийся Хан. – Сам-то как? Как твое дело?
- Начинает проясняться, – зевнул Богдан.
- Вот почему так всегда? Ты там дрыхнешь, а Ирен на мне.
- Заметь, ты еще с детства испытывал за нее ответственность, – тонко намекнул Богдан на то, что муж отвечает за жену.

Хан невнятно выругался и повесил трубку.

Богдан вытянулся на постели с коварной улыбкой на губах. Все же лучшего мужа для сестры не стоит и искать. Об Ирен он не беспокоился. Та не первый раз сбегала от охраны. Скорее всего, это ее последний дебош перед возвращением домой. Он не сомневался в том, что сестра его поняла и осознала всю серьезность ситуации. Просто нужно время, чтобы смириться. Ничего, пусть выпустит пар.

* * *

Осторожно выбравшись из-под руки Кирилла, я тихо встала и вышла на кухню. Заправив кофеварку зернами, включила и задумчиво прислонилась к столешнице. За всю ночь я так и не решилась на разговор. Оказалось, что у всех есть тайны, и Ольховский не исключение. Вчера я случайно подслушала его разговор и теперь не находила себе места.

Не в моем характере уши греть, это получилось случайно. Вчера пока обсудили встречу с художницей, пока поели – уже и ночь. Кир засиделся за компом, а я пошла спать. Несмотря на усталость, без него не спалось. Прокрутившись изрядное время, я пошла затаскивать своего парня в постель. Дверь в комнату не была плотно закрыта, и я увидела, как он с кем-то разговаривает по скайпу. Вот и затормозила, чтобы не светиться. Когда же услышала, о чем речь, буквально застыла на месте.

Речь шла о взломе баз данных какого-то холдинга. Кирилл

отбрыкивался, говоря, что пока занят, а его соблазняли, обещая удвоить обычный гонорар вдвое.

Обычный! Вот что меня смутило. Тут я иными глазами взглянула на окружающую меня роскошь. Так вот откуда, по сути, деньги! Фирма для прикрытия, а основные средства он получает от хакерства. Какая же я идиотка! Почему сразу не поняла этого? Родные живут за городом, дорогущая машина, все новое в квартире. Одним ремонтом компьютеров такое не заработать!

Я тихо ушла, а потом прокрутилась всю ночь. Мой парень – хакер. С ума сойти! Можно было и раньше понять, когда он решил взломать комп. Вот почему у него имеется хитрая программка, которую я Богдану на компьютер запустила. Кстати, на фоне открывшихся обстоятельств новость о том, что новая любовь Саши все же из Ордена, померкла.

На пороге возник заспанный Кирилл, в одних спортивных штанах.

– Ты почему так рано вскочила? А, кофе хотела в постель принести, а я сюрприз испортил? Так я пойду, – шутливо произнес он и сделал вид, что уходит.

– Стоять! – воскликнула я, и он удивленно на меня посмотрел. – Нам нужно поговорить.

– Что случилось? – вся веселость слетела с Кира, и он подошел ко мне.

– Сядь, – попросила я.

Близость полуобнаженного тела отвлекала, а хотелось собраться с мыслями. Думала как-то помягче обсудить его род деятельности, а в итоге не сдержалась. Он с недоумением пожал плечами, демонстративно взял стул и сел.

– Кирилл, я знаю, что ты хакер. – Кажется, мне удалось его удивить. – Я вчера случайно услышала твой разговор ночью и все поняла.

– И? – он продолжал смотреть на меня с ожиданием.

– Что «и»? – вскипела я. – Ольховский, ты чем думаешь?! Хочешь, чтобы я тебе в тюрьму сухари таскала? Или цветы на могилу? Ты куда полез? Тебя или убьют, или посадят!

– Третьего не дано? – чему-то развеселился он.

– Не паясничай! – рявкнула я, и Кир даже вздрогнул. Постаралась взять себя в руки. – Слушай, я все понимаю: хотел помочь маме, как-то устроиться, а компьютеры – это все, что ты знаешь. Я понимаю, что никакого богатого мужа у твоей мамы нет. Молодец, ты ее обеспечил, тачку себе купил, ремонт в квартире сделал. Ольховский, прошу тебя – остановись! Занимайся своей фирмой, не лезь в криминал.

Я прожигала его взглядом, всем своим видом давая понять, что не дам

уйти от темы и ему придется быть откровенным.

– Ты понимаешь, что от фирмы приходят копейки? – холодно поинтересовался Кирилл с нечитаемым выражением лица.

– Плевать! Прогорит – пойдём работать. Лучше так, чем небо в клеточку!

– Я не смогу делать тебе дорогих подарков, мы не будем ездить на дорогие курорты...

– Ольховский, ты кретин? – перебила его. – Твоей маме сильно нужны будут подарки, если с тобой что-то случится? А мне? На хрена мне курорты, если тебя посадят? На каждого крутого хакера найдется еще круче, который отследит тебя. Не испытывай судьбу. Это же промышленный шпионаж, за такое сажают надолго, с конфискацией.

– Давай переоформилю все на тебя, – на полном серьезе предложил Кир, и мне захотелось ему врезать. Вот по-настоящему, буквально руки зачесались. Наверное, выражение лица у меня стало совсем зверское, раз Кир рассмеялся. Громко, от души.

– Серебрянская, ты прелесть!

Он сграбастал меня и усадил к себе на колени.

– Не вижу причин для веселья, – зашипела я в ответ и стала отбиваться от поцелуя.

Страх за него отбил все желание нежничать, а его отказ серьезно воспринимать ситуацию лишь бесил. Захотелось сделать что-то, чтоб проникся. Да хоть тот же платок взять и запретить ему заниматься противозаконной деятельностью и рисковать собой! Желание воспользоваться этой треклятой вещью стало таким сильным, что это меня отрезвило.

«Что со мной? – спросила саму себя, обескураженно замирая. – Неужели я серьезно собираюсь подавить волю Кирилла?!»

Стало стыдно за себя, и я замерла в его руках.

– Успокоилась? Скажи, ты считаешь меня способным на воровство?

Я молча глядела на Кира. Станный вопрос. А чем же еще хакеры занимаются? Пусть он ворует не деньги, а информацию – смысл один. Но Кирилл смотрел слишком внимательно, как будто заглядывая в душу, и я задумалась над подоплекой его слов.

Ольховский всегда был щепетильным в вопросе не только денег, но и правильного воспитания. Пусть и воспитывался без отца, но вырос настоящим мужчиной, с четкими моральными принципами. Он никогда бы не украл ни копейки и не польстился бы на чужое.

– Нет, ты не вор, – твердо произнесла я. Пусть за несколько лет он

сильно изменился внешне, но внутри остался все тем же Кириллом, которого знала.

– Уверена?

– Да. Я все не так поняла? – растерялась я, почувствовав себя глупо.

– Верись, что я не вор? – со странным удовольствием продолжал допытываться он, и я стукнула кулачком его по плечу.

– Хватит! Верю я, верю. Объясни тогда, откуда это все? – обвела рукой кухню.

– Мать вышла за олигарха. Волкова Владимира Степановича.

– Кирилл! – нахмурилась я.

– Seriously. Я в армии тогда был. Там такая история вышла. Ротвейлер друга этого олигарха попал ему под колеса. Они вместе пса в ближайшую клинику привезли – как раз в ту, где мать работала. Ну, она собаку спасла и впечатление произвела, когда выставила всю его охрану, чтобы людей не пугали.

Даже не удивлена. Мама его может. Внешне невысокая изящная блондинка, но характер железный.

– Степаныч с Ефимычем, хозяином пса, впечатлились и устроили ей осаду с ухаживаниями.

– Кто победил?

– Степаныч. Мама его вообще сначала водителем считала, а тот не спешил разубеждать.

– А он кто?

– Владелец металлургического комбината, транспортного холдинга, а по мелочи еще телекомпания и нескольких журналов.

– И он оказался не женат? – в шоке произнесла я, не веря, что так бывает.

– Разведен. Бывшая с детьми давно за границей живут.

– Хм...

Сказать, что я удивилась, – это ничего не сказать.

– Когда я вернулся из армии, мне Степаныч предложил работать на него, но я отказался. Он настаивал, что смогу набраться опыта, вырасту как специалист, ну я и сказал, что им еще до меня расти нужно. Первый раз я взломал его базы со всей документацией на спор. Если бы не удалось обойти защиту, пошел бы работать к нему, а так выиграл начальный капитал для своей фирмы. Сейчас время от времени провожу встряску для его службы безопасности, проверяю защиту. У друга его, Ефимыча, тоже. Машину, кстати, мне Ефимыч подогнал, когда тоже проспорил. Убеждал, что у него лучшие программисты и безопасность в концерне на высшем

уровне.

С уважением посмотрела на Кирилла. Всегда знала, что он умный, но чтобы настолько... Спрашивать, чем владеет этот Ефимыч, не стала – нервы целее будут. Мне отчима его хватило.

– Так твоя мама действительно живет за городом с отчимом?

– Да. Если хочешь, можем съездить к ним сегодня.

– Нет! – нервно воскликнула я. – Давай как-нибудь потом познакомишь.

«Чем позже – тем лучше», – добавила про себя.

Я туда под страхом смертной казни не сунусь. Разве что с шейным платком, для уверенности. Поймав себя на мыслях о платке, встревожилась. Почувствовала себя наркоманом, попробовавшим дозу: мысли нет-нет да возвращались к нему. Все же правильно Кирилл делает, что держит его в сейфе и перчатки туда положил. Услышав от художницы о негативном влиянии вещей на владелицу, даже примерить мне их запретил. Тиран!

– Серебрянская, ты трусишь? – изумился Кирилл.

– Я на тебя посмотрю, когда ты моему отцу объяснять будешь, почему я к тебе переехала.

– А что объяснять? Скажу – любишь, жить без меня не можешь, куда уж тебя девать.

– Ольховский! – от души отвесила ему подзатыльник.

– Вот видишь, бьешь – значит, любишь, – авторитетно заявил он в шуточной манере, а вот в глубине глаз оставался вопрос.

– Дурак, – как-то неожиданно смутилась я.

– Между прочим, некоторые мои разработки называли гениальными.

– Хорошо, уговорил: буду целовать в лобик и стряхивать пыль с рабочего инструмента.

Я помахала рукой над его головой, разгоняя воздух, и целомудренно чмокнула в лоб.

– Серебрянская! – возмущенно взревел Кирилл.

– Что? – невинно захлопала ресницами.

– Идем!

Он встал со мной, держа на руках.

– Эй, куда?!

– Буду учить тебя целоваться.

– Кир! – хохоча, уткнулась ему в плечо, когда мы чуть не врезались в дверной проем.

– Серебрянская, вот ты все не туда целуешь.

– У тебя для этого специально отведенные места?

Коридор содрогнулся от моего визга – Кирилл перебросил меня через плечо, чтобы не умничала, и смачно шлепнул по пятой точке.

– Бьешь – значит, любишь? – спросила я, изгибаясь, но в ответ получила еще один шлепок. Хм, подтверждение?

Глава 18

Литры выпитого кофе и бессонная ночь отразились на осунувшемся лице, заросшем щетиной. Кристоф с неудовольствием посмотрел на себя в зеркале и пошел принимать контрастный душ. Вода, то обжигающе горячая, то ледяная, прогнала накопившуюся усталость.

Где же она шляется? И интересно, как часто не ночует дома? Нужно было гораздо раньше поставить ее квартиру под видеонаблюдение и узнать, как она живет. Телефон выключен, Алекс на слова о том, что он не может дозвониться до Кристины, отреагировала спокойно, предположив, что та уже спит, а телефон попросту сел. Но он-то знал, что это не так! Даже приказал своим людям проверить все больницы и милицейские сводки по ДТП, но Кристина нигде не проходила. Это успокаивало и злило одновременно.

– Где же ты ночуешь, девочка? – спрашивал в который раз пустоту.

Мысленно он уже считал ее своей, и вот такие «сюрпризы» не радовали. Сразу возникал вопрос: что еще она скрывает?

Кристина появилась дома ближе к обеду. К этому времени он уже пребывал на взводе, представляя ее то резвящейся с любовником, а то умоляющей его о помощи. Просмотренные полицейские сводки давали о себе знать. Но, судя по изображению с камер, девчонка была жива и здорова. Первым делом прошла к себе в комнату и стала что-то искать в своих конспектах, откладывая некоторые в сумку. Наблюдая за Кристиной через экран ноутбука, Кристоф позвонил ей, но телефон до сих пор был вне зоны действия сети. Выругавшись, он внимательно присмотрелся к ней, оценивая поведение. На первый взгляд Кристина никуда не торопилась и, кажется, даже собиралась заняться уборкой.

Что ж, лучше для нее, если будет дома к его приезду. Для подстраховки Морено приказал одному из своих людей контролировать выход из подъезда и при надобности проследить за девчонкой. Лишь после этого взял ключи от машины и отправился к ней, собираясь вытрясти ответы.

* * *

– Что за игру вы затеяли? – Савицкий не утруждал себя вежливостью и обошелся без приветствий.

– Не понимаю, о чем ты.

Кристоф резко крутанул руль и перестроился, не обращая внимания на возмущенные сигналы.

– Почему во дворе объекта крутятся твои люди?

– К вам это не имеет никакого отношения. Они охраняют мою женщину.

– Расскажи это кому-нибудь другому! Вчера в ресторане вы тоже просто с девками встречались?

Кристоф поморщился от слова «девки», но не стал возмущаться. С их репутацией, начини он требовать более уважительного отношения к своим знакомым, только разбудит лишние подозрения.

– Ты следишь за Палачом?

– Мы отслеживаем все контакты родных объекта! – немного нервно воскликнул Савицкий и перешел в наступление: – Вы не доверяете работе моих людей? Почему мы не действуем сообща?

– Наше право вести расследование так, как нам удобно.

– Я не спорю, но сотрудничество в общих интересах. Вот твоя девка? Зачем она приходила вчера в отель к художнице? Причем та съехала практически сразу после ее ухода.

– Я сейчас немного занят. Обсудим этот вопрос в другой раз, – резко прервал разговор Кристоф и со злостью ударил по рулю. Дьявол, так вот какие у нее были занятия!

Увидев своего человека, который, не таясь, крутился у подъезда, Морено вывернулся на него. Идиот! Да, он не давал прямого приказа скрываться, но зачем же так откровенно светиться? Спустив пар, к Кристине поднялся уже более спокойный, но чуть опять не вспылит, когда понял, что ему совсем не рады.

– Кристоф? – на него смотрели удивленно.

– Можно войти?

– Д-да, проходи.

Кристина посторонилась, но мимо него не прошло, как она запнулась.

– Кофе будешь? – К чести Кристины, она быстро взяла себя в руки и проявила гостеприимство.

Морено уже тошнило от кофе, но он поблагодарил и прошел на кухню. Кристина поставила турку на плиту и обернулась, сложив руки на груди, дистанцируясь от собеседника. Все эти мелочи он подмечал, как и ее внутреннюю напряженность в его присутствии.

– Ты почему не позвонил?

– Наверное, потому, что твой телефон отключен.

- Оу! Наверное, сел.
- Наверное, – скрипнул зубами Кристоф. – У тебя все в порядке?
- Да.
- Ты не ночевала дома.
- Откуда ты знаешь? – Неподдельное удивление в ее глазах, а потом настороженность. Такая смена эмоций ему совсем не понравилась. – Ты следишь за мной?
- Если бы следил, то знал бы, где ты, и не сходил всю ночь с ума от беспокойства. Ты куда пропала?
- Кристоф, с какой стати ты обо мне беспокоишься? Это лишнее. Как видишь, со мной все в порядке.
- У тебя кто-то есть?

* * *

Сославшись на необходимость взять некоторые конспекты и полить цветы, я сбежала от Кирилла.

Захотелось немного побыть одной и принять те изменения, что случились в моей жизни. После встречи с Ольховским все изменилось. Даже появление необычных вещей не стало для меня таким большим событием.

Я влюбилась. Буквально по уши и с четким пониманием того, что это не легкая влюбленность, а то самое глубокое чувство, которое навсегда. С Кириллом было безумно хорошо, легко и просто. Не нужно было стараться выглядеть лучше, чем ты есть, думать, что сказать. Мы понимали друг друга с полуслова. В его обществе было уютно даже молчать. Не знаю, как я жила без него все эти годы, ведь в моей жизни как будто появился недостающий пазл, делающий ее по-настоящему полной.

Родители будут в шоке, когда все узнают, но придется поставить их перед фактом, что я теперь живу у Ольховского.

«Хорошо еще, что не на другой конец города переезжаю», – хмыкнула про себя.

Дом встретил меня тишиной. Без родителей в нем было пусто, и как будто не к себе вернулась.

Ходила по квартире, мысленно с ней прощаясь, но с блаженной улыбкой на губах от некоторых утренних воспоминаний. Заметив на тумбочке пыль, решила заняться уборкой и разгрузить холодильник от пропавших продуктов. Занятая делами, звонок в дверь восприняла

спокойно, решив, что это Кирилл за мной пришел, и даже не посмотрела в глазок, сразу распахнув дверь.

Обнаружив за ней Кристофа, я с трудом сумела справиться со своим лицом. Сама виновата, что расслабилась и забыла об осторожности. Знай я, кто там, ни за что бы не открыла дверь! Вопросы о том, куда я пропала, вызвали только раздражение, а потом испуг. Он следит за мной?!

Дура! Если Богдан из Ордена, то и Кристоф оттуда, раз они учились вместе и друзья. Готовя кофе, напряженно размышляла об этом. Я, правда, плохо представляла обучение в этом Ордене. Вряд ли для этого существует целая школа, где будущих членов в открытую учат охоте на владелиц и уничтожению вещей. В наше время это смотрелось бы дико. Поэтому не факт, что испанец с ним.

– Кристоф, с какой стати ты обо мне беспокоишься? Это лишнее. Как видишь, со мной все в порядке, – попыталась уйти от вопросов.

– У тебя кто-то есть?

Я отвернулась к плите, не зная, что ответить. Особенно остро ощутила, что я сейчас один на один с Кристофом. С момента его прихода чувствовалось, что он на взводе. С темпераментом испанца еще неизвестно, как отреагирует на мои слова. В то же время мне настолько надоело его внимание, что лучше бы расставить все точки над «i».

– Да, есть.

– Вы встречаетесь?

Вопрос прозвучал с насмешкой. Мне явно припомнили слова насчет отношений.

– Да.

– Что же ты без него тогда к Богдану приехала? – прожег меня темными глазами испанец, и я почувствовала себя как на допросе у инквизитора.

– Мы тогда еще не встречались, – ответила чистую правду.

К счастью, кофе был готов, и я отвлеклась, убрав турку с огня и доставая чашки.

– Хочешь, чтобы я поверил, что ты за какую-то неделю начала встречаться с другим?

От греха подальше я отошла от Кристофа, доставая сахар и ложки.

– Почему за неделю? Мы знакомы давно. Он предложил мне быть его девушкой, и я согласилась.

– Сразу после того приема? – скептически переспросил испанец, не веря.

– Да, почти сразу после этого.

Я протянула чашку Кристофу, но он даже не обратил внимания, пристально вглядываясь в мое лицо.

Отгородилась своей чашкой, поставив его кофе на столешницу. Захочет – выпьет. В данный же момент моего гостя интересовало другое.

– Почему ты мне ничего не сказала?

– Разве я должна перед тобой отчитываться? Я даже Алекс пока ничего не говорила. С трагедией в семье ей не до меня.

Кристоф шагнул ко мне, вкрадчиво поинтересовавшись:

– А если я предложу тебе отношения?

Честное слово, я чуть кофе не поперхнулась! Он же стал развивать свою мысль: вы знакомы давно, но ты не спешила становиться его девушкой. Значит, между вами ничего серьезного. Я напугал тебя, обидел, и ты стала искать утешение.

Испанец уперся руками в столешницу возле моих бедер, отрезая любые пути отступления.

– Я не нуждаюсь в сеансе психоанализа! Мы встречаемся потому, что нам хорошо вместе.

– Да? – не поверил Кристоф и самоуверенно заявил: – Со мной тебе будет лучше.

– Послушай...

Он потянулся ко мне, а я дернулась, пролив на себя немного кофе, и зашипела от досады – это была моя любимая клетчатая рубашка.

– Не обожглась? – Испанец схватил кухонное полотенце, заботливо промокая пятна у меня на груди.

– Нужно в ванную.

Я отобрала полотенце и воспользовалась возможностью ускользнуть от его близости и неприятного разговора. Кристоф посторонился, давая пройти.

Я так спешила, что совсем не услышала шагов за спиной, и стало неприятным сюрпризом, когда испанец зашел за мной в ванную, закрыв дверь на защелку.

– Кристоф...

Не успела возмутиться, обернувшись, как он стал расстегивать пуговицы моей рубашки.

– Дай посмотрю. Я тебя не обжег?

– Ты что делаешь?!

Ситуация выходила из-под контроля, и я не знала как быть. Под видом заботы меня внаглую раздевали!

– Смотри, покраснело немного. Дай поцелую.

Отведя мои руки и не обращая внимания на попытки оттолкнуть, он прижал меня к стене и губами коснулся покрасневшей кожи.

– Кристоф, прекрати!

Нервы стали сдавать. Я помнила, насколько он сильный, еще по прошлому разу, а тут мы в квартире одни, и спасти меня некому.

– Нет... Хватит от меня бегать! – заявил испанец и впился поцелуем в губы.

Он легко уклонился от удара моего колена и всем весом навалился на меня. Я оказалась зажата между ним и стеной. Уперлась руками в плечи, но не сдвинула и на йоту. Паника накрыла с головой. Я вырывалась, но только бестолково теряла силы, прекрасно чувствуя, что Кристофа мое сопротивление лишь сильнее заводит.

– Ты моя... Я тебя никому не отдам...

Выдохнувшись, заставила себя замереть в его руках и усилием воли расслабиться. Перспектива быть изнасилованной в собственном доме отрезвила. Голова работала четко. Мне с ним не справиться. Если только обхитрить...

Пришлось ответить на поцелуй, обняв за шею.

– Нежнее, – простонала в жадные губы, когда он с силой сжал мою грудь. Застежку лифчика Кристоф успел расстегнуть, и сейчас тот болтался на мне. Рубашка была полностью расстегнута. Хорошо еще, что надела джинсы, а не юбку.

Моя податливость заставила испанца сбавить напор. Он услышал, и прикосновения стали не такими грубыми. Но все равно мне стоило огромных усилий не дергаться, терпя их.

– Ты серьезно насчет отношений? – спросила, стараясь хоть как-то отвлечь.

Кристоф немного отстранился, давая мне перевести дух. Я тяжело дышала, и вопрос получился с придыханием, которое можно было списать на возбуждение.

– Переедешь ко мне.

Изобразила радость:

– Серьезно?!

Зарылась пальцами в его волосы, взъерошив на затылке. Я готова была на все что угодно, лишь бы вывести на разговор.

– Вполне. Согласна?

Кристоф слишком внимательно вглядывался мне в глаза, и я интуитивно не стала лгать, вместо ответа потянувшись к губам, целуя. Уловка сработала – он ответил, но тут же отстранился, властно заявив:

– Дашь мне телефон, я сам объясню твоему недоразумению, что он теперь бывший и ты со мной.

– Кому? – не поняла в первый момент я, а потом мелькнула мысль воспользоваться моментом и дать телефон Кирилла, но не стала его подставлять и светить номер. – У меня никого нет. Ты так пренебрежительно отзывался об отношениях, что просто решила щелкнуть по носу.

– Тогда где ты ночевала?

Кристоф был сама подозрительность, и я ответила с самым честным видом:

– Знакомая позвонила. Поссорилась с парнем, напилась в баре. Пришлось вытаскивать ее и доставлять домой.

– Напилась в баре отеля? Тебя там видели.

Мое сердце пропустило удар. За мной следят?! Хотя если бы следили, то Кристоф знал бы, где я ночевала. Скорее всего, под наблюдение попала не я, но от этого было еще страшнее.

– Не смотри так. Я беспокоился за тебя и поднял все свои связи, – пояснил Кристоф, оценив мою реакцию.

На миг мелькнуло искушение сказать «да», но здравый смысл победил. Похоже, уже известно, с кем я встречалась в отеле, и это проверка.

– Нет. По дороге к ученику я заехала в отель к нашей знакомой, с кем мы ужинали вчера. Меня удивил ее поспешный уход. Оказалось, она так испугалась подробностей трагедии с Аделаидой Стефановной, что решила спешно покинуть нашу дикую страну, где воры нападают прямо в твоём доме. К сожалению, мои слова о том, что ограбления происходят и за границей, ее не успокоили. Она накрутила себя, что и в номере на нее могут грабители напасть, – вздохнула я, делая все возможное, чтобы отвести подозрения от Веры Игнатьевны. Пусть лучше считает ее излишне эксцентричной.

Не знаю, поверил ли Кристоф, так как на лице читались сомнения, но тут его взгляд опустился к моей груди, и мысли приняли иное направление.

– Значит, у тебя никого нет? – протянул он. Руки, лежащие на моей талии, стали медленно подниматься выше.

– Теперь есть. – Я хотела улыбнуться дерзко, но вышло натянуто. Нервы сдавали. Чувствовала себя балансирующим канатоходцем.

– Что не так? – Моя реакция на его прикосновения не осталась незамеченной, и на меня смотрели с подозрением.

Решила идти ва-банк, так как сил больше не было.

– Извини, – изобразила смущение. Получилось правдоподобно, из-за

его рук на моей обнаженной коже ощущала себя и без того очень неуютно. – Я не успела сегодня принять душ, а тут еще уборку в квартире затеяла. Чувствую себя грязной.

А вот это прозвучало очень искренне. Вот только грязной я ощущала себя из-за того, что меня лапал он.

– Давай наберем ванну? – многообещающе улыбнулась Кристофу, взглядом давая понять, что собираюсь принять ее вместе с ним.

Мне удалось развеять недоверие. Испанец отстранился, и, пока он не передумал, я как можно естественнее произнесла:

– Включи воду. Пена в шкафчике, а я сейчас принесу чистые полотенца.

Не давая ответить, прошмыгнула мимо него и открыла замок на двери. От облегчения, что вырвалась из ловушки, обернулась к Кристофу, который не сдвинулся с места и напряженно следил за мной. Отстегнула на болтающемся лифчике бретельки, подхватила бюстик и швырнула ему.

Моя провокационная выходка расслабила испанца – он с улыбкой поймал белье. Дальше было делом техники. На ходу застегивая рубашку, я выскочила в прихожую. Прихватила сумку, что собрала до этого, пальто, обулась и выбежала из квартиры, тихонько прикрыв дверь за собой. В ванной набиралась вода, но рисковать не стоило. Лифт ждать не стала, поскакав по ступенькам вниз. Уже почти добравшись, услышала визгливый лай Лорда, и это заставило замедлить шаг.

На первый этаж спустилась на цыпочках. Возле лифта Дима оттаскивал свою собаку от какого-то незнакомца. На всякий случай перестраховалась и проскользнула мимо них как можно незаметнее, пока не смотрели в мою сторону, а уже оказавшись на улице, бросилась со всех ног дворами к дому Кирилла. Больше я к себе одна ни ногой!

* * *

К счастью, остаток утра прошел спокойно, и Богдан смог выспаться. Разговор с сестрой и Ханом расставил все по местам, оставив в душе спокойствие. Эти двое предназначены друг для друга, пусть и не понимают пока этого. Хан теперь уже официально породнится с их семьей, а Ирен лучшего мужа не найти. Только друг был способен вытерпеть ее непростой характер, опекая и балуя с самого детства.

Сварив себе кофе, открыл ноутбук и проверил почту. Пришла информация на художницу, и Богдан стал читать, неспешно попивая кофе.

Явных признаков одержимости не было, но косвенных хоть отбавляй. Следовало все же плотно ею заняться.

Звонок сотового вырвал его из раздумий.

– Уже соскучился? – ехидно поинтересовался Богдан у Хана, не отрывая взгляда от монитора.

– Да не представляешь как. Ты занят?

– Изучаю дело одной мадам, а что?

– Ты сидишь?

– На диване. С кофе. Тебе нужны еще подробности? – поддел друга.

– Хорошо, что у тебя сердце здоровое, – заметил Хан совсем не радостным тоном. – Тут такое дело. Ирен нашлась. Она вышла замуж. По-настоящему. С брачной ночью и так далее.

Слова упали подобно бомбе, взорвавшись в его мозгу и оставляя после себя оглушительную тишину. Богдан побледнел и даже отодвинул телефон от уха, в неверии смотря на него. Интуитивно понимал, что это не розыгрыш и Хан не шутит. Несколько мгновений понадобилось на осознание масштабов катастрофы. На этот раз сестрица переплюнула сама себя! Богдан взорвался руганью на всех языках, которые знал, закончив отборными выражениями на испанском, но облегчения это не принесло.

– Как ты это допустил?! – набросился на друга. Ирен была под его опекой. Как Хан смог прошляпнуть такое у себя под носом?!

– Извини, я как-то не подумал, что твоя сестра может выкинуть такой финт. А то, наверное, бросил бы и след Хищницы, и все наработки. Так мне надо было поступить?

Богдан помолчал, пытаясь хоть немного успокоиться. Какой смысл искать виноватых, когда нужно срочно думать, как исправлять ситуацию. Как только это дойдет до отца, всем не поздоровится.

– Кто он? – наконец спросил охрипшим после воплей голосом, желая знать личность будущего трупа.

– Полицейский.

– ...

– Дослушай, а? Я тоже сначала подумал, что все, хана мужику.

– Мудаку, – процедил злобно Богдан, – мудаку, который осмелился тронуть мою сестру. Я лично ему яйца откручу. Я прямо сейчас вылетаю и просто тупо его убью. Нет, вру! Я буду делать это долго и с удовольствием!

– Успокойся. Мудак не просто полицейский, а наследник очень хорошего бизнеса. Ювелирные бутики в куче стран плюс, кажется, есть алмазная шахта. Похоже, Ирен знала, что делает.

– Думаешь, гребаные деньги спасут его задницу? – просто взорвался

Богдан.

– Думаю, стоит разобраться, зачем Ирен это сделала.

– Разберусь. Я прямо сейчас покупаю билет и вылетаю ближайшим рейсом. Все, ждите! Тебе тоже попадет. Отцу позвоню сам. И этой... козе!

Впервые он обозвал сестру. Сбросив звонок, прикрыл на мгновение глаза, беря под контроль эмоции. Гнев плохой советчик, а помимо этого, предстоит тяжелый разговор с отцом.

– Нет, как она могла?! – со злостью ударил кулаком по спинке дивана.

Посмотрев на экран, захлопнул крышку ноутбука. Сейчас не до этого. Прежде всего позвонил Кристофу, сообщив, что должен ненадолго уехать. Пусть продолжает вести дело, сообщая обо всем. Потом заказал билеты на самолет и лишь после набрал отца, приняв первый удар на себя.

После разговора спустился в спортзал и до седьмого пота молотил по груше.

– Я позвонил отцу. – Выпустив в спортзале пар, Богдан был спокоен и собран. – Он первым же рейсом вылетает к вам. Сейчас позвонит Ирен и велит ей ждать его в отеле, где вы остановились. Я уже купил билеты, скоро вылетаю. Готовь мозги, тебе их вынесут.

– Совсем злой? – спросил Хан.

Это было мягко сказано. Им всем не сносить головы, а Ирен впервые в жизни отхватит по полной.

– Вне себя. Я по-любому там нужен, чтобы хоть как-то его успокоить. Надеюсь, к моменту прилета отец начнет здраво соображать.

– Достанется Ирен, – вырвалось у Хана.

– Надо уметь отвечать за свои поступки. Все, до встречи!

Теплые струйки гнева опять пробили ледяное спокойствие Богдана. Он злился на сестру, но еще сильнее беспокоился за нее. В гневе отец непредсказуем.

Глава 19

При виде немного взъерошенного Хана, спешащего навстречу из лифта отеля, раздражение Богдана прошло. Думал – первое, что сделает, это врежет ему от души, но сам распахнул объятия, обнимая брата.

– Как ты ухитрился вляпаться так круто? – спросил у друга, когда они пожали друг другу руки.

– Тоже рад тебя видеть. Самолет Вацлава приземлится примерно часа через полтора. Родители Берта в пути, им еще около часа езды.

– Ну хоть запас есть, – вздохнул Богдан, взъерошивая волосы привычным жестом. – А эта мелкая засранка?

– В номере. С мужем.

Богдана слегка перекосило от последней фразы.

– Держи себя в руках.

– Держу, – заверил Ковальский, но взгляд говорил об обратном.

Хан недоверчиво хмыкнул, но все же потянулся за телефоном.

– Ирен, спускайтесь в ресторан.

– А где эти? – спросил Богдан, стоило Хану убрать мобильник в карман. – Охраннички.

– Ну, Вацлав их отстранил от работы. Но пока они здесь. На всякий случай. А вот где именно – не в курсе.

Упомянутые охранники обнаружили в ресторане. Они выглядели хмуро, а увидев Палача, посерели. Богдана боялись даже больше Вацлава. Он же удостоил их лишь коротким презрительным взглядом.

– Надо же, вместо того чтобы думать, как вымалывать прощение, они обедают, – не смолчал Хан.

– Вижу. Пусть наслаждаются напоследок, сейчас не до них.

Не сговариваясь, выбрали самый удаленный столик. Богдан оценил тактический ход Хана. Народу в ресторане было немного, но присутствие других людей заставит держать себя в руках и не поддаваться гневу. До сих пор хотелось придушить сестру. Ирен перешла черту и явно не представляла всех последствий содеянного. Своим опрометчивым поступком она бросила тень на репутацию их семьи, и даже сам Богдан не мог предсказать реакции отца. Сестра с детства была любимицей Вацлава, но спустить ей непослушание он не имел права.

– Что скажешь об этом... Берте? – через силу произнес имя мужа сестры. Богдан понимал, что тот не один виноват и не представлял, во что

ввязывается, но заочно уже ненавидел, считая источником всех бед.

– Мне он нравился. В нем есть стержень, и я бы никогда не подумал, что он способен на поспешные решения. Наверное, дело в том, что они знают друг друга давно.

– Давно?

– Вспомни нашу совместную поездку на каникулы в Альпы. Ирен тогда сбежала из отеля и умудрилась познакомиться с ним.

– Как это возможно?! Почему я об этом не знал?

– Тебе тогда было не до сестры, – кратко напомнил Хан, не желая ворошить болезненные воспоминания. – Кстати, вот и они.

Богдан уже и сам увидел Ирен и впился изучающим взглядом в ее спутника. То, что запугать офицера Рейна не получится, понял сразу. Он знал такую принципиальную породу людей, которые идут до конца, невзирая на последствия. Меньше шуму, если убирать сразу.

Мысли об уничтожении мужа сестры не вызвали никаких эмоций. Богдан привык эффективно устранять проблемы. А еще злил цветущий вид Ирен и то, как по-хозяйски этот Берт держал ее за руку.

Сестра первыми увидела охранников и испуганно замедлила шаг, но потом с вызовом подняла подбородок, отвечая на их ненавидящие взгляды. Эти смертники забили еще несколько гвоздей в крышку собственного гроба. Так смотреть на нее никто не имел права! Также Богдан отметил, что рядом с мужем Ирен чувствует себя в безопасности.

Брата она заметила не сразу. Первым был Берт. Вот этот сразу нашел их взглядом и сейчас изучал так же пристально, как и Богдан его.

При приближении парочки к их столику они с Ханом встали. Друг, хорошо зная его характер, не сводя глаз с Ирен, тихо произнес:

– Спокойно. Не надо никого убивать даже взглядом.

Ответом послужил едва слышный скрип зубов.

Ирен увидела брата и слегка побледнела, но шаг не сбила и даже попыталась улыбнуться. Потом метнула несколько испуганный взгляд на Хана. Тот не шелохнулся. Но заговорил первым, иначе пространство бы взорвалось от перенапряжения.

– Ну привет новобрачным. Можно впредь без подобных сюрпризов?

– Для нас это тоже было несколько неожиданным, – признался Берт. – Добрый день.

– Зато... – начала было воинственно Ирен, но, наткнувшись на взгляд брата, подавилась словами.

Хан пожал руку новоиспеченному мужу сестры. Богдан от рукопожатия отказался. Сделал вид, что не заметил, первым сел и

проговорил бесстрастно, обращаясь только к сестре и специально игнорируя Берта:

– Предлагаю перейти к делу, а не разводить церемонии. Отец скоро приедет. Ирен, назови хоть одну причину, по которой мы должны принять твой брак.

Краем глаза заметил, что муж Ирен не смутился. Лишь откинулся на спинку стула и с легким интересом разглядывал его.

Хорошо владеет собой, Ирен далеко до супруга. Сестра сглотнула и чуть жалобно снова посмотрела на Хана. Тот едва заметно мотнул головой. Правильно, тут он ей не помощник.

Официант направился было в их сторону, но Хан сделал знак: мол, подождите немного.

– Богдан, – начала Ирен тихим голосом, потом замолчала.

– Я жду.

– Может, стоит мне... – проговорил Берт, приходя на помощь жене, но Богдан даже не глянул в его сторону и повторил:

– Ирен, я жду.

Берт взял жену за руку и тихо что-то проговорил. Богдану едва удалось справиться с волной бешенства. Тяжело наблюдать за тем, как к его сестре прикасается посторонний мужик. Мысль о том, чтобы сделать его трупом, казалась все более привлекательной. Пальцы сжали стакан с такой силой, что чуть не раздавили стекло.

Ирен благодарно улыбнулась мужу и уже более уверенно посмотрела на брата.

– Богдан, понимаю, что на первый взгляд наш брак кажется тебе поспешным и необдуманым, но это самое правильное, что я сделала в жизни. Я люблю своего мужа.

– Не путай игру гормонов с настоящим чувством, – холодно ответил он.

– Не рассказывай мне о гормонах! – гневно произнесла Ирен, но тут же понизила голос, когда в их сторону стали коситься. – Я вдоволь насмотрелась на ваших однодневных баб и сама кому угодно объясню разницу. Я счастлива с Бертом и чувствую себя с ним полноценным, свободным человеком, а не марионеткой, которую дергают за ниточки. Не в пример вам, его интересуется мое мнение и мои желания, он видит во мне личность, а не объект для торга. Почему в нашей среде женщины считаются вторым сортом? Тебе, Хану позволено жить, как вы хотите, а зато для нас придумана бездна ограничений! Почему кто-то другой должен решать, с кем мне жить и от кого рожать детей? С детства нас готовят быть

хорошими женами, но в браке речь идет не о любви, а о покорности. Ты сам признал, что любой другой мужчина, выбранный отцом, меня сломает. Так я выбрала сама того, кто принимает меня такой, какая есть. С ним я чувствую себя любимой и желанной.

Знал бы он, что их вчерашний разговор приведет к таким последствиям... Лично бы прилетел за ней и отправил домой!

– Ты не чувствовала этого дома? Тебя мало любили и баловали?

– Я знаю, что ты с Ханом, отец – меня любите. Маме же всегда не было дела до меня. Но даже говоря о наших родителях – я не хочу таких отношений, что между ними, в своей собственной семье.

– Считаешь, что тебя ждет лучшее с первым встречным?

– Берт не первый встречный, я знаю его давно. – Ирен бросила теплый взгляд на мужа, который пока хранил молчание, давая ей высказаться. – Когда-то он открыл мне глаза, сказав, что никто не может запретить мне жить так, как я хочу. Нужно добиваться желаемого и быть готовой платить свою цену за это.

– Так вот кого нужно благодарить за все твои выходки! – ошарашенно воскликнул Хан, награждая Берта совсем не дружелюбным взглядом.

Богдан не показал эмоций и не сводил глаз с сестры, но счет к офицеру Рейну возрос.

– Я хочу быть и буду с тем мужчиной, кого выбрало мое сердце, даже если придется выдержать ваше недовольство и гнев отца, – тихо, но твердо произнесла Ирен.

– Да ну! – присвистнул Богдан. Он перевел взгляд на ее мужа и поинтересовался: – А если я буду против – меня арестуешь?

– Сегодня утром я подал заявление об уходе.

– С какой радости? – прищурился Богдан. Он уловил попытку Ирен вставить слово и вскинул руку, проговорив: – Не влезай.

– Расскажи им, Берт! – все же подала голос сестра, обжигая взглядом тех, кого считала самыми близкими людьми. – Расскажи!

– Я в курсе, что у вас принято выдавать ваших дочерей и сестер замуж по договоренности и за... состоятельных людей, – медленно произнес Берт, глядя Богдану прямо в глаза. – Думаю, ты в курсе, что моя семья довольно обеспеченная. И я – единственный наследник. Который еще и неплохо разбирается в семейном бизнесе. Но! Я всегда хотел работать в полиции. И этот факт сильно огорчал всю семью.

– Думаю, не так трудно вернуться обратно.

– Тебе было бы легко расстаться с любимой работой? Ради которой ты пошел на очень многое?

Хан и Богдан переглянулись. Невольно Берт задел болезненную тему. Их двойная жизнь накладывала свой отпечаток, но они не представляли себя без Ордена.

– Ну а что изменилось сейчас? – поинтересовался Хан.

– Ирен сказала, что если ее мужем станет не полицейский, пусть и хороший, а наследник многомиллионного состояния, то такой брак ваша семья одобрит.

– А вот тебе явно плевать насчет того, одобрим мы брак или нет, – не унимался Богдан, желая докопаться до истинных мотивов.

– Для Ирен это важно, – Берт пожал плечами. – Она вас любит. Я могу лишь поддержать.

Наступила тишина. Скорее задумчивая, нежели злобная. Богдан отметил, как льнет к супругу Ирен, постоянно норовит его коснуться. Да и тот машинально, явно сам того не замечая, гладит ее пальцы. Отбросив личные эмоции, внимательно изучал этих двоих.

Вначале он думал, что сестра назло им всем выскочила замуж за первого встречного, пусть и богатого, сосунка, но увиденное заставило пересмотреть первое мнение. Рядом с мужем Ирен светила и выглядела счастливой. Действительно счастливой, такой, какой он не видел ее уже давно. Да и сам Берт оказался не так прост. Чувствовался в нем внутренний стержень и характер.

– Рассказывай, – приказал Богдан внезапно, – все рассказывай. Начиная с момента, когда вы познакомились.

Рассказ затянулся примерно на час. Берт не старался его приукрасить. Просто спокойно объяснял, отчего тогда заговорил с Ирен, почему предложил ей выйти замуж. Все это время Богдан изучал его, оценивал.

– Значит, чтить закон? – проговорил, когда Берт закончил рассказ. Вокруг разговаривали люди, звенела посуда, шел разгар ужина.

– Чту.

– А наши законы считаешь фигней? – провоцировал Богдан, желая задеть и вывести из себя. Хотелось знать, что скрывается за спокойным поведением полицейского. Его откровенность, без желания понравиться или произвести выгодное впечатление, невольно вызывала уважение.

– У каждой семьи есть свои традиции и ритуалы. Но они все равно не могут быть выше мировых законов.

– То есть, если я сейчас попытаюсь увести Ирен, ты поступишь по закону? Или набьешь мне морду? Чисто по-человечески.

– А ты понимаешь только язык силы? Или все же можешь рассуждать цивилизованно?

Хан кашлянул, намекая Богдану, чтобы он не перегибал и перестал провоцировать. Нервы у офицера Рейна были железные, но эта обманчивая мягкость в словах говорила о том, что перед ними тоже хищник, который пока только предупреждает, но готов защищать свою территорию. Вот только Богдан считал сестру своей и готов был принять вызов. Атмосфера за столом накалилась.

Неизвестно, чем бы это закончилось, если бы не телефонный звонок.

– Уважаю я технические блага, – не выдержал Хан, наблюдая, как Богдан отвечает на звонок, – вмешиваются в самое подходящее время.

– Отец подъезжает к отелю, – известил всех Ковальский, с удовольствием наблюдая, как каменеют лица присутствующих.

– И вот теперь хана может наступить всем, – вырвалось у Зегерса.

– Ты можешь перестать ерничать?

Тот развел руками:

– Прости, это сильнее меня. Тем более все уже произошло. Нам остается расслабиться и получать удовольствие. Ирен, не падай в обморок.

– И не думаю.

Вопреки словам, она и правда выглядела зеленоватой от волнения, но вроде держалась. Богдан видел, как сестра намертво вцепилась пальцами в руку Берта. Бросив на парочку последний взгляд, он пошел встречать отца.

Ковальский-старший появился с большим количеством охраны и Марком Ондельсоном, одним из уважаемых нотариусов Ордена. В груди Богдана екнуло. Он не задумываясь отдал бы миллион долларов, чтобы узнать, что замыслил отец.

Судьба женщин, нарушивших принятые меры поведения, была печальна. Многих ссылали в монастырь. Раньше Богдан как-то не задумывался, что это варварство, хотя в их среде такое наказание считалось мягким – некоторые ослушницы заканчивали жизнь под действием препаратов в психиатрических клиниках или с ними происходили несчастные случаи, вплоть до самоубийства.

Богдан любил сестру несмотря ни на что, а с такими перспективами даже этот Берт казался лучшим вариантом. Впрочем, он вроде мужик ничего. Но если все утрясется, он непременно проведет с ним спарринг – желание надавать по шее и подправить полицейскому лицо никуда не делось.

– Как долетели? – спросил Богдан после короткого приветствия. Отец держался, но выглядел неважно и постарел на несколько лет. И сыну не понравился мрачный огонь, тлеющий в глазах Вацлава.

– Стар я уже для долгих перелетов, – ответил Ондельсон.

Его слова относились не к состоянию здоровья. Богдан знал, что у того молодая любовница, которую он довольно часто навещает. Нотариус скорее завуалированно выказал свое отношение к причине приезда.

– Если я вам пока не нужен, поднимусь в номер, – сказал он и оставил их вдвоем.

Вацлав проводил его взглядом и, лишь когда тот удалился на достаточное расстояние, посмотрел на Богдана.

– Где она?

– Здесь. Давай поднимемся ко мне, нам нужно поговорить.

– Лучше приведи ее в мой номер, – отвернулся отец, и Богдан понял, что тот винит его в случившемся.

– Прежде выслушай меня.

– Если бы я вас не слушал, Ирен давно была бы замужем! Жаль, что я отдал ее тому, кто не оценил и не сберег.

– Как долго она была бы замужем? – скрипнул зубами Богдан. – У нее твой характер: она всегда поступает так, как считает нужным, не обращая внимания на последствия. При всем уважении к тебе ни один мужчина не стал бы терпеть ее капризы, и однажды нас уведомили бы о несчастном случае с ней.

Отец прожег его взглядом, но Богдана было этим не испугать. Если не хочет говорить приватно, значит, выслушает здесь. Он продолжил так же тихо, но с нажимом:

– Ирен с мужем и Ханом ждут нас в ресторане. Она счастлива, а ее супруг готов с нее пылинки сдувать. Как выяснилось, они познакомились давно, когда мы лет десять назад на каникулах летали кататься на сноубордах. Мимолетная встреча, но помнили друг о друге все эти годы, и судьба столкнула их вновь. Ради нее он уходит из полиции и станет у руля семейного бизнеса. Досье на них ты читал. Его родители уже едут сюда.

Отец молчал и нечитаемым взглядом смотрел на него.

– Забрать по-тихому Ирен не получится, – на всякий случай предупредил Богдан. – Ты же любишь ее. Дай ей быть счастливой.

Несколько долгих мгновений отец молчал. Ни один мускул не дрогнул на его застывшем лице.

– Жди меня здесь, – приказал он и отвернулся.

Богдану ничего не оставалось, как исполнить требуемое, хотя в душе претило подчиняться. Он уже давно не мальчик! Такое отношение отца выводило из себя, но никто не догадался бы об этом по его бесстрастному и чуть скучающему выражению лица. Что-что, а скрывать свои эмоции младший Ковальский умел.

Ждать пришлось долго, что еще больше взбесило. Богдан ненавидел терять контроль над ситуацией, а от отца всего можно было ожидать. Для себя решил, что сестру в обиду не даст. При надобности можно проникнуть и сквозь стены монастыря, и в закрытую больницу, а новые документы он ей сделает.

Принятое решение позволило спокойно дожждаться возвращения Вацлава и больше не лезть к тому с вопросами. В ресторан отеля они отправились в полном молчании, каждый в своих мыслях.

Столик был на четверых, и при их приближении Хан встал, освобождая место. Вацлав на него даже не посмотрел, скользнув взглядом по Ирен и уделив все свое внимание поднявшемуся Берту. Тот представился, но руки не протянул. Правильно, ее бы все равно не пожали.

Богдан оценил, как Берт выдержал колючий, изучающий взгляд отца невесты.

– Ирен, ты отправляешься домой, – Вацлав перевел взгляд на дочь.

Та испуганно пискнула, и Берт не стал молчать, придвинувшись к ней и положив руку на плечо:

– Конечно, мы посетим вас, но немного позже. Мои родные хотят познакомиться с моей женой. У нас столько родственников, что понадобится время, чтобы известить и собрать всех.

– Ирен, – повторил Вацлав, игнорируя сказанное.

– Я теперь замужем, папа, и слушаюсь мужа, – сестра нашла в себе силы возразить отцу, напомним о правилах в их круге.

– Если ты не вернешься – двери моего дома закроются для тебя навсегда.

– Решения, принятые стгоряча, не всегда самые верные, – заметил Берт, крепче прижимая к себе Ирен.

– Я рад, что вы понимаете, насколько ошибочен ваш поспешный брак, – Вацлав бросил хищный взгляд на полицейского.

– О какой поспешности речь? – притворно удивился Берт. – Я и так достаточно долго ждал, пока девушка, давно запавшая мне в сердце, повзрослеет.

Ковальский перевел взгляд на дочь:

– Ирен?

– Я замужем и остаюсь с мужем, – твердо произнесла она, но потом голос беспомощно дрогнул: – Папа...

Жалобный взгляд скользнул по Хану и Богдану в поисках поддержки, но те пока не вмешивались.

– Это твое решение. С ним ты теряешь право на нашу фамилию и

наследство. – Вацлав был суров и непоколебим.

Ирен ахнула, но ее тут же успокоил Берт:

– Не переживай, у тебя теперь моя фамилия, и в деньгах мы не нуждаемся.

– Тогда следуйте за мной, чтобы подписать документы.

Вацлав отвернулся, но его остановил Берт.

– Пришлите их моим юристам, и мы все подпишем, когда они будут готовы.

Ковальский-старший оглянулся:

– Со мной уже прибыл юрист, и они готовы. Осталось только заверить.

– Если это ловушка... – Берт бросил предостерегающий взгляд на Богдана.

– Юрист действительно прилетел с отцом, – подтвердил тот, гадая, что же задумал Вацлав. Ведь даже не пытался давить на Ирен и вопросы задавал скорее для проформы, хотя со стороны могло показаться и иначе. Уж он-то отца хорошо знает.

Все вместе поднялись в номер, где их уже ждал Ондельсон и два человека из охраны. Документы были подготовлены, и один экземпляр дали Ирен, а второй Берту. Заинтересованный Богдан подошел к сестре, читая поверх ее плеча.

Ирен держалась, сохраняя на лице гордое выражение, но нечто ее смутило.

– Почему я должна буду говорить, что в девичестве моя фамилия Ларсен?

Богдан бросил взгляд на отца, поверх головы сестры, не веря, что тот пошел на это.

– Потому, что это фамилия твоей матери. Настоящей, – ответил Вацлав.

– Я приемная?! – не поняла Ирен, пребывая в шоке.

– Не совсем. Ты моя дочь от любовницы. Я снизошел до тебя, взяв в свою семью, но ты недостойна носить мою фамилию.

– Богдан? – Ирен обернулась к брату, еще не веря услышанному, но осеклась, не увидев никакого удивления на его лице. – Ты знал?!

– Догадывался. Об этом в семье не говорили. Однажды, приехав на каникулы, я узнал, что у меня появилась сестра.

Ему захотелось придушить отца, когда по лицу Ирен потекли горькие слезы. Вся ее жизнь рушилась. Пробежав глазами документ, он увидел, что отец полностью вычеркивает ее из своей жизни, запрещая хоть где-то упоминать связь с семьей Ковальских, звонить и пытаться искать встреч.

– Больше сестры у меня нет, – холодно закончил он, ненавидя себя за боль в ее глазах. Не выдержав, наклонился к уху Ирен. – Подписывай. Ничто не мешает мне искать встреч с тобой, зато ты больше не обязана подчиняться ненавистным с детства правилам, – шепнул ей.

Словно в транс Ирен взяла ручку и подписала документ.

– Оставьте нас наедине, – приказал вдруг Вацлав, когда последняя подпись была поставлена, а Ондельсон, собрав документы, вышел, сказав, что будет ждать в своем номере. Ирен уже не плакала, лишь глубоко вздыхала и кусала губы.

Спорить никто не стал. Когда магистр говорил таким тоном, это было бесполезно, Хан с Богданом это знали на собственном опыте, а вот Берта пришлось чуть ли не выталкивать. Несмотря на отсутствие возражений со стороны жены, тот все с тревогой оглядывался на Ирен.

– Расслабься, – тихо рявкнул Богдан, у которого заболела от всего этого голова, – все, никто ей уже ничего не сделает. Ее выкинули из семьи.

Берт с нескрываемой злостью глянул на нового родственничка, возмущенный его крепкой хваткой.

– Знаю, – кивнул Богдан, – мы набьем друг другу морды. Но позже. Выходи уже.

Стоило захлопнуться за ними двери, как полицейский высвободился из захвата и ударил Богдана. Ожидавший этого Ковальский с легкостью уклонился.

– Я сказал – позже! – веско произнес Богдан.

– Чего застыли? Свободны! – бросил Хан вышедшим с ними охранникам.

– Считаешь, что мы еще встретимся? – процедил Берт, глядя в спину удалявшимся громилам, которые беспрекословно послушались лишь после того, как дождались утвердительного кивка от Богдана.

– Куда ты денешься. Я собираюсь часто навещать сестру, и твое мнение меня не интересует.

– С чего это вдруг? Ты же при всех от нее отказался, – со злостью поинтересовался Берт, у которого все близкие родственники жены своим снобизмом стали вызывать тошноту.

– Так было надо для ее же безопасности. Представь себе, меня ее благополучие и счастье тоже заботят, иначе твой хладный труп давно бы уже плавал в реке, – невозмутимо ответил Богдан.

– Не боишься говорить это полицейскому? – прищурился Берт.

– Так практически бывшему, – поддел Богдан, но потом совсем другим тоном сказал: – Я тебе сестру доверил, а это уже о многом говорит. Хотя...

если обидишь ее словом или делом – придется поплавать.

– Сильнее, чем обидели ее вы, у меня за всю жизнь не получится.

– Отец знает, что делает. Тебе некоторые вещи не понять.

– Богдан, не стоит обсуждать это в коридоре. Камеры... – с намеком произнес Хан, который не вмешивался в их разговор. – Пожалуй, я прогуляюсь.

– Не стоит, – произнес Берт. – Там мои люди.

Видя удивление в их глазах, хмыкнул:

– Не думали же вы, что я приведу сюда Ирен и оставлю без наблюдения ваши передвижения?

– Неужели показал значок? – вздернул бровь Богдан.

– Сделал звонок... тетушке. Этот отель принадлежит ей.

– А он мне нравится! – усмехнулся Хан.

– Собираешься увести его у моей сестры?

– Почему бы нет. Он же у меня ее увел.

– Хан, мне кажется, у тебя слишком ровные зубы.

– Завидуй молча! – продолжал зубоскалить тот.

Постепенно напряженная атмосфера рассеивалась. Берт не спешил делать выводы, понимая, что не все так однозначно. Телефонный звонок заставил его выругаться.

– Да, мам... Подъезжаете? Ждем.

Богдан с Ханом переглянулись.

– Насколько понимаю, тебя им представлять не стоит? – закончив разговор, поинтересовался Берт у Богдана.

– Мне лучше появиться на семейном ужине не в таком людном месте.

Было видно, что такой ответ офицера Рейна не удовлетворил, но появление притихшей Ирен отмело все вопросы.

– Как ты? – спросили они с Богданом практически в унисон.

– Жить буду.

– Долго и счастливо. Я тебе обещаю, – обнял ее Берт, и она прильнула к мужу, ища опору.

– Богдан, мне нужно с тобой поговорить, – произнес Хан. – Ирен, я его собираюсь похитить. Надолго не прощаемся, принцесса, – подмигнул ей.

Глава 20

До дома Кирилла я добралась бегом. Хотела и вместо лифта по лестнице подняться, но вовремя одумалась. Открывший дверь Ольховский сразу понял, что со мной не все в порядке.

– Что случилось? Да на тебе лица нет! – с беспокойством воскликнул он.

Вообще-то не лица, а лифчика. От этой мысли стало неестественно смешно, и я не стала сдерживаться, разразившись каким-то каркающим смехом. Если честно, это был смех сквозь слезы, только плакала я в это время внутри. После пережитого стресса меня стало потряхивать.

Ужас, чуть не изнасиловали в собственном доме!

– Да что с тобой?! – развернул меня к себе Кир, и я прильнула к нему, обняв за талию.

– С Кристофом встретила. Еле ноги унесла, – пробубнила я, уткнувшись в теплую грудь.

– Опять тебя дома ждал? – начал закипать Ольховский. Не присущий ему в голосе металл заставил меня одуматься и взять себя в руки. Еще не хватало, чтобы побежал ко мне и устроил разборки.

– В гости пришел.

– Да ты вся дрожишь!

– Не откажусь от кофе... с коньяком, – ответила я, нехотя от него отстраняясь. Мне определенно нужно было расслабиться и привести нервы в порядок.

– Что он сделал?

Кир не двинулся с места и удержал меня, когда я хотела пройти мимо на кухню.

Перед глазами тут же пронеслись картины поцелуев и как пришлось терпеть, когда меня лапали. Интуитивно понимала, что об этом лучше молчать. Не потому, что Ольховский не так поймет или в чем-то обвинит. Просто тогда столкновение между ними двумя станет неизбежно, а мне на сегодня хватило выяснений отношений.

– Думаю, за мной следят. Кристоф откуда-то узнал, что я не ночевала дома, и о моем визите в отель ему тоже известно.

– Теперь ты убедилась, что они из Ордена? Я больше и на шаг тебя одну не отпущу!

Меня сжали в объятиях, но я была совсем не против.

Потом сидела на кухне, уютно устроившись на диванчике, поджав под себя ноги, а Кирилл отпаивал меня кофе, щедро сдобренным бейлисом. Пришлось рассказать о встрече с Кристофом, опустив часть с приставаниями. В таком пересказе получилось сухо и коротко. Призналась только в том, что сбежала от испанца, оставив его в квартире.

Кир пожурил, сказав, что лучше бы я ему позвонила и тянула время, а так только вызвала лишние подозрения. Оправдалась тем, что телефон был разряжен и я испугалась. Последнее – чистая правда, между прочим. Меня беспокоило, что Кристоф в отместку мог оставить включенными краны в ванной, но смелости идти проверять не было. Даже вместе с Кириллом. Если за домом следят, то только выдадим себя.

– Не нравится мне все это, – задумчиво произнес Кирилл. В глубине его глаз притаилось беспокойство. – Может, отдать им платок, чтобы оставили в покое?

– Что?! – удивилась я. Не ожидала такого.

– Этот Орден – та еще банда, и методы у них как у сицилийской мафии, но зачем нам этот платок? Ты же не думаешь серьезно отдать его Лебедевой? Ей родная бабка его не доверила. Она себя с платком быстро засветит, и в лучшем случае ее уберут тихо и без шума, а в худшем с пытками, если будет упираться.

В чем-то он был прав. Получив шейный платок, Сашка тут же начнет экспериментировать и использовать его по максимуму.

– Оставлять его у себя смысла нет, – продолжил рассуждать Кирилл. – Опасно, да и незачем. Использовать его я тебе не дам. Слишком большой вред он наносит здоровью, а тебе еще мне детей рожать.

– Чего?! – ахнула я, потрясенная планами на себя любимую.

– А что тебя удивляет? Хочешь заработать себе астму или еще какую болячку?

– С этим понятно. Ты рождение детей не хотел бы со мной сначала обсудить?

– Ты имеешь что-то против детей?

– Нет, но считаю разговоры об этом как-то преждевременными. Они должны рождаться в браке, а мы с тобой неделю только встречаемся.

– Серебрянская, ты мне с третьего класса нравишься, а с седьмого я тебя люблю, – хмыкнул Кирилл. – Неужели думаешь, мне нужно еще время, чтобы определиться, с кем я хочу быть в этой жизни? Что поделать – ты у нас тугодум и подслеповата, разглядела меня только сейчас.

Единым махом испортил всю романтику момента, и, уже расчувствовавшаяся, я резко захотела его прибить.

– Ольховский, мне тебя пожалеть, бедненького? – зашипела похлеще змеи, отставляя чашку.

– Лучше поцелуй. Даже не представляешь, сколько ты мне задолжала, – заявил самоуверенный наглец, потянув меня на себя.

– Нет, я тебя сейчас придушу! Подслеповатая, значит? – возмутилась я, стукнув его по плечу. – Тугодум? – еще один удар от души.

– Серебрянская, привыкай к мысли, что выйдешь за меня замуж и родишь пятерых детей. Это я тебя в известность ставлю, а то ты у нас слишком много думаешь, и мы и так много времени потеряли. – Кирилл без труда скрутил меня, пересадив к себе на колени. – Поженимся в ближайшее время, а вот первого ребенка родишь после окончания института. Не хочу, чтобы ты нервничала беременная на экзаменах и зачетах.

Как вытащенная из воды рыба, я хватала ртом воздух, не находя слов.

– Рад, что возражений не имеешь, – усмехнулся Кирилл, пока я пыхтела как ежик, и закрыл мне рот поцелуем. Несмотря на самоуверенность слов, нежным, бережным, сладким. В носу запершило. Я расслабилась и ответила, перестав вырываться. Какой же он дурак! Или я глупая, что столько лет не замечала его чувств?

Тема платка всплыла еще раз, когда я засела за изучение записей Веры Игнатьевны.

– Так что ты думаешь насчет передачи платка ЭТИМ? – выделил последнее слово Кирилл, подсаживаясь ко мне.

– И как ты себе это представляешь? Мне прийти и преподнести им его на тарелочке с голубой каемочкой?

– Зачем же так? Можно отправить посылкой, – не обратил внимания на мою иронию Кир.

– С чего ты взял, что после этого они отстанут? Может, им через день платки приходят почтой. Откуда они узнают, что это тот, за которым они охотятся?

– Не суть важно, каким образом, обсудим. В принципе, как тебе идея?

Я задумалась, а на душе кошки скребли. С одной стороны, хорошо избавиться от платка. Не нужно думать, что с ним дальше делать. События показали, что просто хранить его – и то опасно. Мою квартиру уже обыскивали. Узнают про Ольховского и к нему вломятся. С другой же... Все внутри переворачивалось от того, что придется отдать вещь тем, кто, вероятно, причастен к гибели Сашиной бабушки.

– Не могу. Не им, – поморщилась я. – Получается, Аделаида Стефановна напрасно умерла. Она пытки терпела, но не призналась. Мне доверила его. Нет, уж лучше Вере Игнатьевне отдать. Она же говорила, что

чем больше вещей, тем негативного влияния меньше, а у нее и так руки болят. Ей нужнее.

– В ближайшее время она вещи забрать точно не сможет, и неизвестно, как долго еще будет находиться под наблюдением. Нужно подумать, где нам их хранить. Орден так просто не успокоится.

Мысль о том, что вещи отдавать не скоро, странным образом успокоила. Вот умом понимала, что от них лучше избавиться и они причина всех проблем, но терять их не хотелось. Они же чудо в нашем техногенном мире! И хотелось как можно подробнее изучить их влияние. Может, и не врут наши сказки о шапке-невидимке и сапогах-скороходах.

Кирилл о чем-то размышлял, вернувшись к своему компьютеру, а я листала записи Веры Игнатьевны. В отличие от уже имеющегося у меня дневника, в записях не было ничего о событиях личной жизни, лишь в хаотичном порядке записаны все слухи насчет вещей. Было видно, что обновлялись они в разное время от случая к случаю.

Начиналось с того, что собранный полностью женский костюм даровал женщине неограниченную власть над миром, но и несколько вещей, надетых вместе, давали неожиданные эффекты. Дальше шло описание вещей. Взгляд зацепился за шляпку. Оказывается, внешне громоздкая и смешная, она дарует возможность скрыться ото всех. Остаться неузнанной в толпе знакомых, пройти незамеченной мимо охраны. Не уберегает от электронных следящих устройств, но на людей действует и даже женщинам способна отвести глаза.

«Вот тебе и шапка-невидимка», – хмыкнула я про себя.

Были еще и чулки, дарующие грацию. Лиф артистичности, позволяющий владелице управлять эмоциями окружающих людей. Панталоны, вызывающие вождение у противоположного пола, но о них я уже знала. Заинтересовали шейный платок и перчатки, так как они у меня были. Перчатки делились на два вида: первые обостряли восприятие, даруя миру художниц, писательниц, скульпторов, а вторые даровали власть и были особенно ценны. Женщине в этих перчатках покорялись люди и умения. Оружие в таких руках становилось смертоносным, но вот творить такие люди уже не могли.

Был даже приведен отрывок со слов владелицы:

«Когда я надеваю их, никто не осмеливается мне возражать. И хотя мощь моя сосредоточена в руках, я чувствую, как она поднимается по моему телу, изливаясь наружу в жестах, речи и даже взгляде. Каждый ждет от меня указаний, и лишь очень сильный духом способен возразить мне или противостоят».

Мне почему-то подумалось, что такие женщины вряд ли счастливы в личной жизни. Кто сможет с ними жить? Любой мужчина сбежит, если поймет, что его подавляет жена.

Про шейный платок говорилось, что он усиливает ораторские способности. Он убирает любые дефекты речи, но частое использование платка усугубляет эти самые дефекты, и уже трудно без него обходиться. Зато к владелице прислушиваются, она становится очень убедительна.

Я пробегала взглядом записи, написанные четким почерком, и как будто читала сказки, если бы не одно «но». Мне вспомнилось, как сокурсник Адам дал мне покататься на своем байке, когда его попросила. Пусть неохотно, но не смог отказать. Припомнила странный случай, когда водитель маршрутки изменил свой привычный маршрут, подвезя меня к торговому центру по просьбе, а ведь на мне был тогда браслет!

Господи, это же такая власть! Можно прийти в банк и без всякого пистолета приказать кассиру отдать деньги. Хотя там же часто сидят женщины. Тогда зайти в ювелирный магазин и приказать продавцу отдать тебе понравившееся украшение. Заглянуть в любую фирму и потребовать у директора выдать тебе всю наличность. А если пойти в политику? У нас при власти большинство мужчин, но женщины уверенно занимают эту нишу. Вот даже один из кандидатов на пост мэра города – женщина, и говорят, у нее хорошие шансы выиграть выборы. Часто мелькает на телеканалах, и рекламные щиты по всему городу.

А если примерно такой пост займет одна из владелиц вещей? Это же такие возможности... Ужас! И ведь никакого контроля или защиты нет. Теперь понятно, почему за вещами охотится Орден. Крышу от такого могущества может снести у любого.

Меня передернуло, и я вернулась к чтению. Там как раз пошло о совместном действии вещей. Вот, например, владелицы корсажей, получавшие стойкость в достижении целей, упорство и умение подолгу обходиться без сна и еды, – терминаторы какие-то, честное слово, – особенно мечтали заполучить юбку, так как она дарила беззаботность, везение и умение наслаждаться жизнью, что уравнивало действие корсажей. Или панталоны совместно с лифом из любой женщины были способны сделать мегазвезду, кумира миллионов.

Заинтересовали записи из раздела неподтвержденных мифов. Там вообще говорилось о невероятных вещах. Юбка с чулками позволяли ходить по воде, прыгать хоть с вершины горы и парить над землей словно птица. Особенно заинтересовала меня одна запись о том, что перчатки власти, надетые с перчатками восприятия и шейным платком, давали

возможность повелевать чуть ли не самим мирозданием!

Я так и сидела с отвисшей челюстью, пытаюсь это осмыслить, когда меня отвлек возглас Кирилла.

– Что случилось? – подняла голову.

– Ковальский сегодня улетел в Канаду.

Я сначала не поняла, о ком речь, а потом ахнула:

– Что?!

– Да. Заказал билеты и прошел регистрацию.

– Не может быть! – воскликнула я, еще не зная, как реагировать на такую новость. Интересно, Сашка об этом знает? – Вчера он ни слова об этом не сказал. Нужно позвонить Сашке!

– Подожди, не включай свой телефон! – предупредил Кир, когда я вскочила. – Отследят еще, если взялись всерьез. Есть у меня одна симка. Ты ее номер помнишь?

Кирилл порылся в столе и достал непритязательный телефон, типа моего сейчас. Включил и протянул мне. С колотящимся сердцем набирала номер подруги. Вдруг она уже с утра мне названивала, а я ничего не знаю.

– У нее телефон выключен, – растерянно ответила я, когда оператор второй раз сообщил, что абонент вне зоны действия сети.

– Может, на даче связь не ловит?

– Да все там в порядке со связью! – в сердцах воскликнула я, испытывая смутную тревогу. Сашка без телефона жить не может и всегда следит за зарядом батареи. – А вдруг вчера Богдан ее совсем не домой увез, а сегодня улетел из страны?!

Предположение казалось бредовым, но после рассказа Веры Игнатьевны о подвигах юности Ковальского можно было всего ожидать.

– Звони ее родителям. Телефон знаешь?

– Я им симки покупала. Должна остаться упаковка в сумке! – вспомнила я и сорвалась с места. Как же хорошо, что не выбросила! Я приобрела старшим Лебедевым два стартовых пакета, и один Валентин Павлович вскрыл сразу, прямо в машине, отдав мне упаковку.

Порывшись в сумке, среди конспектов нашла пластиковый прямоугольник от сим-карты с номером телефона. Набрав его, с облегчением услышала гудки.

– Валентин Павлович, это Кристина. Я что-то до Александры не могу дозвониться.

– А она еще не приехала? – удивился он.

– Куда?

– Она же к тебе сорвалась. Готовиться. Сказала про отъезд какого-то

преподавателя и что зачет ему нужно будет сдать в понедельник. Ты же ей сама звонила.

Я сглотнула, и по позвоночнику побежали холодные мурашки. С трудом удалось выдавить из себя что-то путное.

– Да. Я просто вас неправильно поняла. Наверное, она уже на подъезде или домой за конспектами зашла.

– Странно, она уже давно выехала. Может, пробки?

– Саша на машине?

– Да, выпросила. Но если опять мне ее поцарапает...

Валентина Павловича волновала больше машина, а я понять не могла, куда сорвалась Сашка, прикрываясь моим именем, если Богдан в отъезде?!

– Кристина, вас не затруднит приехать завтра за нами с ней? Я вам как-то больше доверяю.

– Да, конечно, – пообещала ему, и мы распрощались.

– Что случилось? – Кирилл понял по моему лицу, что возникли проблемы.

– Сашка пропала. Уехала еще днем ко мне на машине. Соврала про зачет и подготовку. Кир, я ничего не понимаю! Куда ее понесло?! Богдан же улетел.

– Не паникуй. Может, она его в аэропорт провожать поехала? – предположил он.

Мысль была здоровой, и у меня немного отлегло от сердца.

– А телефон?

– Сел, не ловит, уронила. Да мало ли что! Периодически звони ей, может, объявится.

– А если нет? А если она мне сообщение послала, а у меня самой телефон выключен?

– Если до вечера не объявится, съездим в торговый центр, включишь телефон там и проверишь звонки.

– Хорошо, – согласилась я. – Слушай, а не могли они с Богданом вместе улететь? – пришла мысль.

– В Канаду? – усомнился Кирилл.

Да, я понимала, что это не самое близкое место для романтической поездки на выходные, но вдруг?

Несмотря на свой скептицизм, он все же полез проверять по базе список пассажиров, но Сашки там не было. Больше идей тоже не было, оставалось только ждать.

Уже через час я возненавидела голос оператора. Телефон Саши оставался выключенным, и у меня постепенно сдавали нервы. Поездка к

торговому центру стала делом решенным. То, как мы выходили из дома, тоже спокойствия не добавило. Кирилл пошел первым, чтобы осмотреть двор на предмет подозрительных личностей, и лишь потом разрешил выйти из подъезда мне.

В нетерпении я крутила в руках свой сотовый и, когда заехали на парковку, не стала ждать, пока припаркуемся. А включив телефон, цветисто выругалась, не сдержав эмоций.

– Что случилось?

– Мой телефон. Он действительно сел. – Хотелось побиться головой о спинку сиденья или зашвырнуть куда подальше ставший бесполезным аппарат. – Как думаешь, можно здесь найти зарядку к нему?

Не было и речи, чтобы возвращаться обратно домой. Я лопну от нетерпения!

– Можно переставить сим-карты, – спокойно предложил Кирилл, паркуя авто, а я поняла, что от волнения совсем соображать перестала.

Вытащила его сотовый, с которого дозванивалась Сашке, и занялась обменом.

Стоило включить телефон, как через минуту посыпался ворох сообщений. Множество звонков от Кристофа, но еще до нашей встречи утром. После – тишина. Эсэмэска от родителей, но с ними я уже говорила по скайпу. Несколько пропущенных от ученика. Звонки от Саши, вчера и сегодня днем, но и все. Набрав еще раз ее номер, опять услышала голос оператора. И что делать?

«Кого-то потеряла?» – пришло сообщение от Кристофа.

Кровь отхлынула от моих щек. Молча показала экран Кириллу, который тут же помрачнел.

– Звони! – вернул мне телефон. – Поставь на громкую связь.

– Хорошо.

Телефон задрожал в моих руках, и Кирилл накрыл мою ладонь своей.

– Посмотри на меня, – тихо произнес он, и я подняла взгляд. – Нужно узнать, где они и чего от тебя хотят. Мы вытащим ее, помни об этом. Заставь его говорить и не паникуй, нужно разговаривать спокойно, без оскорблений. Потом с ним разберемся.

Я кивнула и сделала несколько глубоких вдохов, успокаивая дыхание. Мне очень хотелось знать: действует Кристоф один или с одобрения Богдана. Не был ли отъезд Ковальского обусловлен тем, чтобы снять с себя подозрения, если что случится с Сашей?

Немного взяв себя в руки, я позвонила Кристофу.

– Кристина... – протянул он, ответив сразу же.

– Алекс у тебя? – с места в карьер спросила у него, чем заслужила предупреждающий взгляд от Кирилла.

– Это все, что тебя интересует? Не хочешь для начала извиниться за свой поспешный уход?

– Нет, не хочу. Ты меня напугал.

– Ты не выглядела испуганной, когда отвечала на мои поцелуи.

Черт! Черт! Черт! Я старалась не смотреть на Кирилла.

– Просто поняла, что, если не отвечу, окажусь изнасилованной.

– Я опять тебя напугал?

– Да, – не стала отрицать, стараясь говорить спокойно, как будто разговаривая с психом. Кто знает, что у него в голове. – И продолжаешь пугать. Что с Алекс?

– С ней все в порядке. Она ждет тебя.

– Где вы?

– За городом, в гостях у Богдана. Приезжай.

Все бы хорошо, вот только я знала, что Богдана уже нет в стране!

– И, Кристина, захвати с собой то, что взяла у Лебедевых, – как бы между прочим добавил Кристоф.

– О чем ты?

– Не играй со мной, – а вот теперь в голосе отчетливо прозвучало предупреждение. – Второй раз я тебе этого не позволю. Давай решим все по-хорошему. Согласна?

– Да.

– Тогда приезжай.

– Нет.

Пауза.

Кирилл взглядом спрашивал у меня, что я творю, но тут отмер Кристоф.

– Тебе не дорога подруга? – вкрадчиво поинтересовался он.

– Дорога. Но я тебя боюсь и туда не поеду. Давай встретимся в городе.

– Хочешь привлечь полицию? Не советую. Алекс приехала сама, меня не в чем обвинить. А вот ты украла у нее ценную вещь.

– Я не крала.

– Хорошо, пусть тебе ее отдали, но ты и слова не сказала об этом своей подруге. Я прав? Подтвердить твои слова уже некому, и ты ничем не докажешь, что не самовольно присвоила. Привези по-хорошему платок и не наживай себе проблем. Ты не понимаешь, во что влезла.

– Сначала я хочу услышать Алекс и убедиться, что с ней все в порядке.

– Алекс! – позвал Кристоф, – Кристина передает тебе привет.

– Она придет? – донесся до меня издалека голос подруги, в котором не было и капли напряжения.

– Уговариваю, – усмехнулся испанец.

– Как ты ее выманил? – спросила я.

– Всего лишь сказал, что у Богдана день рождения, и предложил устроить сюрприз, – понизив голос, признался Морено.

Устало прикрыв глаза, я выругалась про себя. Да, это могло сработать. Теперь понятно, почему она так резко сорвалась с дачи.

– Где встречаемся?

На мгновение я задумалась. Ну не возле же дома обмен устраивать! В то же время куда-то далеко ехать не хотелось.

– В парке «Кузьминки» через два часа. На парковке. Алекс знает дорогу, – решила я, прикинув время, чтобы им добраться. Думаю, люди там будут, выходной все же.

– Как скажешь. И без глупостей!

Я сбросила вызов и устало откинулась на сиденье. Мысли крутились вокруг предстоящей встречи, но когда посмотрела на Кирилла, мрачно сверлящего меня взглядом, захотелось втянуть голову в плечи.

– Почему ты умолчала о том, что он тебя чуть не изнасиловал?

Стало совестно. Хорошо еще, что про поцелуи с испанцем не спросил.

– Ничего же плохого не случилось. И что бы это изменило? Ты бы побежал ему морду бить и засветил себя. А так он не знает о твоём существовании и уверен, что я приеду одна.

– Ты хоть понимаешь, что о таком нельзя молчать? – разозлился Кирилл.

– Мне было противно об этом вспоминать. Сама виновата! Нужно в глазок смотреть, а я думала, ты за мной пришел, и не глядя открыла.

– И это после того, как на бабушку Лебедевой напали, а вокруг вас крутятся все эти?

Я пристыженно опустила взгляд. Он был совершенно прав, и крыть мне было нечем.

– Почему ты сразу не сказала, что уже встречаешься и ему нечего ловить? – допытывался Ольховский требовательным тоном.

Из меня вырвался смешок со всхлипом:

– В том-то и дело, что сказала! Он решил, что с ним мне будет еще лучше, и полез доказывать. Кирилл, ты злишься?

– На себя, что не смог тебя защитить, – нехотя признался он. – Серебрянская, ты не обижайся, но одну я тебя теперь даже в магазин за хлебом не отпущу! Отдаем платок, и сидишь тихо и не высываешься, –

поставил он в известность, вырвав со стоянки.

Не стала спорить, сейчас не до этого.

А вот с возвращением платка возникли проблемы. Если бы нужно было отдать его сразу, не колебалась бы, а так время до встречи было, и меня терзали сомнения. Чем больше думала об этом, тем сильнее бесилась. Когда приехали к Кириллу, начала метаться из угла в угол, как тигрица в клетке, понимая, что не хочу идти на поводу у шантажиста. И ведь все обставил так, что ничего не докажешь и предъявить ему нечего! Хотя...

– Фиг ему, а не платок! – заявила я Кириллу.

– Что ты задумала?

– Давай вернем ему браслет, но вложим туда кусок обычной шелковой ткани. Можно оттянуть зажим и показать ему тайник, обменяв браслет на Сашу. Вряд ли он станет на улице доставать платок и проверять.

– Рискованно.

Моя идея восторга не вызвала. Я понимала Кирилла – он желал избавиться от платка, считая его опасным, а при таком раскладе только разозлю испанца, и неизвестно, чем мне это аукнется. И все же я готова была рискнуть. Ненавижу, когда на меня давят, вынуждая что-то делать, а Кристоф в своих методах перешел черту.

– У тебя есть шелковая рубашка? – задала вопрос и, не дожидаясь ответа, направилась инспектировать шкаф.

– Мне не нравится эта идея, – сказал Кирилл. – Думаю, стоит позвонить отчиму и одолжить у него пару охранников.

– Если Кристоф их заметит – все сорвется, – возразила я. – Мне кажется, это ни к чему. Он ждет меня одну. Встречаемся мы в людном месте, так что делать глупости он не станет. Подходить близко к нему я не буду. Покажу тайник и брошу браслет в обмен на Сашу, а ты подстрахуешь нас.

Говоря это, я перебирала вещи. Мой взгляд ухватился за белую шелковую рубашку, которая висела рядом с костюмами. Повезло, что Кир стал таким франтом. Ничего, придется ему пожертвовать одной.

– Доставай браслет с платком, – велела я, сжав искомую ткань, и пошла за ножницами.

Помимо браслета из сейфа он достал оружие и спрятал его за спину под футболку.

– Настоящий? – поинтересовалась я.

– Травмат.

Кивнула, не имея ничего против, с пистолетом спокойнее, и принялась портить его рубашку, занявшись фигурным вырезанием.

– А что с платком?

– Надену под одежду. Если от меня не будет исходить влияния, он не поверит.

На лице Кирилла отражались сомнения, но меня уже было не остановить.

Глава 21

На встречу мы поехали по отдельности, каждый на своей машине. Когда я зарулила на парковку, издалека увидела Кирилла, разговаривающего по телефону, и припарковалась поблизости. Выйдя и оглядевшись, скользнула взглядом по спине Ольховского, для вида выясняющего с кем-то отношения, и отвернулась. Машины Кристофа видно не было. Из людей, кроме нас, на парковке находился только грузный мужчина, типичный отец семейства, чертыхающийся из-за спущенного колеса. Я видела только его затылок. На меня он внимания не обратил, поглощенный своей проблемой.

Не знала, что делать. Представляя встречу, думала, что Кристоф будет меня уже ждать. Неужели еще не приехали? Свой телефон я включила, когда мы отъехали от дома, но звонков, кроме как от ученика, не было.

– Люся, погуляйте еще. Колесо спустило. Да нет у меня запаски! Забыла, что на даче пробили? Нет, не сделал... Саньку позвоню, выручит, если недалеко.

Покосилась на дядьку, который был раздражен и говорил слишком громко, и увеличила между нами расстояние, сама доставая сотовый и набирая Кристофа.

– Ты уже на месте? – отозвался он.

– Да. Вы где?

– Гуляем.

– Не вижу вашей машины.

– Тебе нужна моя машина или мы? – съехидничал Кристоф. – Сейчас будем.

Это «сейчас» растянулось минут на десять. За это время мужик возле машины дозвонился Саньку и красочно обрисовывал проблему, попутно жалуясь на тещу, у которой были вчера. Кирилл громко возмутился, что не видел он никаких сережек. Мифическая девушка продолжала его доставать, и он с раздраженным видом вернулся к машине проводить изыскания. Вытряхивал коврики, смотрел под сиденьями, попутно отчитываясь ей о каждом своем действии:

– Нет, я уже под сиденьем смотрел. Я понимаю, что их подарил тебе папа. Давай я тебе новые куплю! Он не поймет? Тогда такие же. Покупали в Милане? Хорошо, съездим в Милан, если не найду, – теряя терпение, говорил он. – На заднем сиденье посмотреть? Ты же впереди сидела! Да,

теперь вспомнил. Нет, ты была великолепна! Я этого не забывал. Давай при встрече. Да помню я! Те красные стринги тяжело забыть.

При этих словах даже дядька притих, с любопытством посмотрев на Кирилла, тот же игнорировал окружающий мир, стоя вполоборота и весьма достоверно разыгрывая спектакль. Если бы не знала, приняла бы за богатого мажора, избалованного женским вниманием.

– Тебя... Тебя в тех стрингах... Без белья? Хочу. Ловлю на слове!

Он был убедителен. Ему только в кино играть! До этого внешне едва сдерживающий раздражение, сейчас, стоя у открытой дверцы, расслабленно оперся бедром о машину, весь в мыслях о сексуальных игрищах.

– Повтори... – расплылся в улыбке. – Я уже представляю, как ты это делаешь... Хорошо, я еще раз посмотрю, – уже более миролюбиво произнес он и вернулся к поискам в салоне.

А я наконец-то увидела Кристофа с Сашей. Они не спеша шли со стороны парка, и испанец держал ее под руку. Подруга выглядела расслабленной и спокойной, улыбаясь ему. Я пошла навстречу, но замедлила шаг, не желая далеко отходить от машины. Завидев меня, Сашка помахала рукой и почему-то стала осматривать стоянку, ища кого-то глазами.

Когда между нами оставалось метров десять, она не выдержала:

– А где Богдан?

– Улетел. Срочные дела.

Саша сбилась с шага и замерла, непонимающе посмотрев на Кристофа, а тот одарил меня пронзительным взглядом, тоже остановившись и изучая стоянку за моей спиной. Тут только я поняла, что об этом как бы не должна была знать, и, вероятно, сейчас он смотрит, нет ли полиции.

– Он позвонил мне, не смог до тебя дозвониться, – пояснила подруге.

– А до тебя смог? – иронично спросил Кристоф, прекрасно зная, сколько времени у меня был отключен телефон, но я ответила неопределенной улыбкой. Пусть думает что хочет. Сейчас по-любому не будет ему перезванивать, чтобы проверить.

– Но как же так?! – Саша поникла буквально на глазах. Хорошего настроения как не бывало.

– Принесла? – спросил у меня Кристоф.

– Отпусти ее! – приказала я, а он ответил хищной улыбкой, лишь крепче прижав к себе Сашу. Та даже ойкнула от неожиданности, с недоумением глядя на испанца.

– Хорошая попытка, но на меня это не действует. Покажи. Или хочешь, чтобы я сам нашел?

– Саша, иди к моей машине.

– Что с вами такое?! – возмущенно воскликнула она, вырываясь из объятий испанца. Тот отпустил ее, чуть насмешливо глядя на меня, но при этом еще сканируя взглядом окрестности.

– Саша, я потом все объясню. Иди ко мне, – с нажимом сказала ей.

К моему облегчению, она пошла, но молчать не собиралась:

– Куда Богдан улетел? Надолго?

– Он тебе позвонит. Что с твоим телефоном?

– Сама не знаю. Не включается, – пожаловалась она.

Я увидела, как Кристоф улыбнулся, давая понять, что это его рук дело. Достала ключи от машины и протянула Сашке, не спуская взгляда с Морено.

– Возьми и жди меня. Нам с Кристофом нужно сказать друг другу пару слов.

– Моя машина у Богдана осталась. Мы ужин приготовили, дом украсили к празднику. Поехали? Не пропадать же всему. Там и поговорите.

– Саша, иди.

Обидевшись, та выхватила у меня ключи.

– Покажи! – властно приказал Кристоф, идя на меня.

– Стой! – Я выставила перед собой руку, и он замер.

Быстро сняла с себя браслет и оттянула металлический конец, демонстрируя пружину с намотанной на нее тканью.

– Он здесь. Лови! – бросила ему.

– Хитро, – хмыкнул испанец, ловко поймав.

– Откуда у тебя бабушкин браслет?!

Потрясенный возглас Саши потонул в громкой музыке. Я оглянулась. Увидев знакомую вещь, подруга возвращалась, а на стоянку подъехал джип, резко затормозив возле машины мужичка, у которого пробито колесо.

Не успела мелькнуть мысль, что слишком быстро приехал его Санек, как все случилось – в одно мгновение. Я еще поворачивалась к Кристофу, не желая выпускать того из вида, как увидела в его руках пистолет.

Оружие с глушителем беззвучно дернулось, но стрелял он не в меня. Повернулась обратно, взглядом выхватывая отдельные картины.

Возле джипа трое. Еще один уже валяется на асфальте, а на груди второго на моих глазах расцветает красный цветок.

Саша оборачивается и как подкошенная падает на землю. На ее лбу я вижу аккуратную дырочку. Бросаюсь к ней, чувствуя, как пуля пролетает

близко-близко возле моего лица, и падаю на колени. Возле ее головы уже растекается кровь, а удивленные глаза смотрят в небо.

Уши заложило, и пропали все звуки. Я схватила Сашку за руки, позвала, не слыша собственного голоса. Видела, что это все, но не могла осознать, пребывая в каком-то заторможенном состоянии.

В себя пришла, когда меня вздернули вверх. Кирилл что-то говорил, но я не слышала. Хлесткая пощечина обожгла, и как будто кто-то включил звук.

– Уходим! – заорал Ольховский, таща меня к машине.

Как сомнамбула переставляя ноги, я успела заметить лежащего на дорожке Кристофа, с ранами на груди. Возле джипа валялись люди, среди которых мужичок, который звонил Саньку. Пистолет возле его руки говорил о том, что они из одной банды.

Кирилл запихнул меня в свою машину, и мы сорвались с места. Перед собой я снова увидела Сашу с удивленными глазами. Схватила за голову, отказываясь верить. Внутри была звенящая пустота и какая-то надломленность. Кажется, в каждую секунду я могла рассыпаться на осколки.

– Ты ранена? – Кирилл бросил на меня быстрый взгляд.

Убрала руки, с недоумением обнаружив на одной ладони кровь, а во второй ключи от своей машины. Не понимаю, откуда все взялось?! Да, я же держала Сашу за руки...

– Серебрянская, мать твою, ты ранена? Не молчи! – зарычал Кир. Я посмотрела на него бессмысленным взглядом. – У тебя кровь!

Мы резко вырулили из ряда, затормозили у тротуара. Он повернулся ко мне, отвел от лица волосы.

– Царапина, – облегченно выдохнул, дотрагиваясь до уха.

Резко защипало, как будто это прикосновение разморозило все болевые рецепторы.

– Не трогай. Сейчас приложу салфетку, – и перегнулся через меня в бардачок, доставая упаковку. – Теперь держи. – Он прижал мою руку к уху. – Нужно уходить, пока полиция не приехала. Если что, для всех мы договорились встретиться с Лебедевой в парке. Напали на Морено, и ты не знаешь, кто эти люди.

– Я не знаю, кто эти люди, – повторила за ним, а потом губы задрожали. – Саша... она... она...

Не могла выговорить слово «мертва». Она просто не может умереть!!! Горло перехватило так сильно, что не могла вдохнуть. Обхватив себя руками, согнулась и пронзительно закричала.

Кирилл развернул меня к себе и крепко прижал к груди. Я вырывалась, обвиняла в том, что мы уехали, оставив ее там, и требовала вернуться, а потом просто выла.

– Почему мы не вызвали полицию? – глухо спросила, обессилив.

– Опасно было оставаться. Морено пришел не один. Того мужика, что крутился на стоянке, снял его человек.

– С чего ты взял?

– Он даже выскочить из-за джипа не успел, как его убили. Да и к этим могло приехать подкрепление, этот гад разговаривал по телефону, когда началась стрельба.

Кирилл меня отпустил и, заведя машину, влился в поток. Задерживаться недалеко от парка было опасно. После моей вспышки наступило опустошение. Дорога обратно прошла как в тумане, и я на автопилоте поднялась в квартиру за Кириллом.

Внутреннее состояние оставляло желать лучшего. Потряхивало мелкой дрожью. Проведя за собой в комнату, Кирилл усадил меня на диван и отошел к бару, плеснув что-то из бутылки в стакан.

– Пей.

Не спрашивая, что он налил, послушно выпила залпом до дна. Горло обожгло, а на глазах выступили слезы. Внутри разливалось тепло, но тело охватило оцепенение, которое не желало уходить. Не раздеваясь, прямо в пальто, я свернулась на диване калачиком. Кирилл укрыл меня пледом.

– Полежи, мне нужно позвонить.

– Кому? – без особого интереса спросила я.

– Отчиму.

Он вышел, а я закрыла глаза. Внутри образовалась пустота глубиной с Марианскую впадину, грозясь поглотить меня. Мелькнула мысль, что нужно позвонить Лебедевым и сообщить о случившемся, но даже представить не могла, как им сказать. Вот как?! Нахлынуло отчаяние, хоть волком вой, и в то же время не могла пошевелить и пальцем от слабости, куда там звонить и что-то объяснять. Сознание скользнуло в транс, когда не спишь, но и окружающий мир не воспринимаешь. В себя пришла, когда рядом присел Кирилл и коснулся щеки.

– Нужно промыть.

В руках у него была аптечка. Достав перекись, стал аккуратно обрабатывать царапину на ухе. Я дернулась – защипало, и холодные капли побежали по шее.

– Ш-ш-ш... – Он подул. – Потерпи.

– Что отчим?

– Они на каком-то приеме. Подключил свою службу безопасности собрать информацию и посоветовал на всякий случай не светиться сегодня дома. Так что я сейчас соберу нам вещи и едем.

– Куда? – отказывалась я понимать.

– У отчима в Одинцове охотничий домик, там переночуем.

– Но зачем?

– Лучше перестрахуемся. Ты пойми, на Морено могли напасть из-за его дел, а могли охотиться и за платком. Ты же не хочешь, чтобы, обнаружив в браслете пустышку, они пришли уже к нам? Мы засветились, и лучше перестраховаться, – объяснил Кирилл, наклеивая мне на ранку пластырь.

– Не понимаю, – приподнялась я, – зачем людям из Ордена нападать на Кристофа?

– Не думаю, что это они. Я читал отчет Ковальского, и он был убежден, что за вещью охотится кто-то еще. На бабушку Лебедевой Орден не нападал, они только следили.

– Как ты это узнал?

– Ну не зря же я эти дни за компом сидел? – усмехнулся Кирилл, вставая.

– Подожди, если это так, может, мне отдать платок Богдану? – спросила я, дотронувшись до шеи, где под воротом свитера была повязана проклятая вещь.

– Решим. Его все равно нет пока в городе, а нам лучше сейчас здесь не задерживаться.

Подхватив аптечку, Кир вышел из комнаты.

Я села, обхватив голову руками. Нужно было подумать – как быть, а в голову лезли мысли о том, имеет ли отношение Богдан к случившемуся. Ведь Кристоф решил надавить на меня через Сашу именно после его отъезда.

Вспомнила подругу, и опять все внутри сжалось от боли. Лучше что-то делать, иначе можно сойти с ума. Я встала, направившись в спальню. Свитер испачкан в крови, и нужно переодеться.

Кирилл сидел у открытого сейфа, откладывая из него деньги, паспорт, перчатки.

– Мы перчатки тоже берем?

– Лучше взять. Если сюда нагрянут, сейф их не остановит, – обернулся он. – Снимай платок, я лучше его себе возьму.

– Нет! Пусть будет пока у меня. Вдруг нас остановят или еще что.

Не знаю, сработало действие платка или в моих словах был резон, но

Кирилл не стал спорить, согласно кивнув.

Пока я меняла свитер, он быстро побросал в спортивную сумку свои вещи и мои. Не успела оглянуться, как мы опять ехали в машине.

– Может, нам стоит сначала дать показания полиции? – заикнулась я. Мы уезжали из города, как будто виновные в чем-то, и поспешный отъезд смахивал на бегство.

– И что полезного ты им сообщишь? Кто стрелял и из-за чего – не знаешь, заикнись насчет необычных свойств шейного платка, за которым охотятся, и тебя отправят на беседу к психиатру. Помочь ничем не сможешь, только потеряешь время.

Прав, наверное, но на душе все равно было муторно. Бросив на меня взгляд, чуть смягчившись, он произнес:

– Мы дадим показания и расскажем, что видели, но позже. Следствию это не поможет, просто создаст более полную картину. Платок и шантаж Морено опустишь. Просто договорились встретиться с ними в парке – и все.

– Саша сказала родителям, что едет ко мне готовиться к зачету, – всхлипнула я.

– А вместо этого поехала к Ковальскому. Ее машина все еще у него.

– Это моя вина. Нужно было рассказать ей правду о Богдане и Кристофе.

Чувство вины разъедало. Если бы я была с ней откровенна, она бы не повелась на звонок Кристофа и не доверяла ему.

– Прекрати! – резко оборвал меня Кирилл. – Виноваты те, кто охотится за этими тряпками, не останавливаясь ни перед чем. Можно подумать, это ты похитила Лебедеву и шантажировала ею! Морено затеял эту встречу.

– Но это я выбрала парк!

– Думаешь, они бы в другом месте засаду не устроили? Назначь ты встречу в ресторане – устроили бы перестрелку там, и пострадало бы гораздо больше людей. Неужели ты не видишь, что за ним следили?

Мне стало немного легче, трудно было здраво рассуждать. Перед глазами предстала Саша. Как она падает... кровь... Один выстрел – и все. Планы на жизнь, мечты, любовь оборвались в единый миг. Маленькая дырочка в середине лба – и понимаешь, что это конец и уже ничего не исправить и не изменить.

Я отвернулась к окну, затихнув и сглатывая слезы. Думала, что плачу неслышно, но Кирилл не выдержал, съехал на обочину и притянул меня к себе, обнимая. От его сочувствия заревела в голос, находя утешение в сильных руках и тихих успокаивающих словах, что шептали мне в волосы.

Некстати зазвонил телефон. Кирилл сам нащупал его у меня в кармане и достал.

– Кто? – всхлипнула я, отстраняясь.

– Никто, – ответил он, выключая сотовый и разбирая его, доставая симку. – Все разговоры завтра и после того, как разберемся, что происходит.

– Кирилл?!

Даже не знала, как реагировать на такое самоуправство.

– Серебрянская, тебя чуть не убили! Теперь я отвечаю за твою безопасность, и все звонки – после того, как буду уверен, что тебе это ничем не грозит. Не спорь!

Я закрыла рот, передумав возмущаться. Все равно в таком состоянии говорить ни с кем не хотелось, кто бы там ни звонил. Удовлетворенно кивнув, Кирилл сунул детали телефона к себе в карман и завел машину.

Охотничий домик в лесу оказался внушительным двухэтажным срубом за высоким забором. Территорию охранял сторож, который открыл нам ворота. Я вышла из машины, зябко поежившись и рассматривая дом, пока Кирилл доставал пакеты с едой из багажника – по пути заехал в магазин за продуктами.

– Пойдем, не мерзни, – позвал меня за собой.

Внутри дома было ненамного теплее, чем на улице. Кирилл включил отопление и занялся розжигом камина. Я же присела на диван, рассматривая головы оленей с ветвистыми рогами, которые висели над камином, шкуру медведя на полу.

– Ты здесь раньше бывал?

– Да. Выбирался пару раз с отчимом на охоту. Мать сюда приезжать не любит.

– Дай угадаю – чучела терпеть не может.

– Верно. Ты же знаешь, как она относится к животным, и охоту не одобряет.

Я кивнула. Его мать была ветеринаром по призванию и очень любила свою работу.

– Есть хочешь? – спросил Кирилл, когда в камине весело затрещал огонь, облизывая поленья.

– Нет, – отрицательно качнула головой. – Спать.

– Пойдем наверх.

Мы поднялись на второй этаж, и Кирилл провел меня в одну из комнат с большой двуспальной кроватью. Расстелил постель и достал теплое одеяло с пледом.

– Ложись, я пока продукты разберу. Дом скоро прогреется, но пока лучше укутайся потеплее, еще заболеть не хватало.

– Угу...

Я нехотя сняла пальто и положила на кресло. Раздеваться совсем не хотелось, но и лечь в джинсах на чистую постель не смогла. Поэтому быстро их стянула и рыбкой нырнула в кровать. Порадовалась, что оставила свитер. В холодной постели было неуютно.

– Я скоро, – пообещал Кирилл, поцеловав и подоткнув одеяло. Затем еще и пледом меня сверху накрыл. – Может, тебе чай сделать?

– Давай, – согласилась я.

Чая, правда, я так и не дождалась, пригревшись и быстро заснув.

Утро встретила тоже одна. Примятая подушка рядом говорила о том, что Кирилл спал здесь, но самого его уже не было. В горле першило, голова болела. Кажется, я все же простудилась. Одевшись, спустилась вниз. Кирилла обнаружила на кухне, готовящим завтрак.

– Проснулась? – оглянулся он, услышав мои шаги.

– Апчхи! – чихнула я.

– Будь здорова! А я хотел тебе завтрак в постель принести. Ты же вчера ничего не ела.

– А можно чай? Горло болит, – пожаловалась я, подходя к нему. – Апчхи!

Он притянул меня, дотронулся губами до лба. И забеспокоился:

– Да ты горишь!

Попробовала свой лоб сама.

– Не преувеличивай. Если температура и есть, то небольшая.

Меня не послушали, развив бурную деятельность и заставив лечь. В постель я возвращаться отказалась, и Кирилл устроил меня в гостиной возле камина. Пока я пила чай и ела омлет, он разжег огонь и засобирался в поселок за лекарством. Как я ни пыталась его удержать, говоря, что ничего со мной страшного нет, обычная простуда, не хотел и слушать.

– Скажи лучше, новости есть? Апчхи!

– Пока версия – покушение из-за бизнеса Морено. Мне сообщат, если нам нужно будет дать показания. Лежи, я скоро.

Он ушел, а я легла на подушку, кутаясь в плед. По сравнению со вчерашним в доме было тепло, но меня что-то знобило.

Неужели всему виной Кристоф?! Или все это трагическое стечение обстоятельств? Я вспоминала случившееся, но трудно было сделать какие-либо выводы. Джип подъехал, когда я отдавала браслет, и трудно было сказать, ждали они этого момента или просто так вышло. Прокручивала и

так и этак, ни к чему не придя.

Шаги заставили поднять голову. Думала, что Кирилл вернулся, еще удивилась, что так быстро, но в гостиную зашла элегантно одетая женщина в широкополой шляпе, бросающей на лицо густую тень. Я даже села от неожиданности, не сводя с нее глаз, не зная, как реагировать на гостью.

– Добрый день. Могу я видеть Кирилла Николаевича?

– Он скоро будет, – ответила я. Женщина стояла против света, и мне все не удавалось рассмотреть ее лицо, а вот голос был приятным, грудным.

– А вы?

– Его девушка. Кристина. Вы по какому вопросу? – набралась наглости я.

– Я от Волкова Владимира Степановича.

С трудом сообразила, что речь идет об отчине Кирилла, и это немного снизило настороженность. Женщина сняла шляпу, открывая породистое лицо с неброским макияжем. Темные волосы гладко зачесаны назад и собраны в прическу. Внешне ей можно было дать лет тридцать пять, но скорее уже за сорок. Просто ухоженная. Где-то я ее уже видела, лицо было знакомо.

– Арсеньева Анастасия Филипповна, – представилась она, и я вспомнила. Это же ее баннеры по всему городу! Одна из кандидатов в мэры на предстоящих выборах. Неплохие у Волкова знакомства. Хотя, возможно, он спонсирует ее предвыборную кампанию.

Женщина с любопытством меня рассматривала. Я же не могла понять, что ей здесь понадобилось, и пребывала в некоем замешательстве.

– Присядете? – предложила ей, указав на дальнее кресло. – Извините, я простыла. Не хотелось бы вас заразить.

Арсеньева прошла, осматриваясь, но садиться не спешила. Я обратила внимание на шляпу. Строгое современное бежевое пальто плохо сочеталось с винтажной, несколько несуразной шляпой, которую она так и держала в руке, затянутой в перчатку. Странно, что не сняла их, ведь в комнате тепло.

– Может, стоит вызвать врача?

– У меня обычная простуда, ничего серьезного.

– Наверное, хорошо, что мы можем поговорить одни. Владимир Степанович предупредил меня, что Кирилл предпочитает независимость, но я бы хотела предложить ему сотрудничество на выгодных условиях. Очень выгодных, – подчеркнула она.

– Наверное, вам лучше обсудить это с ним, – сказала я в спину Арсеньевой. Она как раз остановилась возле картины у стены.

– Вы же его девушка, и это касается вашего совместного будущего.

Вот вы чем занимаетесь? – обернулась Анастасия Филипповна.

– Учусь. На лингвиста.

– Очень хорошая профессия. У меня как раз освободилось место личной помощницы...

– Я учусь, – напонила ей. Происходящее все больше не нравилось. Это что же ей нужно от Кирилла, раз такими должностями разбрасывается?!

– Всегда можно перевестись на заочное, – грудным смехом рассмеялась она. – Вы представляете, какие это перспективы? Вас ждет интересная работа, бесценный опыт, встречи с известными людьми и вхождение в круг избранных. После моей победы на выборах вы станете вторым человеком после меня.

– Об этом говорить пока преждевременно, – намекнула ей, что она еще не победила.

Арсеньева улыбку, глядя как на несмышленное дитя и немного покровительственно.

– Я всегда добиваюсь поставленных целей.

О да, об этой дамочке не раз писали, что у нее бульдожья хватка, несмотря на аристократические корни, и многим мужчинам даст сто очков вперед.

– Со мной выгодно сотрудничать. Мой опыт, возможности, положение открывают многие двери.

Разговор приобрел неожиданный оборот. Не могла понять, чего она передо мной соловьем разливается?! Ведь Кирилла еще нет. Делала бы ему свое выгодное предложение. Между тем она все не успокаивалась, продолжая расписывать радужные перспективы.

– Наше сотрудничество может быть весьма взаимовыгодным. Мне нужны люди, которым я могу доверять, кто станет моей правой рукой... Приемницей, – с нажимом произнесла она последнее слово.

Мои глаза округлились. Это я-то?! С чего вдруг?!

– Не пойму, чем я могу быть вам НАСТОЛЬКО полезной? – не удержалась от сарказма.

– Не нужно прибедняться. Твое красноречие, умение убеждать... – Арсеньева пристально смотрела мне в глаза, переходя на «ты». – В предвыборной кампании это очень полезные качества. Мы можем стать отличной командой.

Мой пульс зашкалил. Или я сошла с ума, или ее намеки более чем откровенны!

– Вы же пришли не к Кириллу, – медленно произнесла я, стараясь

понять, с кем столкнулась.

– Почему же, у меня для него есть довольно выгодное предложение. Твой мальчик способный, а я ценю талантливых людей.

– Это случайно не ваши талантливые люди вчера прогуливались в парке?

– Идиоты! – Арсеньева брезгливо скривилась. – Не зря говорят: если хочешь сделать что-то хорошо, сделай это сам. Умные люди всегда договорятся. Не так ли?

Внутри все обмерло, но я нашла в себе силы растянуть губы в улыбке, не показывая истинного отношения, и с легким любопытством в голосе спросила:

– Морено работал на вас?

– О нет. Он из Ордена, если ты понимаешь, о чем я. – Она дождалась моего утвердительного кивка и продолжила: – Мы были полезны друг другу. Не жалею о нем. За свою жизнь он выследил и безжалостно уничтожил не одну одаренную.

«Сашу тоже не жалеть?» – рвались злые слова, но я лишь стиснула зубы.

От ответа избавил приход сторожа, который вчера открывал нам ворота.

– Записи все уничтожены, камеры не работают, – отрапортовал он, не сводя преданного собачьего взгляда с Арсеньевой.

– Молодец. Проследи, чтобы нам не мешали, – властно произнесла она, скрывая досаду.

Для человека, пришедшего договариваться, будущий мэр слишком тщательно заметала следы своего присутствия здесь. Следовало быть осторожной, и я решила подыграть:

– Должна признать, ваше предложение весьма привлекательно. Такие перспективы... Только мне нужно время, чтобы перевестись на заочное. Еще хотелось бы знать, какие гарантии, что все сказанное вами исполнится и это не наживка, чтобы заполнить платок?

– А ты мне нравишься, – усмехнулась она, окидывая одобрительным взглядом. – Мне нужна соратница, которой я смогу доверять. Ты же понимаешь, что я всегда на виду и не могу рисковать, нося вещь на себе. Орден пристально следит за всеми успешными публичными людьми. Будешь представлять мои интересы, находясь в тени.

– Хорошо. Мое согласие вы получили. Что дальше?

– Покажи платок, пусть это станет гарантом твоей лояльности.

«Ага, разбежалась!» – фыркнула я про себя.

– Вы знаете, что платок хранился в браслете? – спросила у нее. – Никогда бы не догадалась, если бы Лебедева не показала тайник. Это натолкнуло меня на мысль, что есть множество мест, где даже не подумаешь искать.

– К чему ты это говоришь?

– К тому, что платок надежно спрятан. И демонстрировать я его буду лишь после того, как официально стану вашей помощницей.

– Девочка, не играй со мной! – подобралась уже расслабившаяся Арсеньева.

– Какие игры? Бывшая владелица убита, Кристоф убит, моя подруга убита. Не хотелось бы пополнить этот список или стать случайной жертвой. Я согласна на сотрудничество, но не хочу быть глупышкой, которая принесет вам платок и станет ненужной. Я не ваша избирательница и, скажем так, с осторожностью отношусь к предвыборным обещаниям. Начните их выполнять, и я вам поверю.

Повисла тишина, чтобы через миг разорваться подобно снаряду.

– Кажется, у Василия Макарыча крыша поехала. Отказался меня пускать, говоря, что не велено.

Я вздрогнула, услышав Кирилла. Через минуту появился и он сам из глубины дома. Наверное, там второй вход.

– Пришлось забор преодолевать. Он тебе не досаждал? Ты как?

Кир стремительно присоединился к нашей тесной компании, подходя ко мне и больше никого не замечая.

– Нормально. У нас гости, – указала ему глазами на Арсеньеву.

Резко развернувшись и заслонив собой, искренне удивился:

– Анастасия Филипповна?!

«Кажется, они уже знакомы», – сделала вывод я.

– Вчера люди Анастасии Филипповны проявили излишнее рвение в парке, и в качестве компенсации нам предлагают работу. На очень выгодных условиях, – кратко обрисовала ситуацию, вводя в курс дела.

– Откуда такое великодушие?

В голосе слышалось недоверие и ирония. Вот только это Арсеньеву не смутило.

– Вы отличный специалист в своей области. И вашей девушке я уже предложила место своей помощницы. Отдайте мне платок! – прозвучал неожиданный приказ.

– Какой? – отрывисто поинтересовался Кирилл.

– Вот с такими кружевами, – тон Арсеньевой стал мягче.

К моему удивлению, Ольховский направился к ней, открывая мне

обзор, и с преувеличенным вниманием изучил кружева на демонстрируемой шляпе.

– Признайся, видел такие?

– Да, – к моему удивлению, подтвердил он.

Удивление стало еще больше, когда на приказ принести вещь с кружевами Кирилл послушно пошел на второй этаж. Я даже с дивана вскочила, не веря глазам своим!

– Вот видишь, – на губах Арсеньевой расцвела улыбка, – как все просто с мужчинами.

– Наша договоренность отменяется? – скрывая панику, спросила я, а взгляд остановился на ее руках. Ох, не зря она перчатки не сняла, не зря!

Арсеньева сделала вид, что задумалась, но ответ я прочитала в ее глазах.

– Мне нужна помощница. В тебе есть характер и изворотливость. Я подумаю, – почему-то не стала сразу отказывать. Наверное, решила подождать, пока платок окажется в ее руках. Я же ждала Кирилла, в душе надеясь, что он притворяется и пошел за оружием.

Ольховский вернулся довольно быстро, спускаясь по лестнице и сжимая в руке перчатки.

– Кирилл! – позвала его, подозревая, что он под влиянием Арсеньевой.

– Нам лучше их отдать, – убежденно ответил он, подтверждая внутренние страхи.

Пока внимание женщины было приковано к зажатому в кулаке клочку ткани, я бросилась к Кириллу, благо стояла ближе к лестнице.

– Дай!

Перехватив его, вырвала перчатки и бросилась к камину, занеся руку над огнем.

– Перчатки?! – удивилась Арсеньева.

Впопыхах мне удалось забрать лишь одну перчатку. Вторая упала на пол, и Кирилл, подобрав ее, передал лживой гадине, рвущейся к власти.

– Я сожгу ее! – замерла с парной у камина.

Вот только угроза не напугала. Игнорируя меня, Арсеньева провела по щеке Кирилла ладонью, затянутой в перчатку.

– Ответь честно, ты знаешь, где шейный платок? – требовательно спросила она.

– Да.

– Принеси! – прозвучал хлесткий приказ.

Ольховский развернулся и пошел ко мне. Не было ни стеклянного взгляда, ни еще каких-либо внешних признаков, что он под внушением.

Вел себя так, как будто это было ЕГО желанием.

– Кирилл, – голос мой предательски дрогнул.

– Мы же решили избавиться от вещей. Ордену отдавать ты не хотела. Это прекрасная возможность избежать проблем.

Конечно, звучало логично, но только теперь даже Орден был предпочтительнее, чем Арсеньева. По ее вине погибли Саша и Аделаида Стефановна. Если выживу, лично на нее Богдана натравлю!

– Не надо! – предупреждая выстала перед собой руку, не желая уходить от камина. В крайнем случае оставалась надежда сжечь платок.

Игнорируя этот жест, Кирилл сократил между нами расстояние. Я отпрыгнула от него, но было поздно. Он поймал меня и оттянул ворот свитера, обнаружив повязанный вокруг шеи платок. Арсеньева его тоже увидела и перестала миндальничать.

– Убей ее! – раздался властный приказ.

Руки Ольховского сомкнулись на моем горле.

– Нет! – Это было как в кошмарном сне. – Кирилл, стой! – прохрипела я. Умом понимала, что им управляют, но внутри все скрутило от боли из-за предательства.

Хватка пальцев ослабла, и я вдохнула вождеденный кислород.

– Убей! – недовольная задержкой, к нам приближалась Арсеньева, сбросившая маску. Сейчас ее породистое лицо выглядело отталкивающим из-за злобного выражения. Видели бы ее избиратели.

– Не слушай ее! – успела выдохнуть я, когда мое горло опять сжали, и это спасло. Внешне Кирилл продолжал с усилием давить мне на шею, но на этот раз с судорожными вдохами в меня поступал кислород.

– Что же ты возишься? Быстрее! – раздалось совсем рядом.

Отпустив меня, Кирилл развернулся и бросился на нее, сбивая с ног. Раздался выстрел, и я увидела, как они вдвоем падают на пол. В первый момент мне показалось, что это он успел достать пистолет, но тело Ольховского дернулось еще от одного выстрела, и Арсеньева стала высвобождать руку, зажатую между их тел.

Не думая ни о чем, я бросилась на нее, выкручивая пистолет.

– Беги! – прохрипел Кирилл. Женщина извивалась, придавленная его телом, а я всем своим весом навалилась на ее руку, выкручивая крепко зажатое оружие, которое беспорядочно стреляло. Одна пуля разбила напольную вазу, вторая попала в окно, еще одна отбила кусок штукатурки от стены.

Обеими руками мне удалось забрать пистолет, стянув его вместе с перчаткой. Под яростный крик Арсеньевой он отлетел под диван, оставив

перчатку в моих руках. Женщина уперлась руками в грудь Кирилла, отталкивая от себя, но он смог размахнуться и ударить ее по лицу. Та обмякла, как и он, упав сверху.

– Кирилл! – закричала я, переворачивая его. Черная футболка на груди намочена от крови, а он потерял сознание.

Я стала судорожно обшаривать его карманы. Нужно было срочно вызвать «Скорую», иначе он истечет кровью.

Не знаю, где был его сотовый, но в куртке нашла только разобранный свой. Смагивая слезы, стала его собирать. Пальцы дрожали так, что все выскальзывало из рук и не хотело собираться. От волнения уронила телефон, и запчасти разлетелись по полу. Застонав от отчаянья, сгребла их вместе с перчатками. Вспомнив, что они добавляют ловкости, натянула, прежде чем собирать его снова. Одна, с широкими манжетами, украшенными кружевами, принадлежала Арсеньевой, но в панике мне было все равно.

На этот раз все удалось. Кирилл не подавал признаков жизни, но проверять пульс было страшно. Еще, как назло, сотовый не мог поймать сеть.

– Кирилл!!! – закричала я, встряхнув его. Он глухо застонал, а у меня как будто крылья за спиной выросли. – Сейчас... Я сейчас... Потерпи!

Вскочив на ноги, побежала на второй этаж. В комнате, где мы спали, остановилась у окна, смотря на телефон. Сеть появилась, и я набрала службу спасения. Сумбурно объясняя про огнестрельное ранение и наше местоположение, услышала выстрел.

Внутри все оборвалось, и опустились руки. Не слушая голос оператора, который хотел что-то уточнить, как приговоренная пошла к двери, выглянув в коридор. По лестнице поднималась Арсеньева.

Тихо прикрыв дверь, без сил сползла по ней на пол. Казалось, я попала в кошмар. Аделаида Стефановна, Саша... Кирилл... За что?! Боль внутри разрывала, сводя с ума.

Обхватив голову руками, раскачиваясь, застонала:

– Не хочу... Не-е-ет!!! Господи, пусть будут все живы!

Рядом раздался выстрел, и сознание заволокла тьма.

* * *

– Кри-и-ис... – Взгляд подруги стал совсем жалобный. – Пойдем со мной! Я ведь уже собралась, оделась, настроилась.

Меня повело, и я стала оседать на асфальт.

– Крис, что с тобой?! – испуганно вскрикнула Сашка, подхватывая меня.

– Саша?! – Тьма перед глазами рассеялась, являя обеспокоенное лицо Лебедевой. Ее тело под руками было теплым и реальным. Мы стояли в нашем дворе возле моего подъезда.

– Я за нее. Подруга, да ты совсем зеленая.

– Сашка!!!

Я сжала ее в объятиях, все еще не веря. Она была при параде и выглядела так же, как когда мы ходили в клуб. Или еще не ходили?!

– Значит, в клуб идем? – с надеждой спросила она, высвобождаясь и заискивающе заглядывая в глаза, изображая из себя кота из «Шрека». – Серебрянская, ты же моя лучшая подруга! Для чего я красоту наводила? – Она тряхнула тщательно уложенными локонами. – Чтобы дома сидеть? Бабуля и так мозг выносит своими нотациями. Хочу развеяться. Ну пожалуйста...

Я подняла голову к небу, еще не веря, но мысленно благодаря небеса. Хотелось крепко-крепко обнять Сашку, но я понимала, что тогда она точно решит, что у меня с головой не в порядке.

– Саша, ты моя лучшая подруга. Самая близкая, любимая, как сестра. Не надо сегодня никуда идти. Как сестру прошу, давай проведем этот вечер дома.

Наверное, что-то было у меня в глазах, раз она обеспокоенно спросила:

– Тебе нехорошо?

– Голова кружится.

– Если бы не знала, что у тебя никого нет, решила бы, что ты залетела. Идем, горе мое, совсем заработалась. Я же говорила тебе завязывать с уроками!

И Сашка с ворчанием подхватила меня под руку, ведя к подъезду.

Эпилог

Раздеваясь, Богдан небрежно бросил пиджак на кресло, и из него выпал белый прямоугольник визитки. Наклонившись, прочитал имя случайной знакомой, с которой познакомился в клубе. Надо же, успела сунуть ему номер телефона!

Скомкав визитку, отшвырнул прочь. Они хоть и провели жаркую ночь, продолжив знакомство на квартире у Кристофа, но встречаться с ней Ковальский больше не планировал. Все равно Морено развеял подозрения по делу, из-за которого его вызвали, и Богдан собирался покинуть Россию. На сегодня было запланировано несколько встреч, и можно заказывать билеты. Не нравилось положение дел в фонде, но с этим разберется команда его людей, направленная для проверки.

Прежде чем идти в душ, решил проверить почту. На ходу расстегивая рубашку, с раздражением провел по красным царапинам на груди, которые оставила любовница в порыве страсти. Не успел перехватить, зато после этого поставил ее на четвереньки и продолжил любовные игрища в такой позе, во избежание. Еще одна причина, по которой больше не хочется видеть ее в своей постели, – терпеть не мог такие «милые» напоминания на своем теле. Любовниц он забывал быстрее, чем исчезали царапины от острых женских коготков на коже.

Открыв ноутбук, обнаружил несколько новых писем, одно из которых с неизвестного адреса. Первым открыл его.

«Богдан, думаю, тебя заинтересует эта информация.

Арсеньева Анастасия Филипповна, кандидат в мэры, является владелицей шляпы и перчаток подчинения. Она готова идти по головам, стремясь к власти. Надеюсь, ты ее остановишь.

P.S.

Не делись информацией с Кристофом. У них какие-то общие дела».

Ни подписи, ничего, что бы говорило о личности отправителя. В том, что это писала женщина, он почему-то не сомневался. Откуда знает его адрес? И почему с ним на «ты»?

Задумчиво глядя на экран, набрал отдел программистов, попросив проверить, откуда пришло письмо.

Арсеньева... Это же ее помощница погибла при пожаре, засветившись перед этим на экране телевизора с перчатками. Во время интервью ее показывали крупным планом. Оператор уделил внимание тому, как она нервно сжимала перчатки в руке. Это позволило знающим людям рассмотреть кружево на них и начать охоту.

А что, если перчатки не сгорели при пожаре и это был совсем не несчастный случай? Просто птица покрупнее заметала следы, отводя от себя подозрения. Намек на участие в этом Кристофа все менял. Богдан ощутил потребность самому разобраться в этом деле. Похоже, придется задержаться в России.

* * *

Трель звонка разносилась за запертой дверью, и мне никто не спешил открывать. В этот раз я волновалась намного сильнее, чем тогда. Раньше от Кирилла мне нужна была только помощь, а сейчас он сам.

Мы не пошли с Сашей в клуб, весь вечер просидели у меня, вспоминая прошлое и кушая мамины пироги. На следующий день, застав утром на кухне пританцовывающую мать, которая готовила завтрак, совсем не удивилась ее новости насчет путевки в Тунис, подаренной отцом.

Это заставило меня задуматься. Похоже, я оказалась не в параллельной реальности, как подумала вначале, а действительно вернулась в прошлое. Первым моим порывом было броситься к Кириллу и убедиться, что он жив, но вспомнила про его Барби и сдержалась. Я же не знаю, когда именно они расстались. Разве станет легче, если приду и застаю ее у него? Зато я знала, когда он точно будет дома один и разбежится со своей пассией. Оставалось только ждать. Каюсь, один раз не сдержалась, одолжив у соседа Димы телефон и позвонив по знакомому номеру. Мне хватило просто услышать его голос.

А еще я написала письмо Богдану, рассказав об Арсеньевой и упомянув Кристофа. Адрес почты я помнила, а для отправки письма воспользовалась специальным почтовым сервисом, чтобы не светить свой ящик. И понятное дело, отправляла я его не из дома.

Дни идут своим чередом. Аделаида Стефановна жива и носит на руке браслет. События подстраиваются под ту реальность, которую я знала. Так, Саше очень захотелось прогуляться по Красной площади, а потом мы с ней поехали на Воробьевы горы, где посидели в приятном ресторане, но уже без Богдана с Кристофом. Никакого ограбления квартиры Лебедевых не

было. Только в день, когда случилось нападение, у Аделаиды Стефановны произошел сильный приступ, и ее забрали в больницу. Саша позвонила родителям, и они прилетают.

Я нажала еще раз на звонок, слушая длинную трель. Сегодня собиралась ждать до победного.

«Он дома!» – говорила себе, но было страшно как никогда. Это же я люблю его, а он ничего не помнит. Сложится ли у нас? Простит ли он и отпустит прошлое? Ведь сейчас не нужно меня спасать и защищать.

Я настолько ушла в свои мысли, раздираемая сомнениями, что не услышала шагов и звука открываемого замка. Просто в какой-то миг дверь открылась, и передо мной предстал Ольховский во всем своем великолепии.

– Кир...

Горло сжало, и я не могла произнести больше ни слова. Все как тогда. В одном полотенце, только из душа и удивленный.

– Кристина?!

Меня точно не ждали, но он посторонился.

– Проходи.

Я зашла на деревянных ногах. Наверное, это судьба, но момент повторился: он закрывает дверь, я задеваю его бедром, полотенце сползает, автоматически ловлю, и мои руки прижаты к торсу Ольховского.

– Кристина, определись. Ты меня одеваешь или раздеваешь, – хмыкнул Кирилл, а дальше все пошло не по плану.

У меня сдали нервы. Это же Кирилл! Вот он, живой!!!

– Ольховский, какой же ты дурак! – вырвалось у меня, и я сдернула с него это дурацкое полотенце. – Раздеваю!

Толкнула ошарашенного к стене и, наплевав на все, поцеловала. Мне жизненно необходимо было ощутить его губы, обнять, погладить грудь, где нет и следа ранений. Как же я его люблю! И каждым своим поцелуем, прикосновением начала говорить ему это.

Он только на миг растерянно замер, а потом сжал меня до треска в ребрах, и поцелуи стали такими, что подогнулись колени. Я плавилась в его руках, ужасно соскучившись. Даже не представляю, как я раньше жила без него.

– Останови меня! – прошептал Кирилл.

Его руки уже были у меня под одеждой, и единственное, чего мне хотелось, – продолжения. Неважно где, в коридоре, в ванной, в спальне... Лишь мысль о том, что в самый пикантный момент заявится его бывшая и все испортит, заставила разочарованно застонать и отстраниться.

Попытаться, по крайней мере, так как Кирилл не отпускал, глядя на меня затуманенным взглядом.

– Не успеем, – с сожалением сказала я. – Сейчас сюда твоя Барби за вещами зайвится и скандал устроит.

При упоминании бывшей взгляд Ольховского приобрел осмысленность и протрезвел. Забавный у нас сейчас вид. Он голый, моя одежда в беспорядке, губы горят. Встретились, одноклассники. Это мне он парень и любимый, а Кирилл не видел меня несколько лет.

– Что ты о ней знаешь?

– Кир, иди оденься, а то я за себя не ручаюсь и все тебе расскажу. Только не спрашивай, на каких колесах я сижу.

Отодвинув его, одернула на себе одежду.

– Я на кухню, сварю нам кофе.

– Там...

– Ремонт сделан, – закончила за него. – Не беспокойся, я знаю, где что лежит.

– Откуда? – подозрительно сузил он глаза.

– Ольховский, оденься. Я понимаю, что Барби бывшая, но вот нечего ее в полотенце встречать! А она сейчас зайвится.

– Серебрянская, ты в себе?

– Нет, – честно призналась ему. – Нам нужно поговорить.

Когда Кирилл зашел на кухню, я как раз следила за кофе. Решила заварить в турке покрепче. Оглянувшись на него, оценила вид в домашних брюках и обтягивающей футболке. Он был таким родным. Хотелось обнять, прижаться к нему и никуда не отпускать.

– Что с тобой произошло, что ты смотришь на меня таким взглядом? – осторожно поинтересовался Ольховский.

От необходимости отвечать меня избавил кофе. Не дала ему сбежать, ловко подхватив турку, и разлила по чашкам. Поставив на стол, вернулась, достала сахар и печенье, которое выложила в вазочку.

– Давай пить кофе. Сейчас все равно поговорить не успеем, – сказала Кириллу, ошеломленно наблюдавшему, как я хозяйничаю у него на кухне.

– Почему?

Прозвучавший звонок послужил ответом.

– Кирилл, там твоя Барби. Не знаю, о чем вы будете говорить в коридоре, но, когда она ворвется на кухню, ее словами будет... А впрочем, я лучше напишу и отдам тебе листок. Сравнишь.

Сказав это, отодвинула его, пройдя в комнату, взяла листок из принтера с ручкой и кивнула замершему на пороге Киру в сторону двери:

– Иди, открывай.

Сама же помчалась на кухню. Идея мне понравилась. Это был шанс хоть как-то его убедить в правдивости моих слов. Сев за стол, я стала быстро писать.

К тому моменту, как на пороге возникла белокурая фурия, я, демонстративно глядя на Кирилла, отложила ручку и сложила листок. Далее все развивалось по уже известному сценарию, вот только когда она в ярости рванула на выход, я сорвалась с места за ней, сунув Кириллу в руки листок.

– Снежана, постой, – догнала у самой двери.

– Чего надо? – зашипела она.

– Чемодана! – гаркнула в ответ. И пока та хлопала ресницами, нырнула в спальню и выкатила два больших чемодана.

Кирилл же говорил, что они собраны, а я не хотела, чтобы они еще встречались.

– Ты забыла, – впихнула ей. – И еще раз сюда сунешься – ноги переломаяю!

Пока та приходила в себя от моей наглости, выставила ее, подталкивая чемоданами, и захлопнула дверь перед самым носом. С чувством исполненного долга обернулась, застав мрачного Ольховского стоящим в коридоре со скрещенными на груди руками.

– И как это понимать?

Я уж думала, что он насчет моего самоуправства, но Кирилл потряс листком с дословно записанным разговором с бывшей:

– Серебрянская, у тебя экстрасенсорные способности открылись?

– Идем кофе пить, – устало сказала ему, – я тебе все расскажу.

Конечно, моя история пахла сумасшествием, но я рассказала действительно все. За это время мы выпили не одну чашку кофе. Кирилл не побежал вызывать людей в белых халатах, а задавал вопросы. Я говорила и говорила, вспоминая обо всем. Когда закончила на том, как оказалась в своем дворе, чувствовала себя выжатой как лимон, но в то же время испытывала облегчение.

– Поехали! – решил Кирилл после непродолжительного задумчивого молчания.

Признаться, я немного опешила.

– Куда?!

– На дачу. В прошлый раз мы взяли оттуда дневник. Значит, сейчас он еще там.

– А поехали! – улыбнулась я. – Только... в прошлый раз мы выехали

днем.

– Почему?

– Ты хотел вещи своей Барби вернуть, чтобы она больше не возвращалась, но, как видишь, я избавила тебя от этой необходимости и выкроила нам свободное время.

Пока он соображал, встала и обошла стол, сев ему на колени.

– Кир, я безумно соскучилась, – проникновенно сказала ему, заглядывая в глаза.

– Ты же понимаешь, что для меня мы встретились только сейчас? – уточнил он, но обнял меня.

– Ольховский, – я положила руки ему на грудь, чуть сжав материю футболки, – я нравлюсь тебе с третьего класса, а с седьмого ты в меня влюблен. Не смотри так, сам мне признался! Я к тебе переехала, и ты меня поставил перед фактом, что мы поженимся и я рожу тебе пятерых детей. Сразу после окончания института этим займемся, чтобы я беременная не нервничала на экзаменах. А еще, гад, обозвал меня тугодумом и подслеповатой, так как я тебя не разглядела сразу. Так что говорю один раз, и запомни – я тебя разглядела! Ольховский, без вариантов, ты – мой!

И, пресекая любые возражения, поцеловала. Так, чтоб сомнений не осталось в серьезности моих намерений. Он теперь от меня при всем желании не избавится!

«Да пусть только попробует!» – накручивала себя, не замечая, что некоторые протестовать и не пытаются. Одежда полетела на пол, и, сшибая все на своем пути, мы едва добрались до спальни.

За дневником все же съездили. Кирилл отсканировал его, запустив перевод с французского, и с интересом принялся изучать. Я же в этом не участвовала, так как в свое время прочитала от корки до корки, и прикорнула на диване, наблюдая за ним. Чувствовала себя на своем месте, дома. Все же моих родителей по возвращении ожидает большой сюрприз. С переездом я тянуть точно не буду. Хотя меня же еще не пригласили переехать. Прикрыла глаза, убеждая себя не спешить. Он мне поверил, не обозвал сумасшедшей, мы вместе.

– Я, конечно, мечтал, что однажды ты возникнешь на моем пороге, но реальность превзошла все ожидания, – усмехнулся Кирилл, присев на корточки рядом со мной и с нежностью отводя волосы с лица.

– А знаешь, каким был наш первый раз? – открыла глаза.

– Каким?

Мне удалось его заинтриговать, и я улыбнулась, вспоминая.

– Ты самоуверенно заявил, что у нас все будет в любом случае, но дал

выбрать: или будет один раз, или мы встречаемся.

– И что ты выбрала?

– Тебя, – ответила откровенно, смело глядя в его зеленые глаза. – Кирилл, я в любой реальности выбираю тебя. А ты?

Он помедлил, не убирая руку с моих волос, а потом с мягкой улыбкой произнес:

– Серебрянская, я тебя с третьего класса себе в жены выбрал.

– Что?! – От удивления я даже села на диване. Расплылась в улыбке, а потом не выдержала и ехидно заметила: – И кто у нас тугодум? Такими темпами свадьбу мы в девяносто лет сыграем! А детей...

Мне не дали договорить, резко притянув к себе и закрыв рот поцелуем.

– Люблю тебя! – прошептала ему в губы, и меня сжали в объятиях еще крепче. Мне не нужен был его ответ, и так знала, что любит.

* * *

Когда в новостях передали о трагической гибели Арсеньевой Анастасии Филипповны, я лишь испытала удовлетворение – Богдан меня услышал. В ее доме ночью замкнуло проводку, вспыхнул пожар, в котором она не выжила. Дом сгорел, но никто больше не пострадал. У прислуги был выходной, а охранники не успели среагировать, так как спали на посту.

Писали о покушении, возможных происках конкурентов по выборам, но шумиха быстро утихла, и виновных не нашли. Кирилл пробил информацию о Богдане, он еще остается в России, хотя и летал в Канаду. Получается, эта поездка с Сашей не связана. Ни с ним, ни с Кристофом я больше не виделась. Саша стала встречаться с Адамом, нашим одноклассником. Мы все же выбрались в его клуб втроем. Адам был там и не упустил шанса, ему удалось обаять Сашку. Хотя она ворчит, что просто перебрала коктейлей.

Дневник я вернула Аделаиде Стефановне уже после отъезда ее сына с женой. Вкратце рассказала о случившемся, попросила не передавать мне платок и избавиться от этой участи Сашу. Пусть лучше Вере Игнатьевне достанется или еще кому. Также попросила дополнить записи дневника художницы, указав, что комбинация из перчаток и платка действительно работает. Может, кому-то пригодится. Я свой второй шанс получила и дорожу каждым мгновением.

Меня больше не прельщает власть вещей. Они и так сделали мне самый ценный подарок. Не знаю, откуда они возникли, их возможности

невероятны, но не я стану разгадывать их тайну. Все потеряв, я поняла, что на самом деле для меня важно. Мне много не надо. Хочу, чтобы были живы родные и близкие. А еще засыпать и просыпаться с Кириллом и каждый день благодарить небеса за то, что счастлива.